

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 10 том - «Анжелика и заговор теней»

Перевод с фр. Г. Пчеляковой

АО «Крон-пресс» : СП «Старт», 1993г.

•

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОКУШЕНИЕ

Глава 1

Когда Анжелика проснулась, была глубокая ночь. Корабль чуть покачивался на якоре, и это движение было единственным признаком жизни. Бледный свет луны пробивался сквозь окна, выходившие на корму, обрисовывая контуры роскошной мебели в салоне «Голдсборо», бликовал на позолоте и мраморе изящных вещей.

Луч света замер у края алькова, у основания широкого восточного дивана, на котором в беспокойном сне забылась Анжелика.

Она проснулась мгновенно. Сон отступил от пронзительного до боли чувства любви, к которой примешивалась тревога и даже страх, угрожавшие ей. Она старалась вспомнить сон, вызвавший в ней и желание и страх. Может быть, ей снился Жоффрей де Пейрак, который брал ее на руки? Нет-нет. А вдруг ей привиделось, что его пытаются убить? Нет... Она ничего не могла вспомнить.

Осталось только сладострастное желание, разлившееся по всему телу — от впадины живота и кончиков сосков до корней волос. И еще страх. Она была одна, но это стало уже привычным. Ложе рядом с ней еще хранило отпечаток тела того, кто отдыхал

здесь несколько часов назад. Жоффрей де Пейрак часто оставлял ее спящей, а сам отправлялся в караульный обход.

Анжелика вскочила. Впервые с тех пор, как они поднялись вверх против течения реки Сен-Лоран, дремавшая в ней мысль вдруг оформилась в четкую формулу: они находились на территории короля Франции.

Он, ее супруг, давно приговоренный к смерти, и она, проклятая, за чью голову назначена награда, только что вторглись в пределы, из которых когда-то были изгнаны. Конечно, они сильны. У них флот из пяти кораблей. Но могущество Людовика XIV, хотя он и находился далеко, разве не было подавляющим? Его власть распростерлась и до этих отдаленных областей.

Здесь у них много врагов, которые верно служат королю. Авторитет суверена решал вопросы и жизни, и смерти.

* * *

С тех пор как она испытывала свою судьбу, восстав против короля Франции в лесах Пуату, Анжелика никогда не чувствовала так ясно, что оказалась в тупике, загнана в ловушку. Ценою нечеловеческих усилий им удалось бежать из Франции, обрести свободу в Америке, и вот теперь приходится слепо подставлять под удар голову за одно желание вернуться в Квебек, возобновить связи со Старым Светом, с их родиной.

Безумие! Как она позволила Жоффрею осуществить этот план? Почему она не заметила этой опасности сразу же, как только он решил: «Едем в Квебек»? Не заметила, что отступление будет невозможно, что там, где царит всемогущий король, их всегда будет подстерегать опасность. Какой иллюзии они поддались? Может, их на это подтолкнула ностальгия? Почему вдруг они посчитали, что высокое происхождение может сгладить все препятствия и что время ослабит

вердикт короля? Теперь они снова очутились в его власти.

Ночная тьма и эти яростные чувства вызвали в ней ощущение, что это дурной сон. Ей казалось, что она действительно вернулась во Францию, что она находится в своем замке в Пуату, где всего шесть лет назад она была совершенно одна, брошенная всеми, когда она просыпалась ночью от неутоленного желания мужской любви, от сожаления об утраченном счастье и навязчивой мысли о подстерегающей ее опасности.

Анжелику била дрожь, и она никуда не могла деться от ощущения неминуемой катастрофы.

Она поднялась. Руками ощупала мебель, стараясь определить реальность окружающего. Глобус и астролябия были на месте. Но это ее не успокоило. Она чувствовала себя пленницей этого салона, этой неподвижной мебели, окон, выходящих на корму и разделенных неумолимым лунным светом на серебряные квадраты, казавшиеся Анжелике непреодолимой тюремной решеткой.

Жизнь была позади.

Она мертва.

Но и здесь ее подстерегал король. Ее больше не защищала завеса из деревьев неприступной провинции, где она когда-то подняла мятеж. Не было ничего надежного, что могло бы противостоять власти суверена. Как бы далеко она ни убежала, король может ее настигнуть и придавить всей тяжестью своей злопамятности. Она была в западне, и теперь наступил конец. Она умерла.

Жоффрей де Пейрак исчез. Где он? Он на другом конце земли, где светит солнце, а не луна, где сияет жизнь и нет места смерти. Никогда уже она, сгорая от желания, не соединится с его обнаженным телом. Она обречена жить пленницей корабля-фантома, этих сумрачных мест, до самой казни сохраняя воспоминания

о земных радостях, об объятиях и безумных поцелуях, ставших теперь недоступными. Ад.

Это вероломство судьбы почти убило ее, исторгнув стон.

Сраженная беспощадным отчаянием, она вслушивалась в глухую ночь и вдруг вдалеке вроде бы уловила звук шагов. С этим неясным шумом к ней вернулось ощущение реальности. Это были живые звуки, и она сказала себе: «Мы ведь в Канаде!» — и вновь прикоснулась к глобусу, но не в полусне, а чтобы убедиться в реальности настоящего. «Мы на «Голдсборо», — повторяла она. Она говорила «мы», чтобы воссоздать реальность, воспоминание о которой возникло в памяти, причиняя боль.

Жоффрей де Пейрак должен быть наверху, на полуюте, оберегая ее ночной покой в этой суровой и далекой части Нового Света. И потом, вокруг него его люди, его корабли — этот флот, на якоре у подножия утесов Сент-Круа-де-Мерси. Вот какое название дали этому месту: Сент-Круа-де-Мерси.

Какой-то фиорд, глухая излучина реки, куда непрерывно накатывались волны бурного беспокойного океана. Лоцман сказал им: «Это Сент-Круа-де-Мерси. Здесь можно бросить якорь на ночь». Это было название этого участка берега, но для Анжелики оно оставалось чем-то таинственным, мифическим, как будто лоцман вдруг оказался перевозчиком через Стикс, Ей казалось, что в этих местах царила смерть, именно здесь были ворота в ад...

Она машинально оделась, из осторожности не зажигая свечу в серебряном подсвечнике, который белел у изголовья ее кровати. Ее охватил страх: что, если свет вдруг подтвердит ее ужасное предположение: «Я мертва. А он исчез».

Она набросила на плечи мантию и открыла дверь. Глубокое дыхание ночи охватило ее, сжало горло, и

Анжелика вновь почувствовала запах корабля: хорошо вымытой палубы, снастей, парусов, дыма, запах соли, жареного мяса, что исходит обычно от матросов, которые готовят пищу всяк на свой манер. Бог знает сколько рецептов смешалось в этой разноплеменной команде, набранной со всех уголков света.

Анжелика оперлась о дверь. Хладнокровие вернулось к ней. Она вздохнула полной грудью, и сразу утихли беспорядочные удары сердца.

Жоффрей близко. Через несколько мгновений она его встретит. Стоит только сделать несколько шагов, пройти несколько ступенек винтовой лестницы и свернуть налево. Увидит его широкие плечи под камзолом, стройное тело, излучающее тепло, его промокшие ноги в дорогих башмаках. Он, конечно, не заметит ее сразу, поглощенный своими мыслями. Именно по ночам, в бессонном одиночестве, он строил свои планы, связывал узлы тысяч проектов и дел. Она приблизится к нему. И услышит:

— Вы не спите, моя милая?

И она ответит:

— Я хотела вас видеть, быть рядом, чтобы успокоиться, любовь моя. Я видела дурной сон. Мне так страшно.

Он засмеется, и она сразу согреется от огня его глаз.

Анжелика уже знала, что только она может вызвать выражение радости во взгляде этого мужчины, высокомерного, порывистого, иногда неумолимого. Этот взгляд, устремленный па нее, становился таким нежным и мягким. Она одна, положив руки на его плечи, заставляла трепетать этого человека. Он, хозяин стольких судеб, только перед ней преклонял колени.

Одним взглядом она могла покорить этого высокого сеньора, этого воина, огрубевшего в битвах. Она знала, что одной только улыбкой врачует его скрытые раны,

нанесенные ему оскорблениями и унижениями. И он не обманывался, говоря, что благодаря ей чувствует себя счастливейшим из людей. Уверенная во власти над этим грозным обольстителем женщин, который только ей дал право ревновать. Сознание, что узы, связывающие их, столь крепки, давало Анжелике свободу в проявлении своей любви. Еще несколько шагов, и она будет рядом с ним.

Робко она возьмет его за руку, теплую, сильную, красивую, слегка пахнущую табаком. Она расцелует каждый его палец, как обычно мужчина целует пальцы женщины, а он погладит ее, прошептав: «Дорогая глупышка!»

Глава 2

Но его здесь не было.

Анжелика увидела только Эриксона, курящего свою длинную трубку. Это был верный исполнитель указаний, понимающий все с полуслова, гений сурового и грозного моря, который управлял кораблем, почти не раскрывая рта. Сторожевой пес с мертвой хваткой.

Анжелика долго вглядывалась в него, пока не убедилась в том, что это не Жофfrey. В одно мгновение полуют корабля превратился в зловещую площадку, где разыгрывалась ее судьба. И снова лес надвинул свою черную тень на заколдованную воду и стал казаться ей безмянным и безлюдным. Шагнув вперед, она сказала:

— Добрый вечер, мсье Эриксон. Где же мсье де Пейрак?

По мере того как она поднималась, поручни открывали ей близкий берег. Она не знала, что он так близко, что можно различить огни, зажженные на земле.

— Он сошел на сушу?

Эриксон поднялся на своих кривых ногах, приподняв фетровую шляпу с пером — атрибут шефа, которую он

подучил вместе со званием капитана «Голдсборо». То, что он принял на себя командование кораблем, удовлетворяло всех. Авторитет этого гнома среди экипажа был непререкаем.

— Действительно, мадам! Около часа назад мсье де Пейрак велел спустить его на землю.

— Надеюсь, его сопровождают? — спросила она, теряя голос.

— Он увел с собой только оруженосца Жана Ле Куеннека.

— Жана...

Снова взглянула она на темный берег. Там простирался бесконечный густой канадский лес, прибежище медведей и индейцев. Что сулит им этот причал? Она повернулась к Эриксону, пытаясь понять происходящее, но внешне оставаясь непроницаемой.

— Он сказал вам, куда пошел?

Эриксон кивнул головой, потом, поколебавшись, вынул изо рта трубку и прошептал:

— Ему принесли записку!

— Кто? Индеец?

— Не знаю. Но монсеньор, казалось, был в курсе дела. Я видел только, как он читал ее, а потом услышал приказ спустить лодку с двумя гребцами. Он предупредил меня о карауле и сказал, что сходит на сушу и вернется часа через два.

Анжелика вздрогнула. Все чувства, кроме тревоги, оставили ее. Казалось, жизнь покинула ее, так бледна и холодна она стала. Это как раз то, о чем предупреждал ее сон. Опасность. Они проникли на территорию короля Франции, пусть даже и необитаемую.

— Ладно! — сказала она норвежцу и медленно пошла к своей каюте. Там она решительно зажгла лампы, вынула из ящика пистолет, зарядила его и сунула за пояс.

Затем вновь поднялась наверх и огляделась. Что искала она в этой глухой ночи, в этом соленом запахе, в обожженном подлеске? Мимо нее прошел, зевая, кто-то из команды и улегся в свой гамак. Она узнала Жака Виньо, плотника из Вапассу. Вдруг ее осенило. Она поняла, что должна делать.

— Жак, найдите срочно Куасси-Ба и Энрико. Скажите, чтобы они с оружием пришли в мой отсек.

С полуюта она увидела матроса, который заступил на вахту.

— Эриксон вас ждет внизу, мадам, — сказал он ей. Он приказал уже спустить шлюпку на воду.

— Я подумал, мадам, что вы тоже пожелаете сойти на землю. Позвольте мне сопровождать вас. Мсье де Пейрак рассердился бы, если бы я не сделал этого.

Она поняла, что Эриксон тоже обеспокоен и воспользовался этим предлогом, как бы уступая инициативе Анжелики. Ему тоже хозяин не раз причинял множество хлопот. Любя независимость и риск, Жоффрей де Пейрак не думал о волнениях и тревоге, которые часто испытывали его близкие.

— Мсье Эриксон, я думаю, мы с вами договорились, — сказала она, награждая его признательной улыбкой.

По просьбе Анжелики Эриксон вызвал лоцмана, который предложил бросить якорь именно здесь, в этом пустынном закоулке.

— Что за местность Сент-Круа-де-Мерси?

— Это... Ей-богу... ничего!

— Но что же здесь есть: индейский лагерь, торговый пост, поселок?

— Ничего, — повторил лоцман.

«Тогда что же делает Жоффрей де Пейрак в местности, где нет ничего?» — задала себе вопрос Анжелика.

— ...Только наверху...

— Что?

— Старинный приют капуцинов в руинах. Когда-то индейцы складывали там меха во время торговли.

«Кто мог назначить свидание Жоффрею в этом затерянном уголке?»

Наконец собрались те, кого она позвала, негр Куасси-Ба, малаец Энрико, Виньо-плотник, вся группа спустилась в шлюпку, и вскоре они причалили к берегу. Энрико оставил двухвесельную шлюпку под охраной часовых, берегущих огонь на берегу, и спросил их, в каком направлении пошел граф Жоффрей де Пейрак. Часовые показали начало тропинки.

Глава 3

Погасив фонарь, они двинулись вперед. Неверный свет лупы освещал крутую тропинку, что вела к вершине утеса. Нагибаясь под ветвями, Анжелика потеряла ощущение места и времени. Ей снова казалось, что она в Пуату и вновь совершается безумная авантюра — мятеж против короля Франции. Тогда она так же бродила по лесам со своими партизанами, поднятыми на борьбу ненавистью и злобой: гугеноты и католики, вилланы и мелкопоместное дворянство, поставившие своей целью сеять смерть на каждом шагу. Молчаливые и мрачные, как сама ночь, из которой они появились, низвергая с утесов, обрушиваясь с деревьев прямо на кавалерию короля, загоняя ее в овраги, в течение двух лет они громили «миссионеров при шпагах», которые опустошали провинцию, и теснили даже королевские полки, посланные на их усмирение. Как и тогда, страх толкал ее вперед, заставлял подниматься вверх. Она не чувствовала ни трудности подъема, ни царапающих веток, больно хлеставших идущих. Анжелике показалось, что какое-то древнее чувство овладевает ее телом, в мозгу одно на другое наслаивались воспоминания.

На этот раз она боролась, чтобы защитить, спасти того, кого любила. Наконец они достигли прогалины.

Она оказалась небольшой, узкой, склоняющейся к выступающему краю единственного уступа над темными водами Сен-Лорана. Замок был уже недалеко, возвышаясь своими темными стенами, в которых гнездились тысячи птиц. Здесь океан врезался в сушу соленым лиманом. Слышался рокот его волн, и пронизывающий ветер леденил их влажные лица.

Анжелика осматривала местность, не различая ничего, кроме беловатой площадки, поросшей травой. Заканчивалась она обрывом в пропасть. Вдруг кто-то тронул ее за руку, стараясь привлечь ее внимание. Виньо делал ей знак, показывая что-то наверху, справа. Она различила слабый свет и очертания хижины. Тень леса скрывала ее контуры. Их можно было только угадать по этому мигающему и слабому свету. Возможно, он исходил от свечи или от огня, зажженного внутри хижины.

Группа затаилась на опушке леса. Анжелика обернулась к Куасси-Ба и подала знак. Он быстро набросил на свои белые волосы темный капюшон и благодаря своему чернокожему лицу вдруг стал совершенно невидим в темноте. Затем он стал тихо подкрадываться к хижине.

Они догадались, что он хочет заглянуть в окно. Через миг он оказался рядом с ними и прошептал, что в хижине действительно горит огонь, но он ничего не смог различить, так как окно затянуто непрозрачным рыбьим пузырем. Однако он слышал голоса двух тихо разговаривающих людей и может поклясться, что один из них — графа де Пейрака.

Он был здесь! Но с кем?

Напряжение Анжелики внезапно спало. Мысль о том, что он жив и находится близко, ее утешила. Кто-то пригласил графа де Пейрака, и тот отправился на randevu, не позаботившись о солидном эскорте на случай нападения. При нем был только Жан Ле Куеннек.

То, что он оставил на корабле свою испанскую стражу, свидетельствовало о том, что он знал, с кем должен встретиться. Возможно, он сам ждал и искал этой встречи. Но он ей об этом ничего не говорил. Анжелика научилась узнавать это сама и не раз видела, как долго и заблаговременно готовил он свои экспедиции.

А это путешествие в Квебек! Кто знает, сколько времени он обдумывал его. Она не удивится, если речь шла о назначении губернатором Новой Франции мсье де Фронтенака, который был плохо принят местными жителями. Его назначение держали в большом секрете. Немного успокоившись, Анжелика все же не решалась сдвинуться с места. По необъяснимым причинам место это казалось ей зловещим, и страх, который она не проявляла внешне, сообщался ее спутникам и угнетал их. Они тоже продолжали оставаться неподвижными. При слабом свете, проникающем сквозь листву, она заметила, как напряглись и посуровели их лица. Вдруг один из них, коснувшись ее руки, указал на другой конец прогалины — там явно кто-то двигался. Все затаили дыхание и внезапно увидели, что это Жан Ле Куеннек, небрежным шагом совершающий разведку. Молодой оруженосец спустился к краю пропасти, заглянул во мрак бездны. Казалось, он прислушивается к шуму волн под утесом. Затем он стал медленно подниматься к хижине. На полпути он остановился, зажег трубку и зевнул. Ночь, видимо, казалась ему слишком долгой, а ситуация не требующей внимания.

Мгновение Анжелика колебалась, обнаружить ли бретонцу свое присутствие, но решила, что ни он, ни тем более Жоффрей не поймут ее беспокойства. Но это было так важно. Анжелика увидела другую сторону этой экспедиции к Квебеку. И граф де Пейрак и большая часть его команды были французами, и шли они навстречу Франции, пренебрегая всеми препятствиями, которые попадались на их пути. Они

как бы забыли о жестокой судьбе, обрекшей их быть изгнанниками матери-родины. Как и Жан Ле Куеннек, когда-то убивший лесника сеньора д'Эльгао, отомстив за то, что лесник повесил его отца за браконьерство (отец ловил зайцев в лесу сеньора). Этот Жан, такой простодушный и веселый товарищ, забыл, что на территории Франции его еще ждет конопляная веревка.

Только их сила и мужество позволят им восторжествовать и остаться целыми и невредимыми, выйдя победителями из этой безумной, но неизбежной операции, почти так, как проходит сквозь костер саламандра, оставаясь при этом невредимой.

Важно не самообольщаться.

Даже на этих необитаемых берегах огромной северной реки нужно помнить, что контакт с любым жителем этой страны, будь то индеец, крестьянин, рыбак, священник или чиновник короля, может принести смерть.

Поглощенная своими размышлениями, Анжелика подняла глаза, и ей показалось, что она находится во власти сна.

Два человека, молчаливых и стремительных, похожие на двух хищных птиц, выскочили из леса и, в несколько прыжков оказавшись около Жана, набросились на него. После короткой схватки ударом в затылок бретонец был повержен на землю.

В тишине раздался грубый голос:

— Незачем его связывать. Привяжем камень на шею — и в воду. Один будет ликвидирован!

Это был голос одного из нападавших. Но в этих черно-белых бликах лунного света, ослабленного туманом, сам убийца свалился вниз так стремительно, что невидимые свидетели едва успели понять, что произошло. Анжелика бросилась к убийцам, мужчины последовали за ней. Они действовали молча, как раньше те двое. Сообща они сумели избежать шума,

чтобы не насторожить сообщников, несомненно, находившихся в хижине с графом де Пейраком.

Зажав в руке старую рапиру, Эриксон рассек череп первого убийцы, который рухнул как дерево под ударом топора.

Другой сперва вернулся. Но ужасный удар в лицо остановил в его горле крик, готовый вылететь наружу. Узловатая черная рука Куасси-Ба с огромной силой сдавила ему шею, как удав свою добычу. Жизнь, наполненная бесконечной борьбой и опасностями, была уготована большинству людей де Пейрака, особенно самым старым его спутникам, грозным стрелкам, многому научившимся у него. Два трупа валялись на жесткой траве возле оглушенного Жана.

Анжелика указала знаком оттащить их в сторону. Она хотела получше рассмотреть незнакомцев, чтобы определить, кем они могли быть подосланы и кто они: матросы-каторжники, лесные бродяги, прислужники никчемных сеньоров... Она не сомневалась, что Они явились сюда не ради Жана, а для того, чтобы напасть на Пейрака и убить его, когда он выйдет из хижины, в которую его заманили. Все казалось нереальным в этом канадском, почти нетронутом лесу, наполненном живыми звуками воды и криками диких зверей. Но предчувствие не обмануло Анжелику. Это было началом войны против них.

Вспугнутые пробравшимися сюда украдкой людьми, птицы, гнездившиеся в бесконечных извилинах утеса, подняли яростный гвалт. На фоне ночного неба захлипали белые крылья, птицы взлетели, а затем опустились на прогалину.

Внутри хижины угадывалась суматоха, кто-то двигал мебель. Готовые ко всему Анжелика и ее спутники быстро укрылись в тени деревьев, они устремили взгляд на дверь, которая вдруг закрипела.

— Что значат эти крики? — спросил мужской голос.

— Ничего, это птицы, — ответил Пейрак, чей высокий силуэт обозначился на пороге.

Затем он сделал несколько шагов, видимый в лунном свете. Они догадались, что он кого-то ищет, озираясь. Должно быть, он тоже что-то заподозрил.

— Жан! — позвал он.

Но верный оруженосец не появился и почему-то даже не откликнулся.

В этот момент позади графа возник обитатель хижины. Насколько позволяло судить расстояние, это был мужчина средних лет, сутуловатый и нескладный на вид. Он не казался опасным. Так же, как и Пейрак, он стал всматриваться в кружащихся над прогалиной потревоженных птиц.

— Их спугнули люди, — сказал голос Пейрака. — Может, это Жан? Но тогда где же он сам?

Глухой тембр такого милого, дорогого для нее голоса заставил вздрогнуть сердце Анжелики. На Жоффрее не было маски. Она снова узнавала в неверном лунном свете черты любимого лица: шрамы — знаки суровых испытаний. Лица, многих смущающего, но и успокаивающего тех, кто знал его глубоко скрытую доброту, ум, его обширные познания и многочисленные способности.

Сердце Анжелики сжалось от любви. Он был жив. Она пришла вовремя. Но безразличный вид двух мужчин не мог ее обмануть. Опасность бродила рядом, это ясно. Возможно, и Пейрак начал что-то подозревать. Это заметили и ее спутники. Анжелика сжала пистолет, взвела курок, не спуская глаз с человека, маячившего несколько позади, у порога. Он тоже озабоченно озирался вокруг. «Он, наверное, спрашивает себя, куда же подевались его холуи, — подумала она. — Ему кажется, что они слишком медлят. Давно пора броситься па Жоффрея и поразить его в спину, как было

условлено раньше. Этот человек, видимо, не намеревался действовать сам».

В тот же миг Анжелика увидела, как над Жоффреем взметнулась шпага.

Она вскрикнула и выстрелила. Граф де Пейрак отскочил в сторону. Он тоже выхватил из ножен шпагу, но выстрел успел остановить негодяя. Он пошатнулся, мгновение потоптался на месте и рухнул на землю, растянувшись во весь рост как змея, в белом свете луны, огромный и гибкий. Пейрак поднял глаза и увидел Анжелику на опушке леса. Рука ее, державшая еще дымящийся пистолет, не дрожала. Она была величественна, как грозное провидение.

— Отличный выстрел, мадам!

Это были первые слова, произнесенные им. Она приближалась к нему, и казалось, что женщина скользит по поверхности земли, как некое фантастическое существо. Лунный свет подчеркивал бледность ее лица. Казалось, она излучала свет ореолом блестящих волос, серебристым мантио, наброшенным на плечи. Четким, реальным в ней был только пистолет, который она так и не выпускала из рук. Эта блестящая сталь казалась шокирующей в тонкой и хрупкой руке феи. Хрупкое запястье показало свою силу. Как ни трудно и неудобно было держать оружие, она была готова стрелять вновь. Анжелика бросала быстрые взгляды украдкой, зорко осматриваясь вокруг. Такого Пейрак раньше в ней не замечал. Казалось, она привыкла проникать сквозь ночную тьму и тени дремучего леса.

Все еще настороженная, Анжелика подошла к нему и быстро прижалась. У него появилось ощущение, что он видит воплощение образа ангела-хранителя, которого Бог дает в стражи смертным.

— Они хотели вас убить, — прошептала она.

— Вне всякого сомнения. И без вас я был бы уже мертв.

Анжелика вздрогнула. Да, без ее вмешательства он был бы мертв.

Она снова почувствовала неопиcуемый кошмар разлуки с ним, сознания, что он потерян навсегда.

— Нужно бежать, — прошептала она. — К чему было совершать это безумие? Нельзя быть такими неосторожными.

Он презирал себя за то, что подверг Анжелику такой опасности.

— Я признаю себя виновным. Этот человек представился посланцем от мсье де Фронтенака. От него я не мог ожидать подобного предательства. Это хороший урок. Отныне я буду бдительным вдвойне. Без вас, моя дорогая... Но где же Жан? — Мужчины окружили де Пейрака, рассказали о нападении, жертвой которого стал его оруженосец, и сообщили о людях, подсланных умышленно для убийства. Тем временем Жан пришел в себя.

Пейрак опустился на колени перед телом убитого, перевернул его и увидел, что первая пуля попала прямо в сердце, а вторая прошла через спину, когда человек уже падал. Он был мертв, но осунувшееся лицо с зияющим ртом носило следы удивления.

— Маркиз де Варанж, — сказал Пейрак. — Губернатор Новой Франции через него передавал мне приглашение пожаловать к нему. Зная, что его политика мало популярна, но желая проводить ее и дальше, он рекомендовал мне большую сдержанность. Он хотел поставить Квебек перед свершившимся фактом. Я заверил, что последую его директивам, и никому не сказал тогда об этой первой встрече. Я начал жалеть об этом, как только увидел Варанжа. Он сразу же вызвал у меня подозрение, хотя я не мог понять почему.

На тропинке послышался треск ветвей, кто-то поднимался с берега, и чей-то голос спросил:

— Что здесь происходит?

Потрявоженные звуком выстрелов, часовые, оставленные около лодки, бросились искать своих людей.

Капитан «Голдсборо» поспешил им навстречу. Необходимо было, чтобы происшествие не вызвало толков.

— Все в порядке, ребята. Возвращайтесь на свой пост.

Затем он вернулся к группе. Стали думать, что делать с трупами. Один из них — известный колониальный чиновник, правая рука губернатора Новой Франции. Пустынный уголок, выбранный для расправы с де Пейраком, означал намерение скрыть следы драмы.

— Лес просторный, а река глубокая, — сказал де Пейрак. — Все присутствующие здесь умеют хранить тайны. Да ведь это не впервой, друзья мои.

Он быстро оглядел тех, кто пришел с Анжеликой. Каждый из них — это могила. Память их менее болтлива, чем «каменный мешок». Если что-либо вычеркивалось из памяти, то это уже навсегда. Даже на дыбе они ничего не скажут.

Жоффри де Пейрак обнял Анжелику за талию и почувствовал, что рука ее на рукоятке пистолета.

— А вы, мадам, кто вас предупредил, чтобы вы могли явиться сюда так вовремя?

— Предчувствие! Ничего другого. Меня предупредило предчувствие, некий импульс. Я боялась, что вы плохо защищены. Ведь любая встреча в этой стране, в этих дебрях может закончиться трагически. Я не могла дольше пребывать в тревожном состоянии. И я попросила этих людей сопровождать меня. Но могу вас заверить, что остальные ничего не знают.

— Да, без мадам графини вы могли бы оказаться в затруднительном положении, монсеньор, — сказал Эриксон.

— Обрядили бы меня в покровы Св. Лаврентия, — усмехнулся Пейрак, и гримаса исказила его лицо.

Глава 4

Анжелика вновь начала дрожать. Граф почувствовал эту дрожь, удивляясь тому, что Анжелика, так хладнокровно участвовавшая в схватке, где пролилось немало крови, без дрожи стреляла сама. А теперь же к ней вернулась женская слабость.

В своем воображении Анжелика вновь переживала мучительное видение. Его снова пытались убить, убить предательски. Его тело с камнем на шее сброшено с высокого утеса. Жоффрей убит.

Он прав. Это преступление задумали совершить втайне, чтобы никто никогда ничего не узнал. Нужно отплатить той же монетой. Уничтожить следы. Так как они двигались к Квебеку, уже имея опасную репутацию, нельзя было позволить, чтобы им приписали еще и смерть маркиза де Варанжа. Это расценили бы как убийство, а не как законную самозащиту.

— Я не знаю, что у этого дурака было на уме, — промолвил Пейрак после непродолжительного раздумья, — но я более чем уверен, что действовал он не по приказу де Фронтенака. Это исключено. До сих пор губернатор оказывал мне доброе гостеприимство. Квебек разделен на соперничающие группы заговорщиков. Просто Фронтенак неудачно выбрал посыльного. Да и сам ли он выбирал?

Когда Жоффрей, встав на колени, пошарил по карманам убитого, оттуда выпал листок бумаги и мелочь. Убедившись в том, что содержимое карманов не может пролить свет на подстрекателей покушения, он положил все на прежнее место.

— Никаких следов! Ничего, что могло бы объяснить, как мы оказались во власти этих людей. Я отдал де Варанжу письмо де Фронтенака, он положил его в карман, но теперь письма нет. Оно исчезло.

Жоффрей послал Энрико обследовать хижину, посмотреть, не осталось ли каких-нибудь следов этой рискованной встречи. Затем он привлек к себе Анжелику, и они начали спускаться к берегу. Куасси-Ба и Виньо шли позади, предварительно ликвидировав следы их пребывания.

На полпути, во время спуска, в темноте Жоффрей де Пейрак остановился и, взяв Анжелику на руки, страстно прижал ее к себе.

— Вы спасли мне жизнь, любовь моя. Тысячу раз благодарю вас!

Вновь потревоженные птицы подняли гвалт в окрестностях мыса. Поток большой реки смыл все следы. Все происшедшее ночью в этих пустынных зарослях казалось каким-то кошмаром.

«Голдсборо» был надежным убежищем, где их не подстерегала смерть. Здесь хотела она укрыться вместе с ним. Пусть она одна будет знать, что спасла ему жизнь.

Шлюпка направилась к неподвижному кораблю, его огни, как прожекторы, в виде факелов отражались красными и золотыми бликами в спокойной ночной воде. Анжелика продолжала дрожать. Она ухватилась за руку де Пейрака. Он опустил глаза, но не проронил ни слова. Он понимал, что после всего пережитого она все еще взволнована. Впрочем, он тоже. Меньше даже таинственным покушением на него, чем ее вмешательством. Со всех точек зрения это был сюрприз, шок: она возникла неожиданно, неукротимая, готовая на все ради его спасения. И спасла ему жизнь. Он понял, как она его любила, почувствовал, какое место занимал в сердце этой женщины. Он снова увидел, как

она выступает из леса, вытянув руку, неумолимо поднимая свое оружие и бестрепетно убивая человека, который ему угрожал. Он открыл в ней новые, странные и чудесные качества. Пораженный этим открытием, он крепко прижал ее к себе с каким-то острым чувством, которое вытесняет все другие. Он говорил себе, что всегда будет вспоминать эту волшебную ночь как праздник. Смерть бродила около него, но это не раз бывало и прежде. Новым было ощущение сладостного счастья от сознания того, что ты жив и что жизнь тебе подарила та, которую ты любишь, в самый неожиданный момент и блестяще доказала ему свою любовь. Да, эта ночь в Канаде будет отмечена появлением еще одной звезды.

Анжелика, прижавшаяся к нему, не могла так четко выразить свои переживания. Острая тревога окутала ее сознание, причиняя страдание. Она чувствовала себя больной.

Как только они остались одни в каюте, в шикарном салоне, который не раз бывал свидетелем любовных сцен и безумной страсти, ее нервы не выдержали, и она разразилась яростными упреками:

— Почему вы так поступили? Какая неосторожность!.. Можно было хотя бы предупредить меня, держать в курсе... Я бы заранее почувствовала опасность. Я выступила против короля Франции и знаю, на какое предательство способны его люди... Я была мятежницей Пуату. А вы не доверяете мне. Я не в счет. Я только женщина, и вы презираете меня.

— Моя дорогая, — шептал он, — успокойтесь. Ведь вы спасли мне жизнь, а теперь устраиваете сцену?

— Одно другому не мешает.

И она бросилась в его объятия, теряя силы.

— Ох, любовь моя! Любовь моя! Я боюсь, что вновь воскреснет кошмар, который уже не раз я переживала в разлуке с тобой. Я бежала к тебе через дремучий лес, я

спешила спасти тебя от опасности, но было поздно... Это ужасно!

— На этот раз вы не опоздали.

Он обнял ее и стал гладить волосы. Внезапно она откинула голову назад, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Вернемся, Жоффрей! Давай вернемся в Голдсборо. Не нужно двигаться вперед. Я только сейчас поняла, какое безумие мы совершаем. Мы проникли в королевство. Как бы далеко от Франции мы ни находились, мы сами выдаем себя и королю, и его церкви. Королю, против которого я боролась, церкви, которая осудила вас на смерть. Нам удалось избежать их приговора, сохранить свободу, а теперь мы снова попадем в их руки. Это безумие!

— Прошло так много времени, мы возвращаемся с кораблями, с золотом, с договорами.

— Я не согласна.

— И это заявляете вы, моя воительница, после первой битвы? Это ничего, это только стычка. Мы убедились, что наш союз достаточно окреп, чтобы дойти до конца.

Он обнял ее покрепче, стремясь передать ей свою силу и веру. Но это ее не успокоило.

— В самом деле, должны ли мы идти к Квебеку? — спросила она. В ее голосе звучала подсознательная тревога.

— Мне представляется все очень простым. Мы, как друзья, возвращаемся к нашим. А затем вдруг я вижу обратную сторону картины: нас ждали, заманили, чтобы покрепче схватить, да и убить, наконец.

— Не будем терять самообладания, не волнуйтесь. Все не так просто, но уж и не так тягостно. Здесь мы имеем верных и надежных друзей.

— И непримиримых врагов! Это вы видели.

— Действительно, должны ли мы идти к Квебеку? — Он ответил не сразу. — Да, я думаю так, — наконец

твердо ответил он. — Это шанс избежать оскорбления, бесчестия. Только столкнувшись лицом к лицу с врагом, мы можем победить. И если мы восторжествуем, мы обретем мир, который нам так необходим, чтобы выжить, необходим нам, нашим детям, нашим друзьям и без которого обретенная нами свобода обернется обманом. Останется только всю жизнь гоняться друг за другом.

Он приподнял ей голову и посмотрел прямо в глаза, в эти прозрачные изумруды, где он мог прочесть отражение неизмеримой скорби, родившейся в душе прелестной маркизы дю Плесси-Белльер, когда она одна своими слабыми силами боролась против короля Франции, в глаза неизвестной женщины — Мятежницы Пуату, образ которой он недавно увидел на опушке леса.

— Не бойтесь ничего, любовь моя, — прошептал он. — Не бойтесь ничего. На этот раз я рядом. Нас двое, теперь мы вместе.

Ему удалось отвлечь ее от навязчивой идеи, укрепить уверенность в будущем и в их счастливой судьбе. Мало-помалу она успокоилась и стала расценивать случай, который мобилизовал ее на спасение, скорее как шанс на победу, чем предвестник поражения.

Страх внезапно сменился радостью. Ее опьяняла вновь обретенная вера. Снова благодатное тепло распространилось по всему телу от прикосновения руки Жоффрея. Она прикрыла веки, чтобы лучше почувствовать счастье подчинения ему.

— Пусть будет так! Мы поедем в Квебек, мой дорогой сеньор. Но тогда обещай мне... обещай мне...

— Что?

— Я не знаю! Что ты никогда не умрешь... что ты всегда будешь меня беречь... что никто не сможет нас разлучить.

— Я обещаю тебе это.

Он засмеялся.

Их губы соединились. Забыв обо всем, они отдались этой любви, которая соединяла их ежедневно все сильнее и которая сама по себе уже являлась победой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ РЕКИ

Глава 1

— Ах! — вздохнул маленький маркиз де Виль д'Эвре, вдыхая горьковато-соленую влагу реки. — Ах, как я люблю эту атмосферу любви...

Интендант Карлон смущенно взглянул на него. Они плыли на корабле в холодных ноябрьских сумерках. Свинцовые тучи приоткрыли горизонт и пропустили немного золотистого света. Но это не могло оправдать такого восторженного восклицания. Сине-зеленая вода волновалась. Подозрительное безлюдье... Под бронзовой кожей местных обитателей таилась дикая враждебность: горец с космами, скрывающими почти все лицо, или индеец-алгонкин, дикий и свирепый, как вепрь. Время от времени за кормой с криками пролетали птицы.

— Где же здесь любовь?

— Разве вы не чувствуете, Карлон, — продолжал маркиз, закутываясь в шубу, подбитую мехом выдры, — какой восторг, любовь! Ах, любовь! Какой благодатный климат, единственный, в котором человеческое существо может расцвести, чувствовать себя, как рыба в воде. Как приятно здесь путешествовать и отдыхать. Редко я чувствовал, чтобы любовь царила вокруг меня с такой силой.

— Но чья любовь? — робко осведомился интендант.

Маркиз де Виль д'Эвре — оригинал, это так. Но иногда он заходил слишком далеко. Под холодным и подозрительным взглядом своего собеседника маркиз пришел в еще больший восторг.

— Но любовь так коротка! Любовь с ее утехами, обмороками, яростной борьбой, изысканными нежностями, с томительным ожиданием чуда, с опьяняющей отдачей, короткими спорами, размолвками, страхами, которые тотчас же рассеиваются, ссорами, которые исчезают от одной улыбки, как снег от солнца, с ее надеждами и уверениями; этот огонь, что непрерывно зажигается в сердце и в плоти, обогащает жизнь, заставляет вас жить в ином мире, где есть только двое... только двое, готовые умереть, если это нужно, чтобы достигнуть порога счастья, почти райского, где никогда не наступит разочарование и никогда не иссякнут чудеса.

— Вы заговариваетесь, я полагаю, — сказал интендант Карлон, — или вы пьяны.

Он бросил подозрительный взгляд на низкий столик, на котором стоял легкий завтрак. На солнце сверкали серебром кубки, сияли хрустальные чаши, но графины с вином и ликером не были откупорены.

— Да, я выпил, — продолжал Виль д'Эвре. — Я опьянел от эликсира, который предлагаю и вам: любовь. Она распространяет свои тончайшие, почти неощутимые лучи, но они такие сильные, жгучие, что опьяняют, как чудесные запахи.

— Запахи, — повторил Карлон. — Да, здесь действительно есть запахи, но в них нет ничего райского. Впрочем, это любопытно, что морские запахи до сих пор догоняют нас, хотя мы проникли уже далеко в глубь материка.

— Ну, зачем вы вспоминаете о море! — простонал маркиз. — Какой вы ужасно будничной! Напрасно я старался изо всех сил расшевелить вас.

Разочарованный, он отвернулся и взял конфету из хрустальной вазы. Эта дегустация вернула ему хорошее настроение, и он снова вдохновился.

— Я сластена и в этом вижу знак любви. Разве не придает сил влюбленному сердцу нежность поцелуя в этих заброшенных местах? Именно ради любви можно вытерпеть эти суровые трудности. Ведь любить — это значит кинуть к ногам любимой все богатства земли, умом и сердцем привязаться к очаровательному существу. Вот, не правда ли, все признаки атмосферы страсти и нежности, даже и вы не можете остаться равнодушным. Да, даже вы...

Он ткнул пальцем в грудь Карлона и слегка толкнул его.

— Вы бредите, — повторил тот. — И делаете мне больно.

Но Виль д'Эвре, губернатор Акадии, «завелся». Он схватил за лацканы своего собеседника, который на целую голову был выше его.

— Как? Разве вы можете сказать, что остаетесь равнодушным? Вы хотите заставить меня поверить, что в вашем рыбьем теле не бьется сердце, не трепещет мужская суть?

Шокированный Карлон отступил, освободился.

— Губернатор, я привык к вашим неприличным выходкам, но вы переходите все границы. Позвольте вам сказать еще раз, что я ничего не понимаю в ваших бредовых разглагольствованиих. Холодно, наступает ночь, мы движемся к Квебеку, где нас ждут бесчисленные неприятности, и вдруг вы заявляете, что погружены в атмосферу любви!.. Любви к чему? — спрашиваю я вас.

— Но почему «к чему»? — возразил маркиз. — Вы ведь могли спросить о любви «к кому». Но, что ж. Вы просто слепец. Посмотрите, кто приближается к нам...

Театральным и торжествующим жестом он протянул руку к группе, которая только что появилась на корме. Против света можно было увидеть на фоне неба их

плюмажи на шляпах, но трудно было различить друг от друга, хотя ясно угадывался силуэт одной женщины.

— Ну что? Видите вы ее? — вновь заговорил маркиз, восторгаясь. — Видите ее? Она единственная! Женщина, подобная всем грациям, наделенная всеми женскими чарами, женщина-совершенство. Ее взгляд — единственный взгляд — ошеломляет, единственное слово, сорвавшееся с ее губ, приводит вас в восторг, ее нежность соблазняет вас, воспламеняет вашу страсть. Вы чувствуете призыв защитить ее очаровательную слабость. У вас просыпается желание прильнуть к ее груди, как вас привлекала грудь матери. Чем, какими качествами привлекает нас женщина? Чистыми и светлыми или, напротив, самыми опасными проявлениями своего естества? Но перед ней не устоит, я уверен, не только мужчина, но и ни одно существо мужского пола. Бесспорное очарование, по-моему, является первым качеством женщины в самой ее сути.

Он должен был перевести дыхание. В этот момент Анжелика, графиня де Пейрак, в сопровождении супруга и офицеров кораблей графского флота начала спускаться на нижнюю палубу. Даже на таком расстоянии сияние этого единственного женского лица привлекало внимание. И было неясно, откуда этот свет: то ли заходящее солнце оживляет ее лицо, то ли эта милая и веселая улыбка, играющая на губах женщины. Она слушала, о чем говорят сопровождающие ее мужчины. Ее большая фетровая шляпа а-ля кавальер светилась ореолом над ее головой. Ее манто из белого сатина на меху приоткрывало над корсажем воротник из малинских кружев в три ряда. Рисунок на платье розового шелка переходил на складки юбки из гранатового бархата. Подол юбки был украшен серебряной канвой.

Одной рукой она придерживала складки юбки, чтобы та не мешала спускаться по лестнице, другая

рука была спрятана в муфте из белого меха, которая держалась на серебряном шнурке.

Движения Анжелики де Пейрак были настолько приятны и грациозны, что Виль д'Эвре прошептал:

— Разве она не достойна спускаться по большой лестнице Версаля об руку с самим королем?

— Говорят, что это она уже делала, — прошептал Карлон.

— Гм... Спускалась по большой лестнице Версаля? С самим королем?

Интендант не ответил, а ограничился тем, что принял утвердительный вид. Виль д'Эвре снова затормошил его:

— Вы, вы что-то знаете о ней? Скажите мне. Ладно! Вы можете молчать, но наступит день, когда я заставлю вас признаться.

Вынырнув из темноты на свет, у балюстрады появился силуэт небольшого животного. Несколькими прыжками настигнув компанию, он приземлился на палубе перед Анжеликой, внимательно осмотрел ее и начал торжественно двигаться впереди, задрав хвост.

— Кот! — воскликнул Виль д'Эвре. — Заметьте, что даже животные составляют эскорт графине Пейрак и готовы служить ей. Ах, если бы вы видели ее в Голдсборо с медведем!

— Какой медведь?

— Огромное животное, ужасно сильное, а она, опустившись перед ним на колени, ласкала его и тихо говорила с ним.

— Но это очень опасно! Вы не говорили мне, что мадам де Пейрак наделена такой силой.

— Это незабываемое зрелище!

— Может быть, она знакома с магией?

— Нет, только ее личное обаяние. Разве вы не видите, как восхитительно все это?

— И да, и нет. Я думаю, что мы в руках человека, который был флибустьером, что мы должны считать себя как бы его пленниками.

— Нет же! Вы привыкли видеть все в черном цвете. Мы — только гости мсье де Пейрака, отважного дворянина, по происхождению гасконца, к тому же самого богатого человека в Северной Америке. Оказав нам помощь в Акадии во время нашего инспекторского турне, он был так добр, что отвез нас на своем корабле до Квебека. Он направляется туда сам, чтобы засвидетельствовать свое почтение губернатору Новой Франции мсье Фронтенаку.

— А вы? Почему вы привыкли все рисовать в розовом свете? — съязвил Карлон.

— Я счастливый человек. Я вижу только приятные события, так как я чувствителен ко всему приятному. Мне приятно плыть на этом корабле, приятно быть в компании даже с вами, да, да, не протестуйте. Здесь я могу побеседовать с самой очаровательной женщиной на земле. Я возвращаюсь с кораблем, который де Пейрак подарил мне взамен моего «Асмодея», взорванного бандитами. Посмотрите вниз, на якорь, как это красиво! Я везу с собой товары: меха, ямайский ром, фаянсовые плитки. Мсье де Пейрак добыл их для меня из Франции. Посмотрите.

— Посмотрите, посмотрите... Вы затвердили одно только слово и повторяете его без конца. Ну, хорошо. Вот я смотрю, и что я вижу? Ситуация все больше и больше обостряется и усложняется. Я говорил уже вам, что в перспективе у нас много неприятностей, и именно потому, что мсье и мадам де Пейрак окажутся там вне общества, хотя, по вашему мнению, они и олицетворяют любовь и ее прелести. Ну! Мы можем ожидать, что наделаем много шума в Квебеке. Чему же радоваться? Для начала обменяются пушечными выстрелами, затем будет перестрелка из ручного оружия, затем мы уйдем

отсюда, подчинившись им. Это будет для всех нас наказанием, опалой, что равносильно отлучению от церкви. Вы знаете, что епископ Лаваль и иезуиты не шутят с вопросами чародейства и атеизма. И я вижу, какой прием они готовят этой компании.

— Как же вы туда плывете? Вы преувеличиваете! Конечно, там будут трения, но без слез, без криков, без зубного скрежета. Я это обожаю, уверяю вас.

— О! Конечно. Вас знают. И я согласен с мадам де Пейрак, когда она утверждает, что вам только дай перевернуть вверх дном весь город. Только это вас и радует!

— Она это сказала? Как это верно! Она очаровательна! Не так ли?

— Во всяком случае, с вами бесполезно спорить, так как вы влюблены.

— Ну, нет, я не влюблен... ну, может, немножечко... Вы решительно ничего не поняли. Вы приходите в уныние. Я больше не буду с вами разговаривать.

Маркиз де Виль д'Эвре капризно отвернулся.

Анжелика де Пейрак со своим эскортом, поравнявшись с ними, заметила, что оба они мрачны.

Прошел еще один день плавания, флот снова бросил якорь у пустынного северного берега Сен-Лорана. Как было уже заведено, капитаны других кораблей собрались на «Голдсборо», чтобы обсудить маршрут и спланировать следующий день.

— Отсюда недалеко до Тадуссака.

— Первый французский пост!

— Будем надеяться, что нас там не примут в штыки!

— Почему же? Это маленький, плохо защищенный поселок. А у нас сила. К тому же у нас миролюбивые намерения.

Флот действительно был в хорошем состоянии. Якорь бросили в тени бухты, чтобы не быть захваченными врасплох. Флот состоял из трех кораблей

водоизмещением от 200 до 350 морских тонн, не слишком внушительного вида, но при всем том имевших на борту шесть десятков пушек. Две небольшие яхты голландской постройки, юркие и маневренные, несли сторожевую и разведывательную службу. Их устройство позволяло разместить в подпалубном отсеке две пушки и на верхней палубе, у носа и кормы — по кулеврине, способной причинить при умелой наводке немалые разрушения. Яхты назывались «Рошеле» и «Ла Монт-Дезер». Младший сын Анжелики и Жоффрея де Пейрака Кантор командовал «Рошеле». Несмотря на свои шестнадцать лет, он был уже бравым морским офицером. Он научился морскому делу, плавая с десятилетнего возраста с отцом в Средиземном и Карибском морях. Ванно, старый главарь корсаров Золотой Бороды, командовал «Ла Монт-Дезер». Граф де Пейрак предпочел его остальным своим старым компаньонам, так как Ванно не подвергался суду во Франции и был католиком.

Вопрос религии был очень важным при формировании команды и назначении морских офицеров. О том, чтобы привезти с собой в Квебек французов-протестантов, нечего было и думать. Их тотчас же сочли бы изменниками, и если не повесили бы сразу, то по крайней мере тотчас арестовали. Приходилось быть осторожным и при выборе иностранцев. Несмотря на эти соображения, пришлось рискнуть. Командир «Голдсборо» был норвежцем. Эриксон, молчаливый и рассудительный, умел быть незаметным. Для его личной охраны Жоффрей де Пейрак приставил четырех испанцев. Эриксон об этом не догадывался. Они тоже не рисковали завязывать разговоры с остальными матросами и среди французов держались особняком. Капитаны других кораблей, граф д'Урвилль и шевалье де Бассомпье, — французские дворяне из хороших семей, которые не имели

конфликтов с квебекским обществом. Де Пейрак не доискивался причин, побудивших их покинуть пределы Франции, чтобы бороздить моря.

Приблизившись, Анжелика заметила огорченное лицо Виль д'Эвре и чопорного, угрюмого интенданта Карлона. Что ж, ясно: два молодца снова поспорили. Она видела еще издали, как маркиз жестикулировал, а потом отвернулся, топнув ногой. Бедняга, он так настаивал, что «жизнь должна быть прекрасна!». Анжелика никогда не была равнодушной к настроению окружающих. Виль д'Эвре успокоился, видя, что вызвал интерес, о чем ему сказал проницательный и чарующий взгляд Анжелики. Он любил быть в центре внимания, видя, что Анжелика направляется к нему, он весь преисполнился радостью.

— Что случилось, мой дорогой друг? Как будто не все ладится?

— Да, конечно, вы можете так говорить. Как много людей, подобных этому типу. С ними трудно общаться! Недаром теологи утверждают, что чистилище начинается на этом свете, на земле.

— Вы желаете обратиться к мсье Карлону?

— А к кому же еще?

— Садитесь рядом со мной и расскажите мне все. Он опустился рядом с ней на мягкое сиденье. Анжелика приготовилась выслушать его, внимательно огляделась вокруг. В тот вечер стояла хорошая погода. После двух дней грозных дождей можно было наслаждаться чистым воздухом. После стоянки в Сент-Круа-де-Мерси они продолжили свое путешествие. О том ночном происшествии не было ни малейшего слуха.

Иногда Анжелика спрашивала себя, не во сне ли ей все это привиделось? Об этой драме напоминали только тончайшие изменения, которые произошли в ее отношениях с мужем. Ей казалось, что он изредка

рассматривает ее. Взгляд его выражал восхищение и любопытство, а также большее доверие и уважение.

Он охотнее стал обсуждать с ней свои проекты, спрашивал ее мнение. Нужно было обсудить массу вопросов, многое отрегулировать, прежде чем бросить якорь в Квебеке, который был ленным владением короля в Новой Франции.

Временами эта цель казалась далекой. Было ощущение какой-то отрешенности от всего мира. Особенно когда к этому ледяному воздуху примешивались морские запахи, пришедшие от реки, а эти огромные, дремучие роскошные леса неожиданно наступали на берега. Необычная еда, экзотический кофе в кожаных кувшинчиках, шоколад и чай, которые предлагал им отведать новый метрдотель, мсье Тиссе, утверждая, что это последний крик моды Парижа. Этого человека принял в экипаж Эриксон во время своего последнего путешествия в Европу по рекомендации руанского вкладчика графа де Пейрака. Он оказался знающим свое дело, а умения его превосходили способности простого повара.

Как раз в этот момент он грел на углях серебряный чайник.

— Это самое тупое существо, какое я только встречал, — жаловался де Виль д'Эвре, освобождая от кожуры фисташки.

— Вы имеете в виду интенданта из Новой Франции?

— Ну конечно!

— Я не разделяю вашу точку зрения, маркиз, мсье Карлон, может, и имеет свой нрав, но это человек образованный, и с ним интересно разговаривать. Мой муж с удовольствием беседует с ним, советуется в коммерческих вопросах. В этом мсье Карлон очень компетентен.

— А я? А я! Разве я недостаточно компетентен в коммерческих вопросах?

— Да, конечно, вы знаток в этом деле.

— Разве я не имею образования?

— Конечно, вы — один из самых образованных дворян, каких я знаю, и один из самых любезных.

— Вы очаровательны, — пробормотал маркиз, преданно целуя ей руку. — Как я буду рад увидеть вас у меня дома, — начал он свою любимую песенку, — как нам будет уютно в моем маленьком салоне в Квебеке. Мы сядем перед моим облицованным очагом и будем слушать завывания бури. Я приготовлю вам чашечку китайского чая, несколько пакетов которого мне подарил отец де Мобеж. Чай ему прислали из Китая. Вы расположитесь в моем замечательном кресле, оно так удобно. Мне сделал его искусный мастер, я позже назову вам его имя. Подушечки на нем из лионского шелка. Вот увидите. Вы отдохнете и расскажете мне всю вашу жизнь.

Действительно, если не добиться хорошего приема, самым сложным во всем этом квебекском деле могла оказаться возможность перезимовать в интимном обществе этого любопытного маркиза, который так хочет узнать о ее прошлом в мельчайших деталях.

Пожалуй, он уверен, что она не откажется. В конце концов, там будет видно. Они еще не достигли Квебека. Но, несмотря на оптимизм Жоффрея, который не желал обращать внимания на покушение, жертвой которого, он едва не стал, несмотря на то, что он не верил сплетням о губернаторе Новой Франции, не оставалось уже сомнений в том, что там их ждут могущественные враги, которые, возможно, восторжествуют.

— Кто такой был маркиз де Варанж? — спросила Анжелика приглушенным голосом.

Маркиз поморщился.

— Варанж? Вы о нем слышали?

— Так сказать...

— А почему «был»? Он не умер, насколько я знаю.

Анжелика прикусила язык, чувствуя свою оплошность.

С тех пор как они проникли во французские воды, она потеряла чувство реальности, плохо ориентировалась в складывающейся ситуации. Она чувствовала, что находится во французских владениях, и это ее раздражало. Ей пришлось солгать, чтобы исправить оплошность.

— Кто-то говорил мне о нем, не помню кто. Ах!.. Это была, возможно, Амбруазина де Бодрикур, на восточном берегу.

— Это невероятно, я не в курсе событий, — возмутился Виль д'Эвре.

На мгновение он задумался.

— Во всяком случае, это похвально, что наша дорогая герцогиня поддерживала переписку с ним. Это в ее стиле. Старый зануда, который взбаламутил всю администрацию. Он занимал мизерную должность казначея в Квебеке, но я с ним не общался. Действительно, этого типа знает весь свет, где только побывала его нога. Черт возьми, я буду презирать его вдвойне!

Чтобы прекратить разговор, Анжелика подала знак Куасси-Ба.

— Да, я охотно выпил бы чего-нибудь. Ведь я так долго и тщетно беседовал с этим недалеким типом... Карлоном. Я говорил ему о вас такие приятные речи, которые я когда-нибудь повторю вам. Они должны были взволновать его. Любой другой собеседник на его месте широко бы раскрыл глаза от восхищения. Он же противопоставил мне целую степу из логических сентенций, позволяющую видеть только внешнее.

Великан-негр Куасси-Ба с поклоном поставил перед ними медный поднос с чашечками дымящегося кофе.

Куасси-Ба был воплощением самой верности. Он был неизменным спутником всей их жизни. Он был

свидетелем событий, о которых так хотелось узнать маркизу Виль д'Эвре. С того времени, когда он — раб — в Тулузе увидел Анжелику в облегающей красном с золотом платье, в карете, и до того момента, когда в сумерках, здесь, в Сен-Лоране, он склонился перед ней с подносом, его жизнь была переплетена с жизнью Анжелики. Граф де Пейрак вызывал его из шахт Вапассу, где работал Куасси-Ба, и взял в поход к Квебеку. В этот вечер, чтобы обслуживать свою госпожу, Куасси-Ба надел свою стеганую ливрею, в которой ему не был страшен холод и которая была украшена золотыми позументами. Белые чулки, башмаки с золотой застежкой на очень высоких каблуках. На голове тюрбан из ярко-красного шелка с султаном, который придавал его лицу выражение важности. Уши его были украшены серьгами в виде золотых колец, висящих на цепочке. Это подарок, который недавно сделал ему граф де Пейрак. Виль д'Эвре ревниво рассматривал лицо великана-негра, отмечая благородство и сознание собственного достоинства.

— Он будет иметь успех в Квебеке, ваш мавр... Как я раньше не позаботился, чтобы раздобыть себе одного.

Он прищелкнул языком. В Квебеке, в этой дыре, совсем отстали от моды. Его «подруга» герцогиня де Понтарвиль, живущая в предместье Сен-Жермен, имеет двух пажей из Судана. Если бы он попросил, она охотно уступила бы ему одного, но теперь уже слишком поздно. Не пошлешь курьера в Европу. Нужно будет ждать весны.

Мсье де Бовенар поинтересовался:

— Почему, мсье де Пейрак, вы так поздно вошли в реку? Время года пока благоприятное, но еще чуть-чуть, и мы рисковали встретить льды.

— Лучше встретиться со льдами, чем с кораблями.

Карлон, услышав это, едко заметил:

— Кажется, вы хорошо осведомлены о проблемах Новой Франции. В самом деле, в конце октября все корабли возвращаются в Европу. И вы не рискуете встретиться с ними. У Новой Франции нет флота. Именно об этом мы спорили с мсье Кольбером. Но если Квебек закроет перед вами ворота, сможете ли вы вернуться назад и не попадете ли в собственную западню?

— Но почему вам так хочется, чтобы Квебек закрыл ворота? — возмутился Виль д'Эвре. Он никак не хотел, чтобы ему испортили этот вечер. — Вы обязательно увидите, как нас встретят. Встретят нас музыкой на набережной. Вот так это произойдет. Отведайте лучше это чудесное печенье.

Анжелика боялась только, как бы в этой обстановке не уронить чашку с кофе. Но горячность, с которой маркиз их защищал и предсказывал, что их ждет в Квебеке, ей понравилась.

Кофе не испачкал ей платья. Маленький медный бокал надежно удерживался на фарфоровой подставке. Ее можно было держать тремя пальцами, не обжигаясь. Она пила кофе маленькими глотками.

Путешествие по реке было передышкой. Действительно, они плыли спокойно, наслаждаясь мирной тишиной, но не следует забывать, что от острова Антикости они поплыли по французской реке Сен-Лоран в Канаду.

Все происходило, как в ее проклятом сновидении: они продвигались по вражеской территории, но их окружали друзья.

Однако река становилась пустынной. Иногда дождевые тучи скрывали берега, изредка попадались индейские лодки-каное или рыбацкие барки. Мимо проплывали разбросанные там и сям хижины фермеров и отдельные шалаши. Но ни у кого не вызывал любопытства их иностранный флот.

С первых дней ноября мыс Гаспе заволакивало дымкой. Потянулись крикливые стаи птиц. К берегам острова стали прибиваться морские котики, дикие утки. Им приходилось лавировать под ветром, чтобы уйти от бури, которая несла соленые морские воды на сто лье в глубь огромной реки. Они продвинулись на север вдоль берегов Акадии еще при хорошей погоде, теперь пейзаж становился более мрачным. Иногда корабли теряли друг друга из вида. Сквозь густой туман пробивались редкие лучи солнца, и тогда можно было видеть на горизонте огромные леса, украшенные цветами осени.

На реке было заметно теплее, нежели в проливе, и все общество охотно держалось на верхней палубе. К капитанам кораблей: Роланду д'Урвиллю, Эриксону, Ванно, Кантору, Бассомпье, явившимся с рапортом па «Голдсборо», присоединились французские чиновники, собранные Жоффреем де Пейраком на западном берегу Акадии. Был здесь также мсье де Бовенар, сеньор из Акадии и другие, воспользовавшиеся случаем покинуть свои отдаленные земли. Они хорошо отзывались о мсье де Фронтенаке, губернаторе короля Франции, которому волей-неволей им пришлось подчиниться.

— Вы ее утомили. Посмотрите, что вы наделали, — заметил интенданту маркиз де Виль д'Эвре.

— Я огорчен, мадам, — сказал Карлон.

— С вашими веселыми рассуждениями...

— Нет, мсье интендант вправе высказывать пессимистические замечания, — стала защищать его Анжелика.

Канадским французам Жоффрей де Пейрак был представлен как союзник англичан, который направляется в Квебек с единственной целью — охранять французские земли от канадцев и акадийцев. Для остальных он был пиратом, таким же грозным и опасным, как Морган. О нем было рассказано столько

небылиц, что теперь только его собственное объяснение могло успокоить умы. Отсюда и его дерзкое желание попасть в Квебек и заставить признать себя.

Присутствие на корабле интенданта, оказавшегося здесь волей случая, еще более затуманивало ситуацию.

— Я знаю, что вас тревожит, мсье интендант, — сказала Анжелика, — и почему вы все время спорите с мсье де Виль д'Эвре... который не любит замечать плохие стороны существования.

— Этот Карлон ужасно желчен! Он не перестает бояться того, что произойдет, когда мы прибудем в Квебек.

— Мы все боимся... — возразила она.

— Кроме него, я полагаю...

Подбородком Виль д'Эвре указал на графа де Пейрака. Тот, казалось, не обращал внимания на намеки Карлона. Анжелика кивнула головой:

— Кого всегда забавляла встреча с бурями.

Жоффрей продолжал беседовать с мсье де Бовенаром и геометром Фелльером о наступающей зиме. Он поставил на стол пустую кофейную чашечку, и Куасси-Ба протянул ему листья табака, скрученные в трубочку. Граф любил курить именно так. Он зажег трубку от уголька и с явным наслаждением выпустил изо рта несколько голубоватых колец.

«Как в Тулузе», — подумала Анжелика. Это воспоминание подбодрило ее. Казалось, все повторяется, возрождается, вновь оживает. Она вспомнила все неприятности, которые теперь казались ничтожными, и задумалась над теми ощущениями, которые, придя из прошлого, угнетали ее и теперь. Затем она взглянула на Жоффрея. Он казался таким спокойным, таким уверенным в себе, что она сразу успокоилась. Это снова дало ей силы, уверило в том, что все будет хорошо и не стоит страшиться будущего.

Привлеченные этим взглядом, темные глаза графа обратились к ней, и сквозь туманную дымку она перехватила нежное сияние, пронзившее ее насквозь. Он сделал ей незаметный знак. Видимо, хотел заставить ее поверить, что ничего страшного не произойдет. Что может устроить ее сегодня, когда он с ней рядом? Год назад они оба затерялись в лесах Нового Света. Став мишенью неизвестных врагов, они смело противостояли враждебным канадцам, мстительным ирокезам, зимней стуже, голоду. А теперь они сильны, плывут на хорошо вооруженных, удобных, груженых товарами кораблях. В Северной Америке у Пейрака масса союзников. Разве это не похоже на чудо? Когда ты с ним, дела не могут обернуться неожиданным образом. Он умеет все предусмотреть. Он оставался удачливым дуэлянтом, обладателем волшебных башмачков.

В течение года они должны были погибнуть сто раз.

Их объявляли разбитыми, видели их смерть, уверяли, что они побеждены навсегда. А они со славой продвигаются к Квебеку.

Глава 2

Разговор принял другой оборот. Внезапно он был прерван детским смехом и топотом бегущих ребятишек.

Анжелика узнала свою маленькую дочь Онорину. За ней бежал ее друг Керубино. Оба гнались за кошкой, которая, как бы шутя, подпускала преследователей поближе, а затем прыгала на гору канатов, оттуда — на спасательную шлюпку. Надеясь вот-вот поймать кошку, дети радостно визжали.

— Ты нас уморишь, — крикнула Онорина кошке.

Керубино — кругленький мальчуган, меньше девочки ростом, был с ней одного возраста — четырех лет. Его несколько деликатное положение — он был внебрачным сыном маркиза де Виль д'Эвре — несколько не смущало ребенка. Он был сыном Марселины-

Красотки, знаменитой представительницы пионеров, осваивавших Французскую бухту. Это была цветущая, розовощекая жительница Акадии, добрая, как хлеб, и отважная, как целый королевский полк. Кроме того, никто не умел ловко, как она, раскрывать устрицы.

Она отпустила Керубино в плавание только потому, что его взялась опекать Анжелика; ее старшая двадцатилетняя дочь Иоланда тоже принимала участие в путешествии. Керубино являлся последним представителем многочисленного потомства от эпизодических отцов. Маркиз пожелал воспитывать сына как принца. Это не вскружило голову Марселине. Что ж, пусть мальчик поедет на зиму в Квебек, а там видно будет.

Вслед за малышами вбежала старшая Иоланда, а за нею Адемар и Эббизел Нильс, сирота-швед, подобранный на набережной Нью-Йорка иезуитом Луи Полем де Верноном.

Вся эта подрастающая компания, включая и кошку, направлялась в Квебек. Это путешествие оказалось очень значительным для этих маленьких существ, чьи судьбы охранялись Анжеликой и Жоффреем де Пейраком.

Иоланда впервые в жизни увидит настоящий город с собором и церквями, старинные замки. До сего пор она знала только торговые посты, деревянные поселки, низкие часовни миссионеров на берегу моря или в диком лесу. Адемар рисковал прослыть дезертиром. Что касается Керубино, то Виль д'Эвре, глядя на него, прикидывал, какова будет реакция лучших людей города Квебека. Он не намерен был представлять сына открыто. И без того достаточно скандалов! Он рассчитывал на то, что существующее между ним и ребенком сходство постепенно откроет глаза его согражданам. Теперь же он с нежностью взирал на своего отпрыска, а в уме лелеял всякие прожекты.

Настанет день, когда Керубино станет пажом Королевского Дворца, Досадно, конечно, что тогда придется вернуться во Францию.

В общем, для большинства на корабле «жизнь была прекрасна», а путешествие казалось идиллией.

Заметив Анжелику, кошка тут же прыгнула к ней на колени, выражая этим исключительную любовь к хозяйке. Анжелика в начале лета в Голдсборо подобрала несчастного беспризорного котенка, и с тех пор они вместе пережили много странных приключений. Увидев кошку на коленях матери, Онорина бросилась туда же и ревниво обняла Анжелику за шею. Она искоса посмотрела на кошку и огорченно заметила:

— Вы предпочитаете мне кошку.

Она обращалась к родителям на «вы», когда желала подчеркнуть дистанцию между ними или продемонстрировать легкую ссору.

— Ты это серьезно? Я думаю, что кошка больше играет с тобой. Но она помнит, что я о ней забочусь, и она выражает мне признательность, почти как человек.

Анжелика рассказала девочке, как подобрала раненую кошку, лечила и выхаживала больное животное, заботилась о нем. И кроме того, кошка нужна на корабле так же, как и в доме.

Онорина слушала мать, поглядывая на свою соперницу, та, в свою очередь, не спускала с девочки полуприкрытых глаз, Онорина ласково прижалась к щеке Анжелики, мать нежно обняла ее. Девочка свернулась клубочком на ее коленях. Анжелика смотрела на эту упрямую головку, обрамленную пышными волосами цвета меди, и с гордостью ласкала ее. Дочь ее была прелестна. В ее осанке было что-то царственное, длинная шея, гордая посадка головы. Кожа золотого цвета, как и у Анжелики. В ее красиво очерченном овальном лице только глаза были некрасивы — маленькие, темные. Их взгляд,

бесстрашный и глубокий, не располагал к себе собеседника, когда останавливался на нем с холодной пронизательностью. Но это была личность.

«Как встретят тебя в Квебеке? Ведь ты француженка, рожденная в сердце Пуату. Твоей приемницей была самая настоящая ведьма Мелюзина». Она тряхнула головой, чтобы отогнать навязчивые воспоминания. Как будто это происходило не так давно, но сколько изменилось с тех пор!

— Разве ты не любишь это пирожное? — спросила Онорина.

Анжелика только теперь заметила, что держит в руке пирожное, от которого откусила один кусочек, и забыла о нем.

И кошка, и Онорина обе ждали своей доли. На корабле все было спокойно. Ночь опускала па море свое коричневое крыло. Белели только лица и кружева среди темных силуэтов.

Какой-то человек из рулевой рубки, тенью промелькнув мимо Анжелики, устремился к де Пейраку. Послышался его, шепот:

— За нами следует какой-то корабль.

* * *

В Бэ-де-Шалер был нанят лоцман-лорентиец, которого семейные дела завели на берег западной Акадии. Теперь же он хотел заработать и вернуться в Канаду. Он умело правил кораблем, хорошо знал проливы в Сен-Лоране, течения и проходы между островами. Несколько акадийцев, находившихся на борту, хорошо о нем отзывались, гарантируя его лояльность. Жоффрей де Пейрак вручил лоцману кругленькую сумму, чтобы оплатить его безупречную службу. Эспри Ганемон — так его звали — вел вверенный ему флот к Квебеку, удачно избегая препятствия.

Это он сказал вполголоса Пейраку: «Какой-то корабль следует за нами». Анжелика тоже услышала это и сразу поднялась, прижимая к себе Онорину и Керубино, как бы защищая их. Видя это, поднялись и ее гости, и все взоры обратились к Пейраку.

Он воспринял это известие, не проявляя эмоций, стоя, не вынимая сигары изо рта.

В ночной темноте матросы прикрепляли фонари к релингам. От реки поднимался влажный холод. Пора было расходиться по каютам.

Он с явным удовольствием выдохнул голубые колечки дыма, загасил остаток сигары в серебряной чаше.

— Что происходит? — спросил Виль д'Эвре. Граф повторил:

— Какой-то корабль следует за нами.

Машинально все головы повернулись к нижнему течению реки.

— Вы хотите сказать, что какой-то корабль поднимается вверх по реке Сен-Лоран позади нас? — воскликнул д'Урвилль. Затем, пожав плечами, продолжал: — В такое время... Это невозможно. Это было бы безумием.

— Может быть, это военный корабль, посланный королем на помощь Квебеку? — предположил кто-то.

Пейрак улыбнулся.

— А какая опасность угрожает Квебеку? Кто же мог знать, что я намерен двинуться к Квебеку осенью?

— Некоторые мысли движутся иногда быстрее корабля и могут оказать влияние на расстоянии.

Граф покачал головой.

— Я не допускаю мысли о колдовстве. Король Франции правит своим королевством отнюдь не магическими формулами. Что бы вы ни говорили, мне кажется, что король устроит все так, чтобы достигнуть Квебека раньше льдов... и раньше нас.

— Вы не верите в колдовство, мсье де Пейрак?

— Я этого не сказал.

Пейрак наклонил голову, стараясь рассмотреть, кто это сказал. Возможно, это Фаллер или кто-то другой из акадийских сеньоров, Бовенар или Сен-Обен. К ним подошел Эриксон:

— Не желаете ли дать мне инструкции, монсеньор? Может быть, следует посигналить?

— В данный момент нет. Мы стоим на якоре, и самое лучшее для нас — дождаться зари... Этот незнакомый корабль тоже не может продолжать свой путь в темноте. Лорентийский лоцман сказал, что корабль, о котором идет речь, делал остановку в полдень на северном берегу около Пуан-о-Ра.

— Это очень далеко, — вслух подумал Карлон, заворачиваясь поплотнее в свое манто, высокий воротник которого доходил до его носа.

— Как же вас смогли предупредить?

— Я посылал нескольких человек на берег после Гаспе. Они убедились в том, что позади нас на западном берегу реки есть люди. Они и послали курьера-индейца.

— Может быть, речь идет о судне, пришедшем из Акадии? — предположила Анжелика.

— Не думаю. Нас бы известили о его перемещениях еще тогда, когда мы были в Тидмагоуче. Меж тем оставленные там наши собственные суда еще до нашего ухода получили приказ патрулировать между восточным побережьем и Голдсборо, а «Бесстрашный» корсара Ванрейка отплыл к Караибам. А посему мне трудно предположить, что кто-либо из Акадии рискнул бы направиться в реку Святого Лаврентия в такое время. Не так ли, мсье Бовенар? Ведь вы предпочли подняться ко мне на борт и не решились ограничиться собственными силами.

— Вероятно, — пожал плечами Бовенар, Он абсолютно не был встревожен. И направлялся в Квебек

к Фронтенаку, чтобы добиться у него освобождения от налога и встретиться с дамой, которую мечтал сделать своей супругой. Живя в лесной глуши, он не был осведомлен о запутанных интригах сеньора из Голдсборо и Новой Францией. Он просто воспользовался случаем, чтобы совершить путешествие в столицу.

— Какой-нибудь англичанин, может быть? Пейрак покачал головой.

— Нет. Я не думаю, чтобы какой-нибудь англичанин из Новой Англии один пришел в эти воды, рискуя оказаться в ледовом плену. Нет, я думаю, что скорее всего речь идет о торговом корабле, направляющейся из Гавра или Нанта. Выйдя в море с опозданием, он к тому же задержался из-за неблагоприятных ветров. Вот и все дело.

Говоря это, граф сделал несколько шагов и оказался рядом с Анжеликой. Она скорее угадала его, чем увидела в темноте. Она почувствовала запах табака и фиалок, идущий от его одежды, почувствовала, как его рука обняла ее за плечи. Он прижал ее к себе, подобно тому, как она прижала к себе детей.

— Что вы намерены делать? — спросил Карлон.

— Я вам уже сказал. Ждать. Ждать зари, ждать, когда покажется этот корабль.

— И тогда?

— Тогда... Это зависит от его тактики. Если он меня атакует, будем сражаться. А если нет... Что ж... Во всяком случае, я произведу досмотр, чтобы узнать, откуда он идет, сколько человек на борту, какую добычу мы можем найти в его трюмах.

— Речь настоящего пирата! — воскликнул интендант, задыхаясь от негодования.

— Я и есть пират, мсье, — ответил де Пейрак с угрожающим спокойствием. — По крайней мере, так говорят.

Анжелика угадывала, что на его губах блуждает улыбка.

— А еще я — колдун, — продолжал он. — Колдун, которого сожгли живьем на Гревской площади в Париже семнадцать лет назад.

Наступила гробовая тишина. Затем Виль д'Эвре решил обратить все в шутку.

— Однако вы очень даже живы, — засмеялся он.

— Будучи колдуном, я сумел выпутаться благополучно. Давайте будем говорить серьезно, мсье. Король Франции — возблагодарим его — изменил приговор. Граф де Пейрак де Моран, сеньор Тулузы, не был сожжен, хотя должен был исчезнуть навсегда. Но сегодня он возвращается.

На этот раз молчание воцарилось надолго. Все забыли о корабле.

— А... А король вас амнистировал? — спросил наконец интендант.

— И да, и нет. Скорее забыл. Это для меня еще один повод показаться в его владении. Я много поблуждал по белу свету, подчиняясь его приговору.

Матросы зажгли фонари, и сцена сразу осветила самые разные выражения лиц у присутствующих. Виль д'Эвре торжествовал: дело становилось пикантным. Будет интересно. Карлон стал мертвенно-бледным. Осиное гнездо, в которое он попал, оказалось более опасным, чем он предполагал. Старые компаньоны де Пейрака не выказывали удивления. Эриксон, д'Урвилль — им интересно было видеть это внезапное разоблачение. От своего шефа они могли ожидать всего, им не привыкать. Он никогда не действовал безрассудно. Он всегда заранее обдумывал план, четко определял цель. Те же, кто недавно начал служить под командой графа, как Бассомпье или Ванно, выказывали некоторое безразличие. Все они — джентльмены удачи — испытали все превратности судьбы. Они знали, что

секрет, который открывает граф, принадлежит только ему, а их дело — либо раскрыть его, либо хранить его до самой смерти. В этот вечер шеф флота Голдсборо изволил поговорить. Это его дело.

Анжелика была ошеломлена и взволнована. Она дрожала, слушая ужасное заявление супруга. Она чувствовала, как продолжает довлеть над ними проклятье короля Франции, несмотря на отдаленность, Жоффрей вдруг воскликнул: «Сир, вот он я. Вот воскресший сеньор Тулузы, которого вы когда-то осудили, раздавив предварительно его гордость, который угрожает вам...» Разве не безумие подобная провокация?

Интендант Карлон отозвался, как эхо, на ее мысли.

— Вы решительно безумец. Такое признание! Перед нами! Король Франции представляет собой колоссальную силу, а вы бравируете этим.

— Чем же? Разве я сказал то, чего не знает его величество? Разве я отрицаю, что его могли предупредить о моем возвращении этой зимой? Я уверен, что ему были посланы донесения о том, что я направляюсь в Квебек. Ему сообщили, где я расположился в Мэне. В течение трех лет, после того как я высадился в Северной Америке, я не скрывал своего настоящего имени: граф де Пейрак де Моран д'Ирристрию. Я дал ему достаточно времени вспомнить этого вассала, осужденного и изгнанного им, дал возможность посмотреть на все это в другом аспекте. Сегодня я тоже представляю определенную силу. Прошли годы. Король на вершине своей славы. Он может снисходительно пересмотреть настоящую ситуацию!

— Тем не менее! Какая дерзость! — повторил Карлон.

— Я не думаю, что это ему не понравится.

— Вы — игрок.

— А вы, мсье интендант, разве чуточку не лицемер! Разве вы не слышали намеков на мое прошлое? Разве авторитетные граждане Квебека не в курсе дела? В донесении, которое направлено мсье де Фронтенаку, такие сведения четко записаны. Находясь в Новом Свете, я не скрывал ни моего имени, ни титула, так что можно было легко навести справки в Париже. Я знаю, что отцу д'Оржевалю это поручено.

Интендант пожал плечами, вздохнул, видимо меняя свое мнение:

— Да, бродили какие-то слухи, но я не придавал им значения. Говорили даже, что... ваша супруга — дьяволица Акадии. Мне это казалось смешным. Эти сплетни были вызваны тем, что вас судили как колдуна. Это взбудоражило народное воображение. А теперь я наконец услышал признание из ваших уст.

— А вам самому не приходилось читать донесения, господин интендант?

— Нет, мсье! Наш губернатор, мсье де Фронтенак, держит его в большом секрете. Я знаю, что он не сообщил о нем магистру Лавалю. Во всяком случае — не иезуитам.

— Это превосходно! — воскликнул весело Пейрак. — Я и не ожидал меньшего от «брата из моей страны», и я предсказываю всей нашей кампании успех. Господа, не стоит унывать. Я еду в Квебек, чтобы рассеять нелепые злые толки. Я не знаю, сколько дней осталось мне прожить на этой земле, но, сколько бы их ни осталось, я все-таки дотяну до великого дня, когда в мире, со всеми подобными мне и моим землякам мы сможем работать для блага каждого и особенно для блага страны, в которой мы пожелали поселиться. Согласны ли вы со мной?

— Конечно! — горячо воскликнул Виль д'Эвре. — Пират вы или колдун, или и тот и другой вместе, для меня важно одно, и я утверждаю: вы — самый богатый

человек я Америке и нам выгодно поладить с вами. Не так ли, мой дорогой интендант? Совершим еще одно жертвенное возлияние за успех наших начинаний, какими бы они ни были. Это вино превосходно! Оно сладковато для мяса, но к пирожным очень подходит. Оно из Испании, не правда ли, мой дорогой граф-колдун?

— Действительно. Ванрейк доставил мне его из Новой Мексики. Я поручил раздобыть мне несколько бочонков французских вин. У меня в трюме есть только два бочонка французских вин, которые оказались в Голдсборо, я берегу их для мсье де Фронтенака. Я знаю, что он часто устраивает праздники и жалуется на отсутствие французских вин. Он гурман.

— Все мы гурманы. Это слабость любого француза. Давайте же выпьем! Ну, Карлон, улыбнитесь, жизнь прекрасна!

Куасси-Ба наполнил кубки по кругу.

Глава 3

Онорина улеглась в свою кроватку между кошкой и шкатулкой с драгоценностями, на нижней палубе, где когда-то помещались протестанты из Ла-Рошели, плывшие в Америку, теперь здесь устроили апартаменты для двух детей и Иоланды. Обставили их по-королевски. Здесь были мягкие матрацы, подушки и меха. Занавеси, которые поднимались днем, отделяли их от места, где жили девушки короля под присмотром Дельфины дю Розо. Три капеллана, мсье де Бовенар, Шевалье де Грандривьер, оба Реколе и мсье Катэн поместились на другом конце. Адемар разместился неподалеку, у корабельных орудий, запрятав в самый укромный угол тот жалкий узелок, что возил с собой со времени отъезда в деревню на Кеннебеке. Он побывал в Порт-Ройяле и Бостоне, где успел посидеть в английской тюрьме. Сейчас он учил Керубино играть на дудке, то и дело поглядывая в тот угол, где Иоланда

расчесывала свои роскошные длинные волосы, которые днем прятала под белым чепцом.

Девушки короля, стоя на коленях на полу, перебирали четки и шептали молитвы. Перекрестившись, они встали и принялись все одновременно готовить на ночь убогое ложе.

Онорина пересчитала свои драгоценности: ракушки, камешки, засушенные цветы, золотую погребушку. Она получила ее в подарок, когда была грудным ребенком. Тут же было колечко, подаренное ей Жоффреем при высадке на берегах. Америки. Она говорила сама себе: «Я покажу их, когда буду в Квебеке, но только тем, кто будет хорошо со мной обращаться».

Можно подумать, что пессимистические рассуждения Карлона пробудили в малышке здравый смысл, хотя Онорина и делала вид, что не прислушивается к разговорам взрослых. Она готовила свой план: «Остальных всех я убью».

Анжелика сдержала улыбку. Давно уже Онорина не делала таких категорических заявлений. Французская атмосфера, которая мало-помалу складывалась во время путешествия в Квебек, вызвала в Анжелике воспоминания о ее раннем детстве. Они жили тогда в Ла-Рошели, и она смутно чувствовала, что ее подстерегают опасности. Тогда, в те далекие времена, Онорина брала палку и кидалась на воображаемого врага с криком: «Я тебя сейчас убью!» Однажды она действительно готова была убить некоего Бомье, католика, который искал ссоры с протестантами в их же доме.

Пока Онорина пересматривала свои сокровища, Анжелика гладила пальцем ее круглую щечку. Девочка отодвинулась. Когда она была занята чем-нибудь, проявления нежности ее раздражали.

— А у меня тоже когда-то была шкатулка с драгоценностями.

— Правда?

Казалось, Онорина заинтересовалась. Она отложила свою шкатулку в сторону и скользнула под одеяло, собираясь уснуть.

— А что в ней?

— Я не очень хорошо помню... там было перо, да, гусиное перо, которым один парижский поэт писал песни, а еще там был нож, настоящий египетский кинжал.

— А у меня нет ножа, — сказала Онорина, внезапно открыв глаза. — А мне он нужен. Мсье Арребу мне обещал... А где твой сундучок?

— Я не знаю.

Веки Онорины затрепетали. Она сделала еще одно усилие, чтобы спросить.

— А... где этот поэт?

Анжелика промолчала и поцеловала спящих детей — Онорину и Керубино и готовилась покинуть нижнюю палубу, когда к ней обратилась Иоланда.

— Мадам, не хотите ли вы, чтобы я убирала ваши апартаменты и прислуживала вам? Я буду помогать вам чистить платья. Моя мать советовала, чтобы я вам служила. Вы не пожалеете, если возьмете меня в услужение.

— У тебя и так хватает забот с этими двумя чертенятами.

— Абсолютно нет! Я привыкла и к детям, и к работе. На этом корабле я хлопочу попусту. Вы, наверное, боитесь, что я не знаю всех тонкостей службы благородной даме. Но я научусь этому быстро. Может быть, это не совсем просто, но мои десять пальцев хорошо меня слушаются. Может, на вид я злая, вредная?

— Кто это сказал? — возразила Анжелика, смеясь. Она любила эту славную девушку, топорно скроенную, но доказавшую свою преданность.

— Я знаю, что ты достойная дочь Марселины-Красотки. Не так ли, Адемар?

— Это так, — подтвердил солдат. — Эта девушка умеет делать все, как и ее мать.

— Кроме устриц, — возразила Иоланда, краснея. — Я не умею открывать их так же быстро, как она.

— Никто никогда не знает полностью своих возможностей.

— Я скучаю по ней, — призналась Иоланда, — но тем хуже. Она никак не могла успокоиться. Ее взволновало это путешествие в Квебек, судьба Керубино. Ей будет спокойнее, если я буду служить вам.

Анжелика была тронута тем, что большая Марселина беспокоится одинаково за Керубино и за нее.

— Я тоже скучаю по ней. Мы еще увидимся на Бэ Франсез весной, добросовестно поработав в Канаде. Я думаю, Иоланда, тебе лучше хорошо следить за детьми, чем стать камеристкой.

— А если вы возьмете одну из моих девушек, — предложила Дельфина дю Розо, — Генриетту, например? У нее утонченный вкус, она служила у благородных дам и проявила свои способности в этой области. Она всегда обслуживала мадам де Бодрикур.

— Нет, нет! — запротестовала Анжелика.

— А не хотите ли вы взять меня? — робко добавила Дельфина. — Я привыкла к подобной службе.

— Нет, нет! — повторила Анжелика.

Одно упоминание имени мадам де Бодрикур вызвало в ней дрожь.

— Вы обе очень любезны, но в данный момент я очень хорошо управляюсь сама. Посмотрим, что будет в Квебеке. Иоланда, расстегни мне застежку на спине, а дальше я обойдусь сама.

Мальтиец Энрико Энци проводил ее с фонарем до каюты.

«У меня тоже была шкатулка с драгоценностями, — вновь вспомнила Анжелика, следуя рассеянно за Энрико по ночной палубе. — А где же я ее оставила? Или я ее потеряла?»

Она пыталась вспомнить, куда положила шкатулку. Предметы эти были вехами всей ее жизни во французском королевстве и особенно при Дворе Чудес в Париже. Там было перо поэта — Клода ле Пти, памфлетиста. Он был одним из ее любовников и кончил жизнь на виселице. Был еще ее кинжал Родогонанцыгана и длинный кортик, которым она убила Великого Керза. Она завернулась в мантию. Неожиданно начался мелкий дождь. Скорее это был туман. Сквозь него просачивался металлический блеск луны.

Анжелика заметила Жоффрея, и ее сердце, как всегда, наполнилось радостью. Силуэт его выделялся в тумане и казался просто гигантским. Можно было предположить, что он проследивает низовья реки. Может быть, он занят кораблем, о котором говорили? Предвидит ли он сражение?

— У судна, которое следует за нами, воинственные намерения? — спросила она у Энрико. — Что слышно об этом?

Мальтиец покачал головой.

— Ничего не известно. Мсье думает, что это корабль, запоздавший из-за аварии или неблагоприятных течений. Нужно подождать. Во всяком случае, он один, и мы сильнее.

Широким жестом он указал на остальные корабли, хотя и невидимые во тьме, но чье присутствие угадывалось по отголоскам громких команд и по тлевшим или ярко мерцавшим во тьме палубным огням.

— Мсье велел удвоить сторожевые посты. Он велел капитанам бодрствовать и не покидать мостиков до самой зари. Несколько человек отправили на берег для обследования.

Миновав две лестницы, которые вели на третью палубу, Энрико и Анжелика остановились перед дверью с резными створками, закрывающими дверь в большой салон. Две статуи представляли собой мавров с глазами из белого агата, стоя по обе стороны дверей. Они держали позолоченные торшеры. Площадка была ярко освещена двумя лампами из плотного, непрозрачного венецианского хрусталя. Кроме того, горели свечи в дорогих подсвечниках.

— Пусть мадам графиня отдыхает не тревожась, — добавил Энрико. — Не в первый раз мы сталкиваемся с чужим кораблем. Мы научились защищаться и прогонять чужаков.

Анжелика с улыбкой поблагодарила его.

— Плавание на корабле тебе, надеюсь, больше нравится, чем жизнь в лесной норе в Вапассу?

Мальтиец ответил живо, со всей средиземноморской галантностью:

— Где бы я ни был, я счастлив находиться в компания мсье Рескатора и вас, мадам графиня.

— Ты очень хорошо говоришь комплименты, Энрико. В Квебеке ты доставишь нам немало хлопот, если будешь волочиться за тамошними девушками...

Энрико Энци весело рассмеялся и удалился, довольный.

Анжелика вошла в свои апартаменты и почувствовала, что за ней наблюдают. Она подняла голову и угадала Жоффрея, который склонился с полуюта над балюстрадой. Луна, проходя в просвете между облаками, окружила его голову светлым нимбом, но Анжелика не различала черт его лица.

— Я слышал ваш смех, мадам. С кем это вы так весело беседовали?

— С Энрико, вашим мальтийцем. Он меня успокаивал.

— А почему вы нуждаетесь в том, чтобы вас успокаивали?

— Этот корабль...

— Это погибающий корабль. Он не интересуется нами. — И добавил, помолчав: — Напротив, это я им скоро займусь.

Она не ответила ничего, только обернулась к нему и протянула руки. Сегодня он ее напугал, заявив открыто: «Я — колдун, которого когда-то сожгли на костре на Гревской площади».

Она предпочитала, чтобы это оставалось тайной, и боялась пролить свет на эту часть своей жизни. Период времени, когда, покинутая всеми, она скиталась по дну Парижа. Защитить ее существование смогли только бандиты Двора Чудес. А он исчез, изгнанный, обесчещенный, мертвый.

Картины прошлого с необычайной яркостью вновь встали у нее перед глазами. Воздух на реке Сен-Лоран, напоенный сыростью и запахом костров, напомнил ей, что король, очень давно осудивший графа де Пейрака, наложил свою печать и на эти дикие края. Они шли на встречу с его всемогуществом, а Жоффрей открыл в этот вечер то, что он в течение многих лет решал высказывать только в лицо врагу. Разве готовящаяся схватка не будет решающей?

И снова она услышала дорогой голос, немного задышающийся, но с теплыми нотками, нежный, как ласка:

— Вы простудитесь, дорогая. Возвращайтесь и согрейтесь. Я скоро приду к вам.

В заднем салоне «Голдсборо» жаровня на искусно сдвинутом треножнике распространяла приятное тепло. В глубине альков. Приподнятые занавеси из парчи открывали мягкое ложе с кружевным бельем, шелками и меховой обивкой.

В этой удобной комнате была масса красивых вещей. Толстые стекла приглушали свет наружных сигнальных огней. Их неверный свет скользил по бронзе, золоту мебели, по дорогим переплетам книг, которые строгими рядами стояли в шкафу из палисандрового дерева.

Анжелика, попадая в это убежище, всякий раз чувствовала себя в безопасности. Она сбросила мантию на спинку кресла, подошла к алькову и начала раздеваться. Но сразу же оробела. Иоланда и Дельфина были правы. Чтобы пользоваться такими пышными и роскошными туалетами, какие вошли в моду, нужно иметь камеристку. Обладай ты гибкостью змеи, и то с трудом сумеешь освободиться от платья, расстегнуть многочисленные булавки и замочки. Анжелика села на край кровати и сбросила с ног чулки лионского шелка. Она знала, почему отвергла помощь, которую ей только что предлагали. Однако сейчас ей не помешало бы присутствие камеристки. Раньше они у нее были. Это была Марго. А позже, когда она стала мадам дю Плесси-Белльер и когда ей приходилось идти во дворец короля, кроме Жавотты — той, что потом выйдет замуж за Давида Шайо, шоколадного фабриканта, — кроме Жавотты, прислуживал целый сонм девиц. Конечно, их говорливость, беспечность и бестолковость отнимали бездну времени, но без их помощи она не смогла бы, меняя роскошные наряды, блистать под сводами версальского дворца и затмевать соперниц. В Квебеке не может быть по-иному. Она должна быть в форме. Как жаль, что она не взяла с собой Эльвиру или мадам Жонас! Они никогда не допускали никакой бестактности. Но они принадлежали к религиозным реформистам. Они, так же как и она, служили добычей сильных мира сего, их ждали галеры. Бедные женщины!

Анжелика изловчилась и расстегнула несколько крючков на спине. Она вынула булавки из манишки,

отделанной жемчугом, расшнуровала корсаж из слоновой кости, обшитый бархатом, и смогла наконец перевести дух. Освободив грудь и руки от этих несносных доспехов, она по обыкновению всех светских дам принялась с наслаждением растирать онемевшее тело. Лучше вновь вернуться к корсету. Это привычнее. Она охотно носила бы платья из кружев. Их можно надевать без посторонней помощи. Еще недавно ей помогал одеваться Жоффрей, но она не может без конца просить его об этом, хотя он делает это искусно. Нужно будет найти кого-нибудь. Для этого предстоит победить страх. Она боится показать открыто... Она скользнула рукой по своему обнаженному плечу, мягкому и теплomu, поискала пальцами, нащупала — здесь. Немного ниже, на лопатке, — позорное клеймо. Королевский палач когда-то раскаленный железом выжег цветок лилии. Это клеймо навсегда. Как жаль. Она не может носить декольтированные наряды, какие были у нее тогда, в Версале. Она обнажала не только плечи, но и спину до изгиба ниже поясницы. А юбка ниспадала широкими складками. Король следил за ней взглядом. Возвращаясь в мыслях к своей прежней жизни, она отвлекалась от горькой окружающей действительности. Рядом были сплошные препятствия. Хорошо ли все взвесил Жоффрей, предпринимая путешествие в Квебек? Ведь это не что иное, как возвращение во Францию, куда путь им заказан.

В конце всего этого — Квебек. Квебек — сокрытая жемчужина — сиял в сердце Американского континента. В ходе своей короткой истории Квебек несколько раз был побежден, потерян и вновь найден. А для кого? И для чего?

Квебек не имеет четких границ. Он был здесь, погруженный в тьму американских лесов. Более семи месяцев в году льды изолировали его от остального мира. Только в этот момент своих мечтаний Анжелика

поняла, что ни за что не отреклась бы от этого путешествия к Квебеку. Тем хуже. Брошен вызов всем. Пусть население окажется враждебным, они все равно высадятся на берег и проведут зиму в Квебеке. У Анжелики было еще одно жгучее желание. «Ничего другого! — сказала она по-детски и тихо добавила: — Провести зиму в настоящем французском городе, теплом и живом». Она будет принимать участие в балах и процессиях. У нее будут соседи, друзья. Она будет приглашать их на чашку кофе или шоколада. И естественно, будут вечера у камина, в доме Виль д'Эвре. Это давно записано в программе. Она увидит, как Онорина учится читать. Она сама найдет время познакомиться с новыми произведениями, изданными во Франции. Столько лет она лишена была культурного общества. Она побывает в самых привлекательных ларьках, где продаются безделушки, она заведет приятные знакомства. На замерзшей реке должны быть катки для конькобежцев. В Новый год в соборе она услышит проповедь епископа. Праздник Эпифаний у губернатора, карнавал с его пикантными скандалами между масками. Виль д'Эвре обещал держать ее в курсе всех любовных интриг. Эти видения так пьянили ее, что она в глубине души чуть было не отреклась от Вапассу. Как ей надоело пустынное безлюдье, страх и смерть, таящаяся за каждым деревом и кустом! Год назад в форте Катарунк, когда они попали в руки индейцев, Жоффрей сказал:

— Если мы выйдем живыми из этой ловушки, я даю гарантию, что скоро более сильными окажемся мы.

Так и произошло. Они выжили и стали сильнее других. Прошел почти год, и они приобрели много золота и серебра, выстроили посты вдоль рек, в горах вырыли рудники, заключили союз с наиболее достойными племенами индейцев. Наконец совсем недавно Жоффрей де Пейрак распространил свое

влияние на западный берег Акадии, приобретая права на все земли старого Никола Пари с местами, удобными для рыбной ловли, где кишело «зеленое золото» — треска.

Но она не могла удержаться от дрожи, когда вспомнила, какой путь ими проделан. Они выжили.

Сто раз они могли погибать и от рук канадцев, и от рук индейцев, и от зимней стужи. Форт Катарунк был сожжен, они остались на заброшенном и пустынном клочке земли.

Были и болезни, и землетрясения, и голод. От голода спас ирокез Уттаке. Из своей далекой земли Пяти племен он принес им бобы. Анжелика вновь испытала голодное головокружение, вспомнив те дни.

Она прижимала к себе полупрозрачную от истощения, бредящую Онорину. У ребенка распухли десны. К ним приближалась смерть. Нет, она не смогла бы еще раз пережить все это. Она говорила себе, что у нее нет больше сил, чтобы влачить жалкое существование среди самых бедных людей в Кеннебеке.

Она не могла больше калечить свои руки, разжигая огонь, ломать ногти, подвешивая котелок на крюк, таскать на спине вязанки дров, чтобы приготовить еду, накормить и поддержать такое ненадежное существование в глубине враждебного леса.

Ей нужно жить, танцевать, возродиться, найти себя вновь. Анжелика гранд-дама Франции, графиня де Пейрак, возлюбленная короля да еще известная как Дама Серебряного озера.

Ей нужно рассеять тени, собравшиеся вокруг нее. Некоторые тянулись из прошлого. Призраки закружили ее, как густой туман. Некоторые приоткрывали забытые лица. «А... а... где ты? Кем же ты стала?.. Мы не можем забыть тебя...» А другие, почти безымянные — их можно узнать безошибочно — навевают гнетущую тоску. Казалось, что именно Квебек они избрали местом своего

пребывания. Этим и объясняются повороты ее мыслей. Временами город привлекает к себе, временами появляется желание отказаться от путешествия. Но разве у нее есть выбор?

Судьба толкает ее вперед, сжимая за ними челюсти огромной страны.

После Гаспе просторная, как море, река привела их к городу. В тумане лавировали под ветром по океанским волнам. Но разве от того, что берега скрыла мгла и они были далеки, устье Святого Лаврентия не переставало быть ловушкой, таящей угрозу для пяти суденышек графа де Пейрака, углубившихся в него на всех парусах? Северная осень с неумолимыми морозами, льдами и бурями закрывала им путь назад. Нужно двигаться вперед, вторгаясь в заколдованную тишину пустынных вод, далеких лесных массивов. Когда же окончательно станет казаться, что они затерялись в этом необитаемом районе, они вдруг в этой темной массе обнаружат город. Город из белого камня, с серебристыми крышами, с колокольной, город живой, деятельный. Квебек французский. Неожиданное чудо, остров, маленький Париж, уголок Версаля, говорливый, элегантный, благочестивый, беспечный, преданный искусству, роскоши и войне. Город, в котором плетутся политические интриги, затеваются и совершаются грандиозные авантюры. Недаром ведь отец де Вер-нон, которому она исповедовалась летом, сказал ей: «И поезжайте в Квебек. Я назначаю вам такую епитимью. Поезжайте в Квебек. Имейте смелость встретиться с ним лицом к лицу. Может быть, это принесет пользу американской земле».

Он умер, убит. В память о нем она обязана выполнить епитимью. «Идите в Квебек. И неважно, что на плече клеймо — цветок лилии». Жизнь прекрасна. Этой зимой она пойдет на бал, будет играть в карты и вздыхать среди ночи. А в солнечные дни она будет

прогуливаться с Онориной по крепостной стене и смотреть на дикие далекие горы Лорентиды.

Глава 4

Он вошел, угадав, что она спит. Сумрак хранил запах женщины, который стал ему очень знаком. Вид женской одежды, разбросанной там и сям, вызвал у него улыбку. Где была суровая, диковатая, маленькая гугенотка из Ла-Рошели в костюме служанки, которую однажды во время плавания в Америку Рескатор привел в свою каюту, пытаюсь приручить ее? Где же та бесстрашная пионерка, которая во время этой ужасной зимы в Кеннебеке оставалась всегда рядом с ним, деля все невзгоды?

Он собрал кучу кружев, корсаж (его шелк еще хранил изгибы женского тела). Сначала она была анонимной служанкой, затем компаньонкой старателя в Новом Свете, и вот наконец его Анжелика стала мадам де Пейрак, графиней Тулузы.

— Господь ее храни! — прошептал он, бросив ревнивый взгляд на альков, где угадывалось сияние ее волос.

Она спала. Он подошел к письменному столу красного дерева, зажег ночник. Тихо приблизился к Анжелике. Стоя у изголовья, начал рассматривать ее. Она спала глубоким, но чутким сном. Недавно Анжелика испытала сильное волнение. Ей нужно восстановить силы. Обычно сон ее был легким. Сердце спящей женщины реагирует на каждое движение, шорох, готово откликнуться на зов ребенка или любой подозрительный шум. Но самое трудное уже позади. Она может сказать себе, что теперь все в порядке и что ее близкие вне опасности. Она может спать спокойно, а не так, как тогда.

Ему редко приходилось наблюдать изящество и грацию отдыхающего, свободно раскинувшегося женского тела, красоту спящего лица, и это вызывало

соблазн. Где она теперь? Бродит где-то далеко, недоступная, как никогда... Она скитается одна по побережью... Укрывшись от чужих взглядов, она исчезла, затворилась в святилище своей души, подобном тем, что носит в себе каждый, но совершенно неприступном. Даже ему, ему туда доступа нет.

В этот момент любовь его граничила с болью.

Не один раз за это лето он мог бы ее потерять, много раз он находил ее иной. Она была многоликой.

Он никогда не забудет момент, когда она бежала по пляжу, смеясь и плача одновременно, протягивая к нему руки. Никогда он не забудет прикосновения ее лица, когда она бросилась к нему, крепко обняла, шептала бессвязные слова любви, которые долгие годы хранила в своем сердце. Она выкрикивала их ежеминутно, готовая умереть, если ему это угодно, но только здесь, только не удаляясь...

Тогда он понял, кем он был для нее, какой любовью она его любит и любила всегда, несмотря на пятнадцатилетнюю разлуку. Его любовный порыв заполнял так долго терзавшую его пустоту. Надо же, ведь он ревновал ее к тем ее воспоминаниям, в которых его не было! Как выразить, описать это впечатление выздоровления, обновления?

А время, когда пришлось усмирять страсти в этой омерзительной истории с Дьяволицей, умиротворить жителей, подготовить свой отъезд.

Они снова остались один на один. Он был заинтригован. Чувствовал, что за спокойной улыбкой кроется что-то новое. Она еще контролировала себя.

Но с тех пор, как они покинули проклятые берега, как только он поднял паруса, чтобы плыть к Квебеку, ее преобразила эйфория победы. Льющееся через край веселье Анжелики очаровывало окружающих. Только с приходом на борт корабля французов вновь зазвучали остроты, смешные истории, взрывы смеха. Можно было

подумать, что это не военная экспедиция, а галантное посольство или пышная свадьба. Тон задавала Анжелика, и весь экипаж, включая графа, смотрел веселее, у всех повышалось настроение. Она могла бы заставить их пройти сквозь игольное ушко. Оторвавшись от земли, они путешествовали, уверенные в себе, свободные. Небо и море были окрашены в жемчужные тона, а острова в заливе сверкали, как драгоценности. Анжелика смеялась. Ее забавляло все, что говорил Виль д'Эвре. Малейший инцидент порождал тысячу прожектов. Как будто она забывала все на свете. А он открывал женщину, какой она была при французском дворе. Светская, дерзкая Анжелика — «как другие». Она очарует Квебек.

Его охватило желание проникнуть в ее прошлое, узнать подробности ее существования, понять, что она собой представляет. До сих пор он яростно подавлял в себе желание. Не хотел знать, до какой степени она ему изменила.

Но вот злые образы прошлого утратили свою ядовитую горечь. Стена рухнула. И это дело рук демона. Что бы там ни было, а главное — это то, что она здесь, живая, любящая его до безумия, он может соединиться с ней, когда захочет, может взять ее на руки.

Остальное не имеет значения. Напротив, он хотел бы разделить ее секреты, вместо того чтобы упрекать, ее.

«Моя жена!»

Жоффрей де Пейрак опустил лампу, чтобы лучше рассмотреть бриллиантовый перстень на ее пальце. Он преклонил колени и поцеловал ее руку. Как крепко она спит! Он даже встревожился. Каждый раз его охватывал подсознательный страх. Он поставил светильник на ночной столик около кровати, подошел к Анжелике снова. Всмотрелся в лицо, увидел, как вздрагивают веки, трепещут от дыхания губы. Затем он

насмешливо поругал себя. Сколько раз он наблюдал агонию смерти, а теперь вдруг вздумал искать ее признаки на этом прелестном спящем лице! Она отдыхала, восстанавливала свои силы.

«Кто защитит ее, когда меня не будет рядом? Какие мужчины?» — спросил он себя. Он представил, как к этим, нежным губам приближаются чужие губы, чтобы испытать желания, и передают этой чувствительной женщине силу страсти, которая оглушает и воскрешает. Эта мысль его не рассердила. Он согласился, к счастью, с тем, что есть мужчины, готовые защищать ее, носить на руках и спасать в минуту безысходности.

Иногда она казалась еще такой хрупкой. Однако каких врагов она сломала! Мулей Исмаил, Людовик XIV...

Каким оружием нанесла она удар в сердце этому жестокому султану? Ненавистному королю?

Он обнаружил, что не ревнует или почти не ревнует. Он стремился узнать тайны ее сердца и тела. С тех пор как он снял с пальца этот перстень, он перестал ненавидеть своих невидимых соперников. Может, это ребячество? Стоит выбросить все эти подозрения, не бередить раны, чтобы их сердца очистились?

Неизвестное прошлое Анжелики, его образы жили под ее сомкнутыми веками. Он ничего не знал. Снова ему вспоминались обрывки рассказов. После происшествия с Коленом Патюрелем она проявляла сдержанность, и он не мог вызвать ее на откровенный разговор. Это тоже было его ошибкой. Он грубо обращался с ней, под маской гнева скрывая боль, становился несправедливо придирчив.

Моя любовь!

Он наклонился к спящей и приник губами к ее полураскрытым губам.

Он бывал сердит, когда нарушали его сон, но сейчас ему так не терпелось увидеть, как она откроет глаза и узнает его. А он заметит в ней отражение своей

собственной радости, того, что он поддался этому нетерпению.

«Какое слово она скажет мне первым?»

Анжелика пошевелилась, и он прошептал:

— Спи, спи, любовь моя!

Но она открыла глаза, и он увидел так близко счастливое сияние ее изумрудных зрачков, еще затуманенных сном.

— Ты улыбалась во сне. Что тебе снилось?

— Я была на пляже, ты нес меня на руках.

— Какой пляж? — сыронизировал он. — Пляжей много... Она засмеялась, обняла его за шею, привлекла к себе, прижимаясь щекой к его щеке.

— Я спрашиваю тебя... — начал он.

— О чем?

— На каком пляже ты была самая красивая, волнующая, ослепительная? Я не знаю. Я вижу тебя повсюду: и в ветреную погоду, и под солнцем, и на утесе в Ла-Рошели, или бегущей мне навстречу... И не знаю, как решить. На каком из этих пляжей ты была самой красивой?

— Неважно! Это меня мало волнует, лишь бы я бежала к тебе!

Она бежала, летела, не чувствуя под ногами земли. Ею владело единственное желание — дождаться его, прижаться к его живому телу, если даже он и оттолкнет ее. Но он не отталкивал ее. Он раскрывал руки и изо всех сил прижимал ее к себе. Они были близки. Мгновения, пережитые в Тидмагоуче, в дыму и грохоте сражения, остались для них светлым воспоминанием. Это было какое-то чудо, небесный дар, благословляющий их стойкость среди засад и в западнях. Взглядом, любовными жестами они сообщали друг другу это неослабевающее и всегда новое чувство.

Она догадывалась о его доброте, доброте открытой, настоящей, не подверженной никакой слабости. А ее

единственная слабость в том, что она его чересчур любит.

Он сказал ей об этом. Она упрекала себя за то, что робела в его присутствии в первый год, когда они снова встретились. Ее смущала его сила, власть над остальными и его судьба, которую ничто не могло поколебать. На самом деле он был не из тех людей, которых легко понять. Он и не стремился к тому, чтобы быть понятым. Он был силен потому, что мало было людей, мало было вещей, которые могли бы заставить его страдать.

Станный человек, которого могли бы ненавидеть, так как он не был похож на других. Он видел, как исчезают его дворцы, произведения искусства — все его добро. Но его огорчали и радовали другие ценности.

— О чем ты думаешь?

— О тебе.

Наклонившись над ней, он провел пальцем по ее изогнутым золотистым бровям, поцеловал кончики ее пальцев, прикрыл ее обнаженные плечи кружевным покрывалом. Но она сбросила покрывало, села, подняв руки, сняла через голову рубашку.

— Обними меня! Обними меня!

— Безумная, — засмеялся он, — замерзнешь! Холодно!

— Согрей меня!

Обнаженные руки обняли его шею, привлекли его. Она прильнула к нему из всех своих сил, со всей своей слабостью.

— О, любимый...

И он увидел, как по ее чудесному лицу прошли волны, его озарила светлая улыбка экстаза, ее сменило выражение отчаяния и боли, которое часто сопровождает радость глубокой любви.

«Мужчина, который меня любит, желает меня. Он нуждается в теплоте моего тела, а мне нужен его жар.

Он меня пугает и успокаивает. Он выскользывает из моих рук, и, однако, я знаю, что он всегда будет здесь, со мной. Он больше никогда не убежит. Какое упоение!»

Она страстно прижимала к своей груди голову сурового воина, смеялась, как сумасшедшая, а он обнимал ее, бессильный ответить на это желание женщины, которая обнимала его; не мог удовлетворить этот любовный голод, который она, не стыдясь, смело показывала ему. Начиная с Акадии, она не боялась показаться сладострастной и кокетливой. «Была ли она такой в объятиях своих любовников?» — спрашивал он себя.

«Несомненно... Может быть». Он представлял себе мадам дю Плесси-Белльер, королеву Версаля... А кто был еще, в руках каких мужчин она так непритворно смеялась, как теперь? Колен? Король? Он должен сознаться, что ничего не знает о ней, разве что самую малость... С кем позволяла она себе такие вольности? С кем практиковала тонкое искусство любви? Научить ему могут только разные мэтры, каждый из которых приносит свой вкус и фантазию. Какие мужчины держали в своих объятиях эту упоительную Венеру, которая прикорнула сейчас на его груди, показывая клеймо? Но она показывала его еще... Это была ее месть ему. Нужно заставить себя забыть все в лихорадочном наслаждении. Для него она всегда была новой. Благодаря какой-то магии они, будучи вместе, ощущали вкус волнующего начального приобщения к любви.

Она откинулась на подушки, обнаженная, такая красивая. Волосы рассыпались вуалью. Она собрала их одной рукой и обнажила белоснежное плечо, чтобы лучше было ласкать ее груди, к которым он любил прикасаться жадными губами. Его губы спускались вдоль мраморного тела богини, тронутого позолотой.

Она металась и стонала в забытьи, совершенно неузнаваемая, без остатка отдавшись на произвол страсти, все ее прелести были открытыми его взору и поцелуям, под которыми вздрагивала и исходила истомой ее покорная плоть, и он ясно видел, что она его не боится и воспринимает его как равного партнера в этих любовных играх.

Сегодня он превратился из господина в друга, которого любят и которому дарят только вечер удовольствия. Это придавало их отношениям оттенок легкости и распушенности.

Его забавляла эта игра — ее горячность и его отказ. Они снова были изнурены, околдованы этим дружеским соединением, испытывая огромное удовольствие; все заботы отодвигались на задний план. Оставалось только одно — испытывать наслаждения в объятиях друг друга, благодатную усталость, возродиться к новой жизни, которая начиналась простыми словами:

— Тебе хорошо?

— Это чудесно!

— Ты больше не боишься меня?

— О, нет!

— В таком случае ты норовишь свести меня с ума и заковать в кандалы своим колдовством?

Покрывая всю ее страстными поцелуями, он вновь повторял, что без ума от нее, что она подарила ему счастье, что никакая другая женщина не занимала его так, как она. Он пошутил, сказав, что теперь он понимает, почему все мужчины завидуют ему и хотели бы убить его за то, что он владеет ею, единственным сокровищем.

Все им казалось свободным, блестящим и упоительным.

— Ах! Если бы мы могли всегда жить на плывущем корабле... перед нами море... — вздохнула Анжелика.

— Не бойся ничего. Нас и на суше ждут радости.

— Я не знаю. Я мечтаю об этом, но по мере нашего продвижения вперед мечты эти становятся недостижимыми. Временами я начинаю понимать, что забыла, каковы люди. А раньше я это хорошо знала.

— Нет, ты их плохо знала. Тебе только казалось...

Она настаивала на своем.

— Ты видишь себя в прошлом. Но ты не знаешь своих сил сегодня.

— Я сильна только рядом с тобой, — сказала она, прижавшись к нему.

— Мы поговорим еще об этом. Я видел тебя с пистолетом в руке. Сейчас Квебек еще далеко, мы свободны, плывем по реке. Мы сделаем остановку в Тадуссаке, отдохнем от плавания. Мы вновь найдем там друзей, заведем дружеские знакомства. Я надеюсь, что там будет хорошо.

— Если только нас не встретят там...

— Нет. Это всего-навсего торговый пост, ферма, часовня. Небольшой поселок колонистов и индейцев, которые торгуют, молятся, кормятся скотоводством. У них нет причины для вражды. Они не знают и развлечений. Мы им устроим праздники и танцы на берегу реки. Что ты на это скажешь?

— Если посмотреть на дело с этой стороны, то мне представляется заманчивой победа над Новой Францией.

Они замолчали. Их качал на волнах корабль. Снаружи сквозь туман доносились различные звуки, голоса перекликающихся людей свидетельствовали о бдительности сторожевых постов. Обстановка, однако была мирной. Анжелика закрыла глаза.

Спала ли она? Она увидела, как бросается сквозь пламя к высокому силуэту, привязанному к столбу. Пламя льется потоком, его жар ошеломляет и разлучает их. Он — колдун, он проклят и сожжен на Гревской площади.

Видение длилось одну секунду, в Анжелика, вскрикнув, пробудилась.

Он спал рядом с ней, чудом выживший, сильный, безмятежный.

Боясь разбудить его, Анжелика положила свою руку на его теплый кулак и почувствовала, как под ее пальцами трепетала жизнь. Виденный только что сон совпал с ощущениями, которые она пережила, когда ей пришлось прыгнуть в огонь басков на острове Монхиган в ночь святого Иоанна. Железная рука гарпунера Эрнани д'Эстигуарра заставила ее подпрыгнуть и перелететь на другую сторону через горящую вязанку хвороста.

— Вот вы и очистились, мадам, — сказал тогда ей великий баск. — Дьявол не посмеет теперь вредить вам в этом году.

Наклонившись, он поцеловал ее в губы.

Глава 5

Следовавший за ними корабль попался им па глаза к полудню. Он вынырнул из зеленоватого тумана, который нависал над рекой, впитав в себя зелень лесов, заволакивая горизонт.

Флот де Пейрака, выстроившись полукругом, держал путь впереди него. Как и предчувствовал граф, это было запоздавшее судно, которому пришлось задержаться в море из-за неблагоприятных условий, триборд дал крен, вода превышала ватерлинию, паруса были изорваны ветром. Когда накатывали высокие волны, казалось, что корабль уже утонул. Судно выдерживало дистанцию, как смертельно раненное животное. Вынужденный скитаться, корабль не смел ни повернуть назад, ни устремиться вперед, где, как он угадывал, этот странный флот приготовил для него сети. Приходилось лавировать. Онорина громко выразила чувство, которое сжимало ее сердечко при виде корабля.

— Бедный! Бедный корабль, — простонала она взволнованно, — бедное судно! Как дать ему понять, что мы не желаем ему плохого?

Она стояла на мостике рядом с Жоффреем де Пейраком. Он велел поднять паруса и подготовить пушку, время от времени он передавал Онорине свою подзорную трубу.

— Ты, конечно, поднимешь флаг? — спросила она взволнованно.

Иногда обращаясь к нему, как к равному, Онорина называла его на «ты».

— Нет, мадемуазель. Это ничтожное суденышко.

Анжелика наблюдала за ними: за супругом и дочерью.

Она находила в них большое сходство, Анжелика не слышала слов, которыми они обменивались, но она любовалась их очевидным согласием. Привязанность Жоффрея де Пейрака неожиданно подняла на щит эту фею с рыжими волосами. Судьба связала это маленькое существо, обреченное на несчастье, с судьбой необыкновенного человека, окруженного блестящей и мрачной легендой. И это очень подходило юной Онорине де Пейрак. Анжелика не сомневалась, что дочь ее будет держать в руках судьбы Канады и этого гордого города, куда они плывут. И это будет справедливо.

Минуту спустя Жоффрей и Онорина исчезли из поля зрения Анжелики, а затем она увидела, как они спускаются на полуют. Жоффрей держал ребенка за руку. Бывая на командном посту, он надевал на лицо темную медную маску. Это придавало его силуэту свирепость и подчеркивало хрупкость маленькой фигурки его спутницы, которая шагала рядом с ним в своей пышном наряде.

Анжелика услышала, как Пейрак сказал Онорине:

— Мы пойдем своим курсом до Тадуссака, а тот корабль пусть идет по своему маршруту.

— А в Тадуссаке?

— Там мы познакомимся с ним и узнаем, нет ли на его борту каких-нибудь опасных персон. Проверим его трюмы.

— Вы — пират, мсье? — воскликнула Онорина, имитируя интонации Карлона.

Анжелика не удержалась от смеха. Она подумала, что ничто не может победить любовь, которая их объединяет. Ночные часы, которые она провела в объятиях Жоффрея, оставили в сердце ее чувство блаженства. Ее сердце переполнялось восторгом при виде дорогих ей существ. Ей уже виделось их счастливое благоденствие в роскошном ореоле светлого сияния, обещание судьбы, готовой щедро их одарить.

Гибнущий корабль, плывущий за ними, символизировал последние судороги какого-то врага, который не замедлит попросить пощады. Не потому ли так спокоен Жоффрей, возвращаясь в Новую Францию под своим законным титулом графа Тулузы? Надеется ли он получить полную амнистию от короля Франции?

Вопреки очевидному она начала понимать, что сила Жоффрея сегодня больше, так как он свободен. Его не угнетают теперь законы феодальной системы, как это было когда-то, в бытность его сеньором Аквитании. Что теряет король Франции, восстановив справедливость? Чем может угрожать Жоффрею этот далекий соперник?

Однако на следующий день направление ветра изменилось. Изменилось и настроение Анжелики. На нее нахлынули опасения из-за реплики солдата Адемара.

А дело было так. Как уже не раз, все собрались на мостике, чтобы обсудить маршрут и изменившуюся ситуацию. Обсуждалось положение гибнущего судна. Стоит ли оказывать ему помощь? Куасси-Ба и шеф-

повар велели своим юным помощникам принести всем прохладительные напитки, но всеобщее внимание было приковано прежде всего к эволюциям видневшегося вдали корабля, который явственно терпел бедствие. Сошлись во мнении, что это торговое судно из Гавра или Онфлера и, видимо, принадлежит компании «Ста учредителей».

Сейчас, после того как подозрительные, с точки зрения тех, кто был на неисправном судне, корабли — их можно было принять за английские или пиратские — отделились, команда решила продолжать тягостное для нее продвижение вперед. Но вопрос в том, продержатся ли они на плаву до Тадуссака. И почему корабль оказался в Канаде в столь позднее время? Предполагали, что он убегал от пиратов. Но разве не лучше было ему скрыться в бухте Св. Лаврентия и остановиться там? Рассматривали судно в подзорную трубу, когда раздался плаксивый голос Адемара:

— А что, если этот несчастный парусник подобрал на свой борт герцогиню?

— Какую герцогиню? — воскликнули все, дружно повернув голову в его сторону.

Он не пожелал ответить и несколько раз перекрестился. Все поняли, и ужасный страх оледенил их сердца. Адемар был из тех людей, которые обладают даром предчувствия и предвидения.

— Что ты говоришь! Ты сошел с ума! — воскликнула Анжелика. — Герцогиня! Она мертва. Сто раз мертва. Она умерла и погребена.

— Разве можно знать что-нибудь наверняка с подобными типами? — прошептал Адемар и снова перекрестился.

Поискали глазами де Пейрака, чтобы спросить его мнения, но он был далеко, тогда обратились к Виль д'Эвре.

— Друзья мои, успокойтесь! Мы все еще находимся во власти тех событий, которые так взволновали нас недавно. Но мы должны все забыть, все забыть! Послушайте меня. Мы должны явиться в Квебек, выбросив из воспоминаний все, что произошло в бухте Сен-Лоран. Да, даже вы, Карлон. Вы должны забыть. У нас нет выбора.

Он настаивал на этом торжественно, что было непривычно для него и доказывало, что даже он вовсе не недооценивает того, что скрывается за драмой, в которую они оказались замешанными.

— Даже в правовом государстве тяжба с... Сатаной, — сказал он, озираясь по сторонам, — мы все это знаем, какое это деликатное и опасное дело. Я вам это говорю, Карлон: молчание и забвение. Вот лучший способ не наткнуться на любопытных людей.

— А если «она» вернулась? — продолжал Адемар, крестясь.

— «Она» больше не вернется, — отрезал Виль д'Эвре. — И если ты еще раз позволишь себе подобные намеки, твоя спина познакомится с моей тростью, — добавил маркиз с угрожающим жестом. — А по приезде в Квебек я велю заковать тебя в кандалы или повесить.

Напуганный до ужаса Адемар убежал.

— Мсье де Пейрак наилучшим образом уладил эту историю. Не будем больше говорить о ней, — продолжал маркиз, который любил при случае напомнить, что он — губернатор Акадии.

— Добавлю к этому, что мы прибудем в Канаду целыми и невредимыми, трудности позади. Это чудо, за которое мы должны благодарить Бога.

И если кто-нибудь боится, что демонический дух явится нас преследовать, не будем забывать, что отныне мы находимся на христианской земле. Вот уже более пятидесяти лет потом тяжкого труда и кровью

мучеников миссионеры очищали регион от языческой скверны. Канада не Акадия.

Он бросил взгляд на братьев Дефо.

— Я всегда следил за борьбой Церкви, мы победили сатанинские силы. Все кончено. Мы нашли прибежище. Давайте успокоимся. Кроме того, на борту нашего корабля есть благочестивые люди Церкви. Они служат во спасение наше. Отец Кантен отслужил мессу. Теперь ад нам не грозит.

— Аминь! — с насмешкой сказал Карлон. — Вы могли бы читать проповеди с кафедры.

— Смеетесь, а ведь именно я сделал большое дело. Прочь восемьдесят дьявольских легионов! — воскликнул Виль д'Эвре, потрясая своей тростью с серебряным наконечником. — Я знаю, о чем говорю. Я вместе с мадам де Пейрак отражал безумные атаки... А вы подоспели только к концу, и не вы вели ее по широкому пляжу Тидмагоуча, когда эта бесноватая испускала ужасные вопли. Я видел, как вы побледнели. Так что последуйте моему совету. Между нами, я вам говорю, между нами все должно остаться. Только так мы можем избежать расследования. Забудьте и улыбнитесь всем. Жизнь прекрасна!

Он увел Анжелику в сторону, положив руку ей на талию.

— Не сходите с ума.

— Но я...

— Я вас знаю. Я слышу, как бьется ваше сердце. Ах! Уязвимый Стрелец!

Он слегка коснулся пальцем ее щеки.

— Люди недооценивают глубокую чувствительность огненного знака. В течение всей своей жизни он обречен служить мишенью для ненависти. Его одаренность и порядочность возрастают. Любовь, которую внушает этот огонь, плотская и одновременно возвышенная. Он закалял свои стрелы в спешке, он

послал свою стрелу к облаку. Считают, что он неукротим и не имеет слабостей. Но он постоянно страдает от того, что находится одновременно и на земле, и на небе.

— Вы говорите о моем знаке судьбы? — спросила Анжелика.

— Да! Вы же Стрелец?

Виль д'Эвре обратил свой взгляд к ночному небесному своду, как будто он мог там рассмотреть, как мифический кентавр скачет к робким звездам, скрытым перистыми облаками.

— Он вестник, посланный из материального мира к потустороннему. Вот почему одно ваше «я», Анжелика, является жертвой какого-то демонического существа. — Он наклонился к ее уху: — Вы из того пространства, понимаете? Вы его укрываете, можете следовать его фантазмагориям... Но, кроме того, вы созданы, чтобы побеждать, вы причастны и к земным существам. Кентавр держится близко к солнцу. Он не поддается страху. Не заглядывайте в прошлое и не беспокойтесь о будущем...

— У меня болит желудок, — сказала она, положив руку на лиф. — Мне достаточно вспомнить ее ужасный крик, и я чувствую себя больной. На этот раз я должна сознаться, что я действительно испытываю страх. Я немного суеверна. Я солгала, когда сказала, что не боюсь ее. Добрые ли, злые ли демоны на меня наводят ужас.

— Но вы же умеете их изменять?

— А вы, маркиз, действительно знаете науку о звездах?

— Я знаю в ней почти все, — скромно признался Виль д'Эвре.

— И вы думаете, что мы не окончательно разделались с нашей герцогиней? Она все еще живет

на земле в разных ипостасях? Об этом заявят в Квебеке, будут доискиваться, что с ней стало.

— Молчание, — говорю я вам.

— Девушки короля проговорятся.

— Нет, они слишком напуганы. Я поручил напомнить им, что они были на службе у висельника инквизиции и могут попасть на костер. Бедные красотки, они не проболтаются. Я думаю, что до самого смертного одра они будут отрицать, что видели, как она появилась перед ними.

Анжелика задумалась о покушении, в котором Петронелла Дамурт нашла смерть. Об этом тоже нужно молчать. Одна группа соучастников молчит, скрываясь от другой группы, которая должна молчать уже по другой причине. Все эти корабли так и будут перевозить компанию конспираторов, которые соединены, опутаны одной сетью интриг. Развязать их поможет только случай и душевные силы. Они образуют единый блок. Когда они прибудут в Квебек, то в складках своих мантий принесут на землю затхлый запах постыдных секретов Акадии.

— Верите ли вы, что она мертва? — спросила тихим голосом Анжелика.

— Она мертва, — подтвердил Виль д'Эвре. — И вы должны убедить себя вот в чем. Мертвая или живая, она ничего уже не сможет сделать против вас. Раненый Стрелец возвращается на свой путь, высоко подняв свой лук. А что касается науки о звездах, я познакомлю вас в Квебеке с монахом, который очень искусен в этом деле. Она вам скажет нечто удивительное о вашей судьбе и мсье де Пейрака. Вот увидите!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ТАДУССАК

Глава 1

— Матросы, тихо!

Замогильный голос Эриксона из рупора воспарил над заливом, передавая команды для всех кораблей.

— Матросы, смирно!

Затем он продолжил скучный перечень приказов.

— Вытянуть гордень нижних парусов!

— Отдать шкоты большого паруса!

После тишины первых минут последовал топот босых ног. Люди заработали.

— Убрать паруса!

Утро пастельными тонами осветило линию кораблей. На каждом из них голос капитана повторял команды, и словно эхо, им отвечали крики чаек и бакланов. Сумрачный утренний свет соединял небо с водой.

— Матросы на реях, вверх!

С ловкостью обезьян люди устремились на ванты.

— Взять линек реи! Поместить его за парусами!

Анжелика и де Пейрак стояли на носу корабля. Сюда собрались все пассажиры. Широко раскрыв глаза, они с восторгом и ожиданием смотрели на берег. Перед ними открывалась панорама: берег был застроен деревянными домиками, около них большие фермы из серого камня, среди фруктовых садов на косогоре — полосы возделанной земли, отсвечивающие слоем льда.

В центре, на середине косогора, небольшая церковь подняла в небо острую, искусно украшенную колокольню. Ее свинцовая крыша с резьбой мерцала в рассеянном утреннем свете.

Слева, на высокой площадке отрога, находилась маленькая крепость с четырьмя башнями на углах. На главной башне развевалось белое знамя с тремя лилиями.

— Тадуссак! Франция!

Звон якорных цепей нарушил покой залива. Всплеск воля, ударившись о разовый гранит берега, утонул в реке Сегеней, которая сливалась здесь с водами Сен-Лорана. Вновь наступила тишина, слышались только крики морских птиц. Из легкого тумана, окутавшего

весь пейзаж, стали проявляться цвета, тусклые и в то же время живые. Вязы и клены между домами поселка выступали то там, то здесь пурпурными и золотыми пятнами. Дым, поднимаясь из труб, прочерчивал белыми нитями небо, словно нарисованный рукой художника.

Пышный цветок из голубого дыма окружал палисад индейского лагеря, расположенного на полпути между фортом и сосновым лесом.

— На первый взгляд все спокойно, — сказал де Пейрак, глядя в подзорную трубу. — Жители на берегу не кажутся воинственными. Со стороны форта тоже никакого движения.

— Если им не прислали подкрепления из Квебека, то у них должно быть всего четыре солдата, — сказал Карлон.

— Спасибо, что вы меня предупредили, мсье интендант.

Граф де Пейрак сложил свою подзорную трубу и повернулся к интенданту Новой Франции и губернатору Акадии.

— Что ж, господа, нам остается только сойти на землю. Ваше присутствие рядом со мной укрепит уверенность здешних людей в моих миролюбивых намерениях.

— А! Наконец вы раскрыли свои карты, — сказал Карлон, — и выставляете вперед своих заложников.

— Разве в таком звании вошли вы на мой корабль? Вспомните! У вас не было выбора. Иначе вам пришлось бы коротать зиму в каком-нибудь затерянном уголке на ривьере Сен-Жан под угрозой англичан либо попасть к дикарям западного берега. Или вы предпочитаете перебраться на судно, идущее у нас в кильватере и каждую минуту готовое пойти ко дну?

Все посмотрели назад. Туман закрывал горизонт, ничего не было видно.

— Мы займемся им позже, — сказал де Пейрак. — Сначала Тадуссак.

Виль д'Эвре сделал условный знак Анжелике и ее обычному окружению.

— Я приду за вами, — бросил он тихо, как бы в сторону. — Нужно уладить два-три вопроса.

— Я хочу видеть ребенка Иисуса из Тадуссака, — заявила Онорина.

— Ты его увидишь. Я тебе обещаю.

С корабля было видно, как удаляется шлюпка в сопровождении двух больших каноэ с вооруженными людьми. Но, кроме этих мер предосторожности, ничто не предвещало агрессии.

Несмотря на это, каждый был насторожен. Туман рассеивался.

— Колокол! — вскрикнула одна из девушек короля. — Он призывает к мессе...

— Нет, это набат.

— В этом нет большой разницы. Ясно, что это французская деревня...

— Только бы...

— Увижу ли я ребенка Иисуса из Тадуссака? — умолял голос Онорины.

— Да, ты его увидишь.

Все оставались спокойными. Мало-помалу напряжение спало. Анжелика ясно представила тон, который граф де Пейрак задавал этой экспедиции. Это визит принца к принцу, губернатора к губернатору. Тадуссак — это только промежуточная точка. Французские крестьяне Канады не могут проявлять враждебности к французам, которые делают жест дружбы. Пейрак и его люди всегда поддерживали хорошие отношения с лесными жителями Канады, которые находили помощь и убежище на их постах. Он избегал отвечать насилием на провокации военных, и ему удалось не нарушить мира. Об этом уже шла молва.

Поговаривали, что у него там, на юге, все тихо и нетрудно отыскать хорошие товары за деньги или в обмен.

Анжелика понимала, откуда исходила опасность, которая временами сжимала ее сердце.

«Я боюсь не народа, а Власти». Народ был чутким. Его не заставишь раболепствовать. Его могут только сдерживать. А здесь, в Канаде, любой человек — дровосек, жнец — старается сделать добро земле. Человек из народа свободен... Облагороженный поисками светлой жизни, приведшими его на земли Новой Франции, дружески сойдясь с благородными и титулованными искателями приключений, претерпев вместе с ними все превратности и опасности во время колонизации новых земель, он уже принадлежит к особой расе, более независимой и справедливой, нежели его бывшие соплеменники и близкие, оставленные во Франции.

Шлюпка возвратилась и причалила к борту «Голдсборо». Граф де Пейрак поднялся на борт, а небольшая кучка пассажиров стала спускаться в нее. Послышался веселый щебет Онорины:

— Поедем, мама! Поедем скорей! Мы можем сойти на землю.

Анжелика бросилась к графу.

— Все идет хорошо, — успокоил он ее, — Я уверил здешних влиятельных людей в наших мирных намерениях. Мне кажется, они охотно имели бы дело со мной, а не с интендантом Карлоном; он кормит их одними обещаниями и не думает пошевелиться и отправить в Европу товары, которые вот-вот обратятся в труху.

Он напустился на них, выскочив, как чертик из шкатулки. В конечном счете это самая большая неприятность, какую я им причинил. Но они уже успокоились. Сейчас все разошлись по домам, но держу

пари, что они стоят у окон и пожирают нас глазами. Время пришло. Идите к ним и пустите в ход все ваше искусство. Виль д'Эвре ждет вас. Уверен, что вы быстро вывернете их как перчатку и всех недругов превратите в ваших обожателей. Здешний люд наивен и простодушен.

Он поцеловал ей руку.

— Идите туда, моя дорогая, идите! Ступите своими прелестными ножками на французскую землю. И желаю успеха!

Анжелика посмотрела на берег. Начиналось настоящее приключение.

«А теперь, дражайшие канадцы, посмотрим, кто кого», — сказала она про себя.

Когда ялик стал приближаться к берегу, Анжелика спросила себя, не следовало бы ей одеться поэлегантнее. Сегодня утром она одевалась наспех, так как ей не терпелось увидеть, как выглядит Тадуссак. На ней была юбка из ткани с рисунком, кофта, обшитая беличьим мехом, темная шерстяная накидка с широким капюшоном. Волосы, собранные шиньоном на затылке, она покрыла черной сатиновой косынкой. Это был слишком строгий наряд. Но она и так потеряла слишком много времени, чтобы еще переодеться.

Кроме Анжелики и детей, в шлюпке поместились девицы, Иоланда и Адемар, и два испанских солдата — Луи и Карло. Матросы и гребцы шлюпки сунули за пояс пистолеты французского производства — экипаж Пейрака всегда был хорошо вооружен.

Отец Бор и мсье Кантен уже ждали на берегу. Их окружала толпа любопытных и индейцев. Высадившийся раньше, мсье де Виль д'Эвре, находящийся выше, около церкви, потрясал своей тростью.

— Поспешите! Отец Дефарель сейчас откроет нам сокровищницу.

Недалеко от него виднелся силуэт местного иезуита в черной сутане.

Туман рассеялся. Яркое солнышко пригревало. Из поселка было все видно. Жители из окон могла различать, кто высаживается. Солдаты форта беспрерывно дымили своими трубками или рыли землю лопатами. Можно было сказать, какие суда плывут по Сегению, а какие из Сен-Лорана.

Каждый знал здесь, кто приходит к соседу и когда уходит он него.

Анжелика посмотрела на Виль д'Эвре и мгновенно почувствовала, что именно она была центром внимания всего населения. Стало ясно, что они побросали все свои дела и в доме, и в иоле, и рыбалку, и торговлю и не намерены пропустить ни секунды из того, что происходит в порту. Уже пересчитаны все матросы и шлюпки.

— Вы видели, какие пистолеты у этих мужчин?

— А какой смешной вид у этих людей в касках и черных латах!..

— Говорят, это испанцы...

— А какого возраста эти девицы? Откуда же они прибыли? Дети... Такие маленькие, но выглядят здоровенькими, несмотря на утомительное путешествие.

— А она, эта женщина, это дама, которая только что ступила на землю и теперь поднимается к часовне, держа за руки детей. Как она красива! Это видно даже издали. Она! Та, которую ждали в Канаде.

Тропа служила как бы улочкой в этом поселке. Анжелика оказалась на площади перед церковью быстрее, чем думала. Отсюда Сен-Лоран казался молочного цвета. Туман отодвинулся на другой берег. Оказавшись перед иезуитом, который вместе с Виль д'Эвре ждал ее, Анжелика без колебаний подошла к нему.

— Отец мой, как приятно после длительного путешествия по диким местам услышать звон церковного колокола и узнать, что нас ждут. — Сделав жест в сторону входа в часовню, она продолжала: — Прежде чем взглянуть на эти священные сокровища, позвольте мне и этим девушкам преклонить колени перед тем, кто нам всем так необходим. Благодаря вам и вашим помощникам мы имеем возможность помолиться в самом удаленном уголке мира. Благословите нас!

Отец Дефарель со всей любезностью кивнул им, хотя его глаза, им показалось, насмешливо блеснула. Но это свойственно всем иезуитам, которые в течение пятнадцати лет пользуются инструкциями Учений Святого Игнатия. Такие искорки юмора Анжелика наблюдала у своего брата Раймона, у отца Луи Поля Мареше де Вернона, который в одежде английского матроса спас ее, когда она тонула, или у отца Массеро в Вассу, когда тот, засучив рукава, варил пиво. Эти важные персоны католической церкви — иезуиты — не внушали ей чрезмерной радости.

Однако она не протянула руки отцу Дефарелю, так как знала, что священнослужители избегают пожимать руку женщины. Следуя за иезуитом, они вошли в церквушку, построенную в виде корабля, затененную, пропитанную запахом ладана. Здесь теплилась масляная лампа в стакане красного стекла, которая освещала тело и кровь Христову.

Обстановка навевала воспоминания. Анжелика почувствовала внезапное волнение. Сколько же лет она не была в храме? А ведь большую часть своей девической жизни она провела в молитвах! Заутрени на заре, вечерни, благословения, ежедневные молитвы, великие праздники, гимны, причащения — все это было так близко ей когда-то.

Она встала на колени перед дарохранительницей и прикрыла лицо руками. «Дорогая Франция!» — сказала она очень тихо. На глазах появились слезы. Ее охватили чувства сожаления и любви, долго сдерживаемые, осмеянные, в которых она отказывалась признаться даже себе самой. Но они жили в глубине ее души: любовь к стране, где она родилась, и привязанность к вере, в которой она получила крещение. Так она простояла долго и сосредоточенно.

«Бог мой! — молила она в слепом порыве. — Бог мой! Ведь вы знаете меня! Вы знаете, кто я!»

— Bravo! — шепнул ей Виль д'Эвре, когда она направилась к группе, оставшейся у ризницы, — Это так волнующе. Я не знал вас ни как политика, ни как набожную женщину. Вы восхитительная актриса.

— Но я по натуре не политик и не актриса, — возразила Анжелика.

— Тогда это хуже и опаснее. Я начинаю верить, что присутствую при страшных событиях в Канаде.

Ребенок Иисус из Тадуссака был скульптурой из воска, подаренной иезуитским миссионерам королем Людовиком XIV. Анна Австрийская, королева-мать, вышила его одежды из серого сатина серебром и украсила перламутровыми жемчужинами. Онорина протянула к нему руки, приветствуя, как куклу. Риза, мантии, требники, два потира — серебряный и золотой, — чаши с крестообразной крышкой, рубиновые оправы, дароносицы из позолоченного серебра составляли это сокровище, ценность и красота которого никак не сочеталась с бедностью окружающего. Это согласовывалось только с тем, что подчеркивало историю канадского населения, — все для службы Богу. Чистое золото храма вступало в противоречие с суровой бедностью окружающего народа.

Когда они вышли из церкви, весь Тадуссак был на площади, включая индейцев из трех становищ. Это

трогало и впечатляло.

Перед этой плотной толпой людей, застывших с каменными лицами, Анжелика стала жалеть о том, что так небрежно отнеслась к своему туалету. Она не знала, чего ждут от нее эти люди. Может быть, они разочарованы, она не оправдала их ожиданий? Она видела их спокойные круглые лица: женские — под белыми чепцами, мужские — под красными колпаками. Конечно же, в первых рядах были индейцы с их голыми и грязными ребятишками, которые, путаясь под ногами, задирали маленьких босоногих крестьянских детей. Матери догоняли своих детей, награждали их подзатыльниками и вновь застывали как изваяния.

Анжелика приветствовала сход наклоном головы, но ответа не последовало. Люди рассматривали ее.

Здесь были жители лесов: дровосеки, обутые в мокасины, пахари в сабо или толстых башмаках с застежкой. Женщины в чепцах, с наброшенными на плечи огромными шальями. Иные завернули свои плечи в накидки па индейский манер. Губы сжатые или с трубкой в зубах. Ее рассматривали. Это могло бы длиться до вечера. Анжелика оглянулась с тревогой. Она заметила, что иезуит и маркиз де Виль д'Эвре переговариваются в растерянности. Было ясно, что они не могут повлиять на ситуацию. А еще Анжелика заметила старика. Он сидел на каменной скамье справа от церковных ворот. Несмотря на свой почтенный возраст, старик казался бодрым и живым. Его колпак из красной шерсти выгорел, стал розовым. Он был украшен медалями и перьями. Убор этот как нельзя лучше шел к этому коричневому лицу, сморщенному, как плод мушмулы. Анжелика сделала перед ним малый реверанс и любезно сказала громкий голосом:

— Держу пари, что вы старшина Тадуссака. Никто, кроме вас, не может представить меня этим славным людям, которые так любезно пришли приветствовать

нас и которым я хотела бы выразить благодарность за их прием.

Не дожидаясь ответа, она остановилась рядом с ним, добавив:

— Меня зовут графиня де Пейрак, я только что сошла с корабля, который вы видите в порту.

Этого никто не понял, но дело сдвинулось с мертвой точки. Анжелика не ощущала враждебности со стороны канадцев. Они на нее смотрели, и все. Она подумала, что должна им помочь составить мнение о себе. В прежние времена крестьяне Пуату, которых она вела на битву, потребовали бы мудрости и осторожности, окажись они в подобных условиях. Этому населению Тадуссака объявили, что она — женщина, которая... Нужно же увидеть своими глазами.

Старик ничего не ответил, но дал понять, что он не глухой и не дебил. Он подвинулся, чтобы дать ей место. Подобие улыбки осветило его лицо, когда он посмотрел на Онорину и Керубино.

Маркиз де Виль д'Эвре чувствовал себя как в театре. Он любил те моменты, когда можно было занимать центр сцены. Тогда ему передавалось общее напряжение, он легко входил в роль и увлекался игрой. Он воспользовался несколькими секундами тишины, чтобы подогреть любопытство присутствующих, подмигнул иезуиту, который, казалось, не интересовался происходящим, и потом заявил:

— Моя дорогая Анжелика! Вы не могли бы выбрать лучшего посредника, чем этот благородный старик. Это Кариллон. Он поселился здесь очень давно вместе с нашим храбрый Шампленом. Знаете, это именно его наш первооткрыватель земель вызволил из плена, выменяв его на одного из алгонкинцев, и отвез на показ королю. Не менее семнадцати лет наш друг привыкал к местным условиям, живя среди диких племен. Он знает

несколько диалектов и живет согласно обычаям этих племен.

— Мсье, я почла за честь познакомиться с вами, — обратилась к соседу Анжелика.

Когда Виль д'Эвре представлял Анжелику старику, тот сделал вид, что не слышит его. Он окидывал взглядом окружающих. Вытянув скрюченный палец, он сделал кому-то знак выйти из рядов. В толпе образовался водоворот, особенно всполошились крестьянки и, потолкавшись, пропустили вперед красивую девушку. Она нерешительно выступила вперед и остановилась с видом загнанного зверька. Старик продолжал делать ей повелительные знаки, требуя, чтобы она прошла вперед. Его указательный палец был очень красноречив, и он, видимо, наловчился отдавать всем приказания с его помощью. Поступал он так либо потому, что берег силы, либо оттого, что считал излишним тратить слова и повторять из года в год одно и то же. Наверное, ему в его восемьдесят четыре года все это изрядно наскучило.

Несмотря на это, девушка заупрямилась и осталась на прежнем месте.

— Но это же Мариэтта! — радостно воскликнул Виль д'Эвре, раскрывая объятия. — Как она прелестна и как выросла! Это правда, что в прошлом году Мариэтта вышла замуж?

Женский угол возмутился, и некоторые лица помрачнели. Виль д'Эвре поспешил к ним и вызвался быть арбитром в этом конфликте. Он всегда успешно добивался доверия женщин, и очень скоро две крупные женщины в больших шалях охотно объяснили ему все.

Он вернулся к Анжелике.

— Вот что произошло. Эта девчонка — правнучка Кариллона, — объяснил он, наклонившись к ее уху. — У нее были неприятности с ее грудным ребенком. Старик взял себе в голову, что вы могли бы что-нибудь сделать.

О вас многое рассказывают. Слухи о вашей репутации врача дошли и сюда. Это обсуждалось, когда они прослышали о вашем путешествии в Квебек. Старик упрямым, как осел.

— А она? Ведь не хочет...

— Эти деревенские девицы придурковаты и суеверны.

— Нет, она боится, не наслал ли кто-нибудь порчу на ее ребенка, — сказала Анжелика. — Мне кажется, что старый Кариллон не верит всяким рассказам. Он мог бы быть нашим союзником.

Она повернулась к старику, который оживился и испепелял взглядом женщин.

— Мсье Кариллон, я намерена оказать помощь, кому вы пожелаете. Но не верьте, что я обладаю магической силой. Возможно, вы более искусны во врачевании. Вы, знаете, лекарственные травы, которые в изобилии растут в ваших лесах, вы посещаете часто индейцев и знакомы с их лечением». Теп не менее я велю принести мне мой сундучок с лекарствами. Когда мы лучше узнаем, друг друга, я, возможно, сумею убедить молодую женщину, чтобы она показала мне своего ребенка.

Старик казался взбешенным. Неизвестно, что привело его в такое состояние: слова Анжелики или неповиновение правнучки. Последняя, несмотря на гнев прадеда, и бровью не повела. Она была представительницей поколения, выросшего на краю леса, откуда в любую минуту мог появиться ирокез с томагавком. Молодежь с таким складом характера не подчиняется старикам. Ушла в прошлое старушка Европа. Теперь не покоряются предкам. Кончились эти глупости!

Старик так разволновался, что его мог хватить удар. Он выплюнул целую струю коричневой от табака слюны на такое расстояние, которое засвидетельствовало

неистовую злобу, клокотавшую в нем. Наконец он изобразил целую серию знаков, в результате чего прибежал босоногий мальчишка с растрепанными волосами и принес старику индейскую курительную трубку из красного камня, мешочек с табаком и тлеющий уголек. Кариллон закурил свою трубку и успокоился.

Однако этот инцидент нарушил неподвижность и безмолвие толпы. Все пришли в движение. Люди спорили друг с другом, яростно толкались, передавали из рук в руки какой-то мушкет, грубо хватая его. Дело принимало опасный поворот. Анжелика посмотрела в сторону испанских солдат, которым было велено охранять ее. Они оставались безучастными. Они умели противостоять любого рода толпе. Им приходилось иметь дело с индейцами Амазонки, с ирокезами, с басками — рыбаками и жителями Сен-Мало. Казалось, что на службе у графа де Пейрака они обрели чувство, предупреждающее их о том серьезном моменте, когда нужно поджигать фитиль или раскрыть заговор. Оружие, о котором спорили канадцы, в конце концов попало в руки огромному дикарю, желтокожему, как цитрус. У Анжелики было такое ощущение, что она его где-то уже видела. Внезапно все засмеялись. И brave парни обернулись к Анжелике, как дети, подготовившиеся разыграть фарс.

Анжелика ответила им улыбкой. Ей это напомнило детство. Она на площади в своей деревне сидит под вязом рядом с родителями — бароном и баронессой де Сансе, всегда терпеливыми и снисходительными зрителями крестьянских фарсов. Перед ними обычно усаживались старики. Вспомнив это, она прижала к себе Керубино и Онорину, как это делала когда-то с ней самой ее мать.

Теперь спор велся на местном языке, близкой диалекту ирокезов. Анжелика улавливала только

отдельные слова, остальное ей было непонятно. Иезуит коротко объяснил, о чем вдет речь, маркизу, лицо которого просветлело.

— Ах, вот как! Теперь слушайте, мадам. Они хотят знать, правду ли говорят, будто вы не знаете равных себе в стрельбе. Этот дикарь утверждает, что был ранен вайй год назад, но не знаю, где это произошло.

— Анастаха! — воскликнула Анжелика. — Это Анастаха, предводитель отряда гуронов, я вспомнила. Дело происходило у брода Сакоо, около Катарунка.

Видя, что его узнали, гурон воодушевился. Анжелика поблагодарила в душе нёбо за то, что ей дана такая отличная память: она запоминала даже индейские имена.

Индеец и его друзья разразились смехом, и лед был сломан. Они начали пританцовывать, ребятишки кувыркались, а канадцы хлопали в ладоши.

«Но это не я его ранила», — хотела добавить Анжелика, но так как всем это, очевидно, нравилось, включая пострадавшего, она не стала настаивать.

Осмелев, Анастаха подошел к Анжелике и положил мушкет ей на колени.

— Чего он хочет?

— Чтобы вы выстрелили, черт возьми! Чтобы вы продемонстрировали перед ними свои таланты. Слухи об этом дошли и до них.

Анжелика колебалась. Конечно, она охотно удовлетворила бы их любопытство. Она могла бы доставить удовольствие этим простым симпатичным людям, развлечь их. Ведь их жизнь была лишена событий. Они потом могли бы рассказать о ней в доброй компании. Но не таится ли западня за этим предложением? Не хотят ли они установить, что ее искусство стрельбы — результат колдовства?

«Черт с ним! — решила она. — Будь что будет!»

Она спросила, кому принадлежит оружие. Из рядов вышел молодой человек в кожаном жилете с бахромой и, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к ней. Он был похож на всех этих лобиньеров, которых она встречала в форте Катарунк.

Поколебавшись, он снял свой шерстяной колпак и очень быстро надел снова. Однако он не был оскальпирован, как старик Маколе. Напротив, у него была прекрасная шевелюра. Канадская красная шапка, его «тук», казалась частью его самого. Он должен был снимать ее только при крайней необходимости — в церкви, перед губернатором или перед королем, если тому вдруг вздумается прогуляться в Канаду. К перечисленным случаям он сегодня добавил еще один. Он снял шапку перед дамой, которая смотрела на него бесстрашно и одновременно дружески, с улыбкой на губах.

— Как вас зовут, мсье? — любезно спросила Анжелика.

— Мартэн дю Лугр, Прекрасный Глаз, к вашим услугам, мадам.

— Что ж, мсье Лугр, у вас отличное голландское оружие. В мыслях она добавила: «Вы получили его в обмен на меха на посту, пограничном с Новой Англией или д'Оранжем». Чтобы не смущать его, она сделала паузу и ненавязчиво продолжала:

— Это оружие не французского производства, как наше. Но, без сомнения, вы легко можете доставать здесь такое оружие. Что за важность...

Я предлагаю вам выбрать оружие. Вы можете взять ваше ружье, и вы будете стрелять первым. Ведь недаром же вас зовут Прекрасным Глазом, вы: ведь меткий стрелок. Навряд ли я смогу удивить присутствующих, стреляя после вас. Я впервые беру в руки такое оружие, и самое большее, на что я могу надеяться, это быть равной вам.

Говоря это, Анжелика протянула охотнику ружье, которое тот взял.

Он ухмыльнулся, покачав головой. Эта не входило в программу, но он не мог уклониться. Присутствующие стали переглядываться, и Анжелика порадовалась тому, что выбрала именно такую тактику. Соревнуясь с опытным стрелком, она покажет им свое умение обращаться с оружием. Ни это не будет демонстрацией магических сил.

Парень установил мишень. Избранная им дистанция подходила и для Анжелики. Она могла бы с честью выйти из этого положения. Анжелика наблюдала, как охотник заряжает и готовит свое оружие.

Кружок ротозеев разомкнулся и освободил им место. Ее спокойствие, ее городская одежда сняли агрессивное настроение, с которым местные жители затевали это соревнование.

Повинуясь жестам костлявых длинных пальцев Кариллона, Прекрасный Глаз заявил, что он согласен стрелять первым. Сначала он поразит центр натянутой кожи, а затем собьет перо на окружности. Он выстрелил. Дыра на мишени оказалась не в самом центре, но очень близко. Это можно было считать хорошим спортивным достижением. Перезарядив ружье и тщательно прицелясь, он задел перо, как и было объявлено.

Анжелика попросила его присутствовать при том, как она будет заряжать мушкет. Она чувствовала, что молодой охотник с любопытством наблюдает за ней. Ведь ему никогда раньше не приходилось видеть, как настоящая дама своими изящными руками заряжает тяжелое ружье. Видя, с какой легкостью она чистила ствол, насыпала порох, он только покачал головой. Анжелика спросила, какова точность прицела, но он видел, что она сама это прекрасно знает.

Зрители замерли. Наступила тишина: можно было услышать, как пролетит муха. Каждый стал равнодушен ко всему, что не относилось к увлекательному спектаклю, на котором они присутствовали. Даже индейские ребяташки присмирели, собравшиеся с трепетом наблюдали, как ловко Анжелика подняла тяжелое ружье и приложила его к плечу. Следили за каждый ее движением. Движения ее были спокойны, но быстры. Не признаваясь себе в этом, многие залюбовались грацией, с какой Анжелика наклонила голову к прицелу.

Можно было сказать, что мушкет стал ее соучастником. Очень тихо она сказала ему: «Поработаем вместе, добьемся нашей цели!»

Виль д'Эвре торжествовал:

— Она очаровательна, не так ли! — шепнул он отцу Дефарелю, который остался к этому холоден.

Анжелика опустила оружие и спросила старика Кариллона, что он предпочитает: чтобы она поразила центр мишени или попала в отверстие пули Прекрасного Глаза? Тот прыснул со смеху, показав свой беззубый рот, и подтвердил жестом, что второе — поразить знак Прекрасного Глаза — будет высшей ловкостью. Анжелика вновь вскинула на плечо оружие, прицелилась, рассчитала траекторию и выстрелила. Человек двадцать устремились к мишени. Послышались восклицания: «Вот это здорово! Не зря говорили, что это необыкновенная женщина. Может быть, это все-таки магия?»

Наконец Анжелика почувствовала, что ее публика созрела. Они увидели, что в мишени только одно отверстие, но оно стало чуть-чуть больше, чем от пули Прекрасного Глаза. Значит, вторая пуля прошла сквозь него. Мушкет в ее руках еще дымился. Анжелика перезарядила его в присутствии своего соперника,

вскинула на плечо и прицелилась. Она сбила перо и небрежно отдала оружие молодому охотнику.

— Вот, — сказала она, обращаясь к собравшимся, — я выстрелила. Вы убедились, что Анастаха вас не обманул, расхваливая нов умение меткого стрелка. Я умею стрелять не хуже, чем мсье дю Лугр, но я не колдунья, как говорили.

Ее чистосердечие покорило публику. Послышался смех, поднялся шум. Комментировали результат спортивного соревнования, хлопали друг друга по спине. Анжелика заметила какого-то человека в жилете и костюме из сукна. Скорее всего это буржуа. Он передавал старые монеты в руки охотника. Можно было предположить, что они заключили пари еще до прибытия Анжелики в Тадуссак.

Вдруг они услышали крики на французском: языке:

— Мы идем! Держитесь! Не робейте!

Аналогичные призывы долетали и со стороны форта. Кричали солдаты гарнизона. Наспех надев свои голубые мундиры, она бросились к церкви с оружием наперевес. С пляжа бежали матросы с «Голдсборо» с Жаном Ле Куеннеком. Все были вооружены. Шлюпка оцетинилась стволами ружей. Эриксон вел ее к берегу и первым спрыгнул на песок.

Площадь пришла в состояние шока.

— Что, происходит? — Анжелика бросилась с вопросом к Жану, который, еле переводя дыхание, нерешительно остановился, видя, что Анжелика мирно сидит рядом со стариком.

— Что происходит? — вторили канадцы, приходя, в себя.

— Это вас надо спросить, — проворчал один из солдат форта. Оба солдата растерянно смотрели друг на друга и, повернувшись к толпе, ожидали объяснений.

— Почему стреляли? Мы додумали, мадам, что вы в опасности, — сказал Жан.

— Мы тоже услышали выстрелы, — отозвался королевский сержант.

Мсье де Пейрак остался на корабле, а Эриксона послал узнать, что происходит. Напутствуя его, граф сказал, что нужно быть настороже весь день. Графиня на берегу. Может быть, все пройдет благополучно, а может быть, и нет. Услышав выстрел, Эриксон, как жаба, вскочил в шлюпку и поплыл к берегу. Зажав в массивном кулаке огромную абордажную саблю, он озирался вокруг, ища, чего бы сокрушить.

Через пару минут все выяснилось.

Не было никакой необходимости демонстрировать свои силы. Речь шла всего-навсего о деревенском соревновании. Однако пронизательные глаза местных жителей быстро сосчитали, как велики силы, охраняющие графиню де Пейрак. Если в будущем кто-нибудь в Тадуссаке захотел причинить ей вред, плохо бы ему пришлось. Три местных солдата имели жалкий вид, хотя пытались казаться бравыми. Вновь прибывшие, которых считали пиратами с Французского мыса, были вооружены до зубов; и оружие, и обмундирование были новыми и надежными. Вследствие всего этого нужно было признать, что действительно это была она, Дама Серебряного озера.

Некоторых персон в Квебеке, которые, кстати, ее никогда не видели, она приводила в неопиcуемый ужас. Индейцы же, повидавшие ее, утверждали, что она небесное создание. Когда Анжелика спокойно поднималась по косогору, ведя детей, местные жители испытывали разочарование. Они надеялись увидеть следы потусторонних сил. Сначала они готовились осенить себя крестным знаменем, но увидели обыкновенную женщину. Она не была удивительно красива; простая накидка, белый воротник, косынка на

голове. На вид она была почти такой же, как канадские женщины.

Но вдруг она улыбнулась, потом метко выстрелила, затем повернулась к ним, говоря:

— Вы видите, я — не колдунья. Это была она.

— Мама! Мне жарко, я хочу пить, — воскликнула вдруг Онорина, которая заскучала без выстрелов и войны.

Начало припекать солнышко. Несмотря на приближение зимы, дневное светило грело землю так интенсивно, что забывалось, какое сейчас время года. В дневные часы земля и камни раскалялись. Людей мучила жажда. Из рядов вышла какая-то женщина.

— Не желаете ли пива? — предложила она Анжелике.

— Благодарю вас! Я предпочла бы молоко. Мы давно уже его не пили.

— Идемте ко мне, — пригласил Виль д'Эвре. — Эта славная Катерина-Гертруда принесет вам чего-нибудь прохладительного.

Он взял Анжелику за руку.

— Как? И в Тадуссаке у вас есть дом?

— Нет, здесь у меня склад. Здесь часть моих товаров. В мое отсутствие за ними присматривает приказчик. Это недалеко от порта.

Магазин оказался добротной постройкой из дерева на каменном фундаменте. Внутри стоял длинный стол, на котором торговцы выставляли меха, весы, чтобы взвешивать скобяные товары. В углу помещался камин из массивных камней.

Склад Виль д'Эвре был хорошо обставлен. Человек в суконном костюме, который: недавно затеял пари, оказался приказчиком в этой лавке. Очевидно, он получал приличные проценты от доходов маркиза.

Виль д'Эвре вполголоса объяснил Анжелике:

— Когда я возвращаюсь в Акадию, часть товаров оставляю здесь, а потом постепенно переправляю их в Квебек. Понимаете? В наше время приходится считать и вдоль, и поперек.

— А мсье Карлон в курсе дела?

— Несомненно. Но это уже детали, которыми он не занимается. Все улаживает служащий Северной Компании, вы его здесь видели, и мсье Дюпре, который считает себя королем Тадуссака... Какой чудесный вид открывается отсюда, не правда ли? Но в Квебеке из моего домика, в котором я вас устрою, вид еще лучше... Я вижу вдаль какие-то паруса... Наверное, это маневрирует флот мсье де Пейрака.

Лавку открыли к приходу Виль д'Эвре. Когда Анжелика с маркизом вошли вовнутрь, первое, что они увидели, это стол, а на нем сидела кошка.

— Да, она сегодня высадилась со мной, — сказал Виль д'Эвре. — Она ко мне очень привязалась.

Зажгли огонь в очаге. Появилась толпа желающих посмотреть на гостей. Дети толкались, за ними бежали индейские собаки.

— Давайте не будем толкаться, — обратился к ним маркиз, упоенный своей популярностью. — Вы их окончательно покорили, — сказал он Анжелике.

Женщина, предлагавшая на площади пиво, принесла кринку теплого парного молока. За нею шли дочери и внучки с яйцами и хлебом. Анжелика и дети уселись на скамью около огня. Кошка зашипела навстречу прибежавшим собакам.

— Это кошка мадам де Пейрак, — театрально воскликнул Виль д'Эвре, — не причините ей зла.

Собак прогнали на улицу. Женщины предложили взбить яйца с молоком, это — любимое кушанье детей. Дети мадам де Пейрак очень им понравились. Женщины восхищались круглыми щечками Керубино, роскошными волосами Онорины, мужчины с интересом поглядывали

на девиц, сопровождавших Анжелику. Прошел слух, что они «девушки короля». Откуда они? Из Парижа? Кто организовал их путешествие? Может быть, они хотят найти мужей в Канаде?

— Увы! Если бы они знали, что мы бесприданницы, — вздохнула Генриетта на ухо Жанне Мишо.

Из всех тягот, выпавших на их долю, больше всего огорчала потеря королевской казны. Без приданого кто возьмет их в жены? В Канаде их могут нанять только в служанки. Когда они накопят денег, только тогда они смогут либо прилично устроиться здесь, либо вернуться на родину. Но до этого пройдут многие годы. Однако сейчас не время для печальных мыслей. Принесли пива, сидра и несколько бутылок более крепких напитков. Некоторые были прозрачны, как алмаз, другие — янтарными, как топаз.

— Вы должны понять, что мы хорошо разбираемся в напитках, — заметил приказчик.

Экипаж «Голдсборо» с энтузиазмом приветствовал это заявление.

— Наш кюре располагает отличным перегонным аппаратом; кстати, почему его сейчас нет с нами?

Принесли также каравай пшеничного хлеба, большой кусок сливочного масла, варенье и засахаренные фрукты.

— Эти люди очень милы, не правда ли? — сказал Виль д'Эвре. — Я вам это предсказывал!

Конечно, здешних канадцев нельзя было назвать милыми. Суровая жизнь, враждебность и жестокая борьба с ирокезами и с зимней стужей сформировали расу суровых людей, крепко скроенных, временами молчаливых, временами возбужденных. Но народ этот был определенно миролюбивым и гостеприимным. Несмотря на флаг с лилиями, здесь царил атмосфера свободного порта, как и в Акадии.

Чиновников здесь презирали, и они не имели большой власти. Истинными хозяевами были представители коммерческих компаний.

Анжелика вспомнила сомнения и опасения, владеющие ею накануне, и удивились, с какой легкостью события обернулись ей на пользу.

— Теперь вы успокоились? Что я вам говорил! — заметал маркиз. — Поверьте мне, в Квебеке будет так же. Знаете, почему? Потому что французы — первейшие в мире ротозеи. Видеть вас! Кто же может лишиться себя подобного зрелища? А истина проста: тут все очарованы вашим появлением.

При этих словах они услышали пушечный выстрел.

Глава 2

На этот раз стреляла пушка.

— Это ничего! — воскликнул маркиз и выбежал на улицу. Он приблизил к глазам бинокль. — Это мсье де Пейрак решил оказать помощь гибнущему кораблю, следовавшему за вами.

— Почему же стреляют из пушки?

Люди собрались на площади, устремив взгляды к горизонту. Но даже зоркие глаза моряков ничего не увидели. Иногда различали вдали лишь белые паруса.

Снова раздались выстрелы, повторенные эхом.

— Странно! Стреляет гибнущий корабль, — сообщил Виль д'Эвре.

— Вот так новость!

Приставив ладонь козырьком, люди старались разгадать загадку, которую предложили удаленные от них корабли. Нужно было запастись терпением и следить за этими пятнами вдали, которые то возникали, то вновь исчезали. Наконец кто-то крикнул:

— Они идут к нам!

Действительно, развернутые паруса стали вырисовываться отчетливее. Все произошло очень быстро. Белая, покачивающаяся на волнах стая

кораблей выросла на глазах. К часу дня, когда солнце достигло зенита, флот графа де Пейрака, кроме «Голдсборо», остававшегося на рейде, подошел к берегам Тадуссака, конвоируя сильно накренившееся французское судно.

Маленькая яхта «Рошеле», которой командовал Кантор, показывала путь поврежденному кораблю.

Анжелика пыталась увидеть на каком-нибудь капитанском мостике силуэт Жоффрея, но ничего не могла рассмотреть. Она была встревожена. Люди вокруг хранили молчание. Что это, военная акция? С чьей стороны? Против кого?

Затем все услышали звон якорных цепей. Спустили на воду шлюпку и гребные лодки. Одни лодки направились к берегу, другие к французскому судну. Это были индейцы на каноэ. Они предлагали пушнину и требовали в обмен алкоголь. Глядя на все это движение, Анжелика спрашивала себя: «Что сделал Жоффрей, помог кораблю или взял его в плен?»

Ей вновь вспомнилось рассуждение Адемара: «А если герцогиня там, на борту?» Анжелика почувствовала, что невольно бледнеет.

Канадцы и жители Тадуссака оживились. Красиво плывущие корабли, сверкающие на солнце, произвели благоприятное впечатление. А французское поврежденное торговое судно, которое привел граф де Пейрак, наоборот, было встречено с недоверием.

Вдруг кто-то воскликнул;

— Да ведь это же «Сен-Жан-Баптист» — посудина этого подлеца Рене Дюга де Руана.

— Почему же он так запаздывает? Ведь он не сможет вернуться.

— Чтоб он потонул! Он всегда привозит только плохую публику.

— Но для сира Гуфареля из Квебека это случай для обогащения.

— Неужели этот Дюга все еще капитан? Неудивительно, что он стрелял из пушки. Он предпочтет пойти ко дну со своим грузом, чем позволить кому-нибудь сунуть нос в свои дела. У него можно найти такое!..

Анжелика попала в порт в тот момент, когда граф д'Урвилль высаживался с новыми отпущенными на берег. Д'Урвилль, как обычно веселый, не казался озабоченным и сейчас. Он издали поприветствовал Анжелику.

— Что там происходит? — спросила она. — Почему стреляли из пушки?

— У кого-то расшатаны нервы на этом несчастном корабле. Мы его окружили, представились и предложили помощь. А он ответил бортовым залпом по подводной части нашего корабля. Мы едва успели увернуться. Они восприняли наше предложение помощи как злой умысел. Корабль на краю гибели, но капитан готов лучше пойти ко дну, чем допустить, чтобы судно было задержано.

Это или пьяница, или сумасшедший. Но он не мог стрелять. Пассажиры нижней палубы, иммигранты, в плачевном состоянии. Думаю, что треть из тех, кто начал это путешествие, умерли в пути.

— Почему же это судно отправилось в плавание в такое неподходящее время года?

— Среди пассажиров есть европейцы, которые надеялись вернуться в Европу, но пометали аварии, буро. Так говорили нам некоторые из них. А вообще-то ОВД нелюдимы.

Виль д'Эвре подошел к группе.

— Рассказывают, что на борту этого корабля много превосходных французских вин!

— Вы уже отлично информированы, мсье маркиз, — сказал, улыбаясь, д'Урвилль.

— Надеюсь, что мсье де Пейрак захватил все это?

— Конечно, нет. Мсье де Пейрак хотел произвести досмотр этого судна, прежде чем пропустить его в Квебек. Узнать его оснащение, военную мощь, чтобы не рисковать встречей с врагом у стен города.

— Он ошибся, — оказал Виль д'Эвре. — Я бы на его месте не колебался. Бургундские вина! Это преступление...

И он задумался.

Анжелика хотела вернуться на «Голдсборо» и вместе с Жоффреем обсудить утренние происшествия. Она поблагодарила канадку Катрин-Гертруду Ганвэн за теплый прием и пообещала вернуться после полудня.

На корабле ее муж подтвердил все то, что рассказал ей граф д'Урвилль. Несмотря на свое ненадежное положение, руанский корабль, который действительно назывался «Сен-Жан-Баптист», проявлял враждебность, рискуя повредить корабли Пейрака. У Жоффрея сложилось впечатление, что приход этого корабля может повредить им в Тадуссаке. Он воспользовался плохим приемом, оказанный его флоту, как предлогом для строгого досмотра.

— Я запретил экипажу того корабля высаживаться на берег. Они могли бы навредить нам в глазах жителей Тадуссака, с которыми мы уже стали друзьями. Нужно сохранить эти отношения. Только после полудня группе людей разрешил я сойти на берег за питьевой водой для женщин и детей. Жалко смотреть на этих несчастных пассажиров. Кроме того, я послал на это судно наших плотников и рабочих, чтобы они починили все, что возможно. Рабочие конечно, хорошо вооружены, а капитана я предупредил, что его корабль находится под прицелом наших пушек.

— Почему же он стрелял?

— Он и сам этого не знает. Он пьян в доску. А возможно, это не он дал команду.

Анжелика почувствовала, что от нее что-то утаивают. Она пристально посмотрела в глаза де Пейрака. Он понял немой вопрос, опустил голову и после некоторого колебания сказал:

— Это только слухи, но, кажется, на этом корабле представитель короля с поручением, официальным и тайным одновременно. Возможно, это он приказал стрелять.

— А кто он? Как его имя? — обеспокоенно спросила Анжелика.

Она разделяла мнение Пейрака, хотя и не высказанное им вслух, что этот посланец королевского двора может иметь при себе распоряжения, касающиеся их участи. В этом случае надо было поторопиться, опередить всех и прибыть в Квебек раньше других.

Жоффрей успокоил ее волнение:

— Но, быть может, такового вовсе не существует? Все это лишь слухи, намеки. Я раздобыл список пассажиров, чтобы хорошенько представить себе, кто же находится на борту. Ни имен, ни каких-либо разъяснений. Сначала тамошние люди высказывали враждебность. Сдается мне, окажись там действительно королевский посланец, он бы дорого заплатил за то, чтобы его присутствие на корабле было скрыто.

— Он, должно быть, опасается, как бы вы его не взяли в плен. Он не желает платить выкуп.

— У меня такое же впечатление.

— Но нужно было бы обыскать весь корабль, от палубы до трюма, запереть все двери и вынудить его раскрыться.

Жоффрей де Пейрак улыбнулся.

— Тише! Вы как наш пылкий маркиз, который превозносит силу закона и расхваливает морской разбой. Но я не хотел бы прослыть здесь пиратом. Я не

хочу наводить ужас, не хочу вызвать критику действиями, которые внешне могут показаться незаконными.

Если это правда, что на борту корабля находится посланец Версаля, я поддержу его инкогнито. Он не сможет причинять нам вреда, особенно если не будет показываться. Мы будем более свободны, высаживаясь да берег.

— Сколько времени вы намерены провести в Тадуссаке? Граф де Пейрак ответил уклончиво, и Анжелика еще раз почувствовала, что ей говорят не все. После полудня она с детьми вновь отправилась на берег.

Глава 3

Она оказалась там в тот момент, когда мсье д'Урвилль растянул по отмели две цепочки вооруженных солдат.

— Для кого эта охрана?

— С «Сен-Жан-Баптиста» послали матросов за питьевой водой. Мне приказано не спускать с них глаз.

Меж тем к берегу причалила шлюпка, и на землю высыпали люди с поврежденного корабля. У этих матросов были физиономии разбойников: либо они на самом деле были разбойниками, либо это непредвиденные беды в пути оставили такие следы на их изможденных лицах. Бледные, истощенные оборванцы, худые до такой степени, что их худоба пугала, ругались хриплыми голосами. Они выкатывали свои деревянные бочка и бака, оглядываясь по сторонам и ища случая для ссоры. Люди с «Голдсборо» провожали их к источнику, который вытекал из бассейна, выложенного камнем. Любопытные жители Тадуссака, явившиеся сюда, не выказывали к прибывшим никакой симпатии. Они хорошо знали это судно, которое причиняло им только неприятности.

Платили они мало, и с их приездом в порту начинались беспорядки.

Во избежание инцидентов люди д'Урвилля сопровождали матросов с этого корабля до самого источника.

В сопровождении матросов из той же лодки высадилась какая-то женщина. Она была вся в черном и бедно одета. Дама казалась пожилой, но статной. Очевидно, она привыкла все делать самостоятельно: отказавшись от помощи мужчин, она спрыгнула в воду. Одной рукой она подбирала подол платья, в другой руке несла ребенка. Ее грубые башмаки, связанные шнурками, висели на шее. Добравшись до берега, она села на песок и стала терпеливо обуваться, положив ребенка рядом с собой. Он лежал неподвижно. Эта сцена напомнила Анжелике высадку Благодетельницы с маленьким Пьетро на руках. Но это воспоминание, нечеткое, расплывчатое, промелькнуло перед ней лишь на мгновение. У женщины был землистый цвет лица, края век покраснели от соленой морской воды. Из-под ее черного чепца выбивалась седая прядь волос. Прежде всего она привела в порядок прическу. Затем быстро поднялась, и Анжелика заметала, что она моложе, чем показалось сначала. Женщина взяла ребенка на руки и зашагала по гальке. Д'Урвилль остановил ее:

— Мадам, — вежливо обратился он к ней. — Кто вы? И что вы здесь делаете? У меня есть приказ не позволять никому из пассажиров корабля ступать ногой на эту землю до особого разрешения мсье де Пейрака.

Женщина спокойно взглянула на него. Д'Урвилль не мог бы описать цвет ее глаз, так они выцвели от анемии.

— Мсье де Пейрак, говорите вы? Вы имеете в виду того пирата, который утром задержал нас? В таком случае я могу вас заверить, что именно он сам

разрешил мне сойти на сушу, чтобы позаботиться об умирающей ребенке. На корабле мы были лишены всего.

Голос был ясный, мелодичный, даже сильный, более молодой, чем можно было ожидать, глядя на ее изнуренный силуэт. Один из людей с «Голдсборо», который: сопровождая женщину, показал мсье д'Урвиллю пропуск, написанный и заверенный графом.

— Все в порядке. Вы можете идти, мадам. Отдыхайте в свое удовольствие.

Женщина поблагодарила, вздохнула и, тяжело ступая, побрела к косогору.

К этому моменту толпа рассеялась. Одни ушли по домам, не желая иметь дела с экипажем «Сен-Жан-Баптиста», другие, напротив, пошли за матросами к роднику, чтобы выяснить, почему французский корабль пришел так поздно.

На берегу остались только Анжелика с детьми и несколько «девушек короля».

Анжелике было жалко эту женщину, которая должна одиноко шагать по голой земле после нескольких месяцев изнурительного путешествия на корабле. Она вспомнил», в какой состоянии были они все, когда прибыли в Голдсборо, какими жалкими и исхудавшими были дети. А ведь накануне плавания Жоффрей позаботился о запасах провианта. Она двинулась вперед.

— Мадам, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Женщина посмотрела на нее с интересом. Немного поколебавшись, она сказала:

— Я не откажусь, благодарю вас, мадам. Ради этого умирающего малыша. Ему нужно молоко и немного бульона. Уже несколько недель мы питались галетами, размоченными в морской воде, и пили прокисший сидр.

— Идите за мной, — ответила Анжелика.

Они поднялись к лавке Виль д'Эвре, который находился поблизости. Он устремился было навстречу Анжелике, но, увидев ее спутницу, опустил глава и остановился. Потом украдкой улизнул.

Женщина его не заметила. Она вошла в дом и со вздохом облегчения села к огню.

— Ах, какое удовольствие вернуться в свою страну!

— Вы из Тадуссака? — удивилась Анжелика.

— Нет, из Валь-Мари. Но здесь уже Канада. Ступив на эту землю, я чувствую себя воскресшее, за что благодарю бога.

Анжелика занялась очагом.

— Это ваш внук? — спросила она, указывая на ребенка, которого женщина начала освобождать от мокрых, пропитанных солью пеленок и поднесла его худенькое тельце к огню.

Вновь прибывшая покачала головой.

— Нет... Это ребенок одной супружеской пары иммигрантов, плывущих на корабле. Родители его скончались. Я услышала, что матросы хотят выбросить дитя в море. Мне стало жаль ребенка. Я взяла его, хотя наша компания не хотела этого. Его силы на исходе, он скоро умрет. Мы и так уже потеряли двоих из наших попутчиков.

Анжелика передала ей миску с молоком, и женщина начала осторожно поить ребенка. После нескольких глотков ему сделалось лучше и он стал с жадностью глотать теплое питье.

— Рассказывают, что ваш путь был очень труден, — сказала Анжелика.

— Труднее и не придумаешь. Мы потерпели все, кроме кораблекрушения. Нужно сказать, что этот корабль служит военным госпиталем. Едва мы покинули Руан, на нем началась чума. Несколько человек умерли. К счастью, среди нас оказался мсье Бишар, из братства.

Святого Сульпиция. Он и исполнил похоронный обряд. Капитан же был пьян до потери чувств.

Пока она рассказывала, Анжелика, взяв из своей походной аптечки мазь, стала растирать тельце ребенка, затем завернула его в свою шерстяную шаль.

— Надо немного подождать. Пусть он пока усваивает питание. Его нельзя перекармливать сразу. — Она уложила ребенка около огня, затем послала Анриетту и Дельфину к Катрин-Гертруде попросить бульона. Женщина наблюдала за Анжеликой, отметившее умение ухаживать за больными.

— Теперь ваша очередь, — сказала Анжелика. — Может быть, вы думаете, что сами не нуждаетесь в помощи? У вас болезненный вид. Даже человек с каменным сердцем пожалеет вас.

— Я же говорила, что мы испытывали массу неудобств. Злой характер капитана увеличивал наши беды. Когда мы взошли на корабль в Руане, мсье Кампуа, корабельный квартирьер, велел погрузить для меня и моих сестер несколько бочек пресной воды. Но когда порт скрылся из вида, нам перестали давать воду и мы вынуждены были пить матросское пойло. Кроме того, нас одолели болезни. И мои сестры, и я — все мы в жалком состоянии.

Анжелика протянула ей чашку подогретого молока с хлебом.

— Пейте быстрее. Я Дунаю, что вы уже много недель лишены горячей пищи.

— Это ничего. Бог привел нас в хороший порт.

— Но не без чрезвычайных стараний смягчить нравы и предотвратить худшее, — и это самое малое, что можно сказать.

— Что за беда! Мы умоляли Всевышнего лишь позволить нам добраться до Канады, — ответила пассажирка, обнажив в улыбке кровоточащие десны.

«Еще немного, и цинга погубила бы эту несчастную», — сказала себе Анжелика. Тут она вспомнила, что, сходя на берег, на всякий случай захватила с собой шкатулку с лекарствами. Она поставила аптечку на стол и начала искать травы.

— Сейчас я приготовлю вам настой, который будет вам очень полезен.

— Как вы любезны! — прошептала с нежностью молодая женщина. — Но кто вы? Я вас совсем не знаю. Вы, наверное, прибыли в Канаду в мое отсутствие? Ведь я покинула эту страну почти два года назад.

— Пейте! — сказала Анжелика. — У нас еще будет время представиться друг другу.

Женщина с улыбкой подчинилась ей. Она пила с сосредоточенным серьезным видом, как будто выполняла какую-то работу. Она пила этот лечебный напиток с удовольствием, но мысли ее были далеко, и она продолжала наблюдать за Анжеликой. Ее глаза, побледневшие от плохого питания, хранили в глубине особый свет. Постепенно краски лица оживали, черты смягчались. Стало видно, что это вполне достойная личность. В какой-то момент взгляд ее с нежностью остановился на мордашках Керубино и Онорины.

— Это ваши дети?

— И да и нет. Моя дочь Онорина, а этого мальчика, Керубино, мне доверили.

В глазах собеседницы промелькнула веселая искорка.

когда она рассматривала Мальчугана. Анжелика интуитивно почувствовала, что она сравнивает черты Керубино с известным ей лицом.

— Случайно, не мсье де Виль д'Эвре, которого я мельком заметила сейчас? — спросила она. — Похоже, он избегает меня. — Явно ничто не могло укрыться от ее взгляда. Но она сразу же изменила тему разговора: — Это ваш сундучок с медикаментами?

— Да, у меня здесь много полезных вещей, и я всегда вожу с собой этот сундучок.

Анжелика объяснила, что охотно приготовит мази для нее и для ребенка, чтобы облегчить страдания от губительного влияния морской воды.

— Вы, должно быть, много страдали!

— Наши беды ничего не значат по сравнению со страданиями нашего Господа Иисуса Христа.

Протягивая бокал Анжелике, она дружески положила свою руку на руку Анжелики и задержала ее.

— А теперь ваша очередь, мадам. Теперь вы должны мне ответить, кто вы.

Анжелика почувствовала, что от ее ответа зависит ее судьба в Канаде. Они будут посещать дома, где в их судьбу не смогут вмешаться ни военные силы, ни богатства. Она должна собрать все свое мужество.

— Я — жена «пирата», как вы изволили его назвать.

— Иначе говоря, вы — графиня де Пейрак? Анжелика утвердительно кивнула головой.

Ее собеседница внимательно поглядела на Анжелику, не меняя выражения лица. Затем выпрямилась, встала, изучая Анжелику, которая, в свою очередь, испытующе смотрела на нее.

Из-за бедной одежды Анжелика сначала привяла ее за одну из горемычных иммигранток, крестьянку или жену ремесленника, впервые попавшую в Новый Свет, затем, почувствовав ее авторитет и уверенность, Анжелика поняла, что эта женщина — жительница Канады, возможно даже, родоначальница. Несмотря на простоту обращения, жалкий вид одежды, она выделялась своей яркой индивидуальностью.

Взгляд женщины упал на крышку сундучка с лекарствами, на которой можно было увидеть изображения св. Козьмы и св. Демьяна, покровителей аптекарей.

— Вы почитаете святые иконы? — спросила она, не скрывая удивления.

— А почему мне их не почитать? Разве я дала повод думать, что я не уважаю святых, наших покровителей? Вас настроили против меня. Я это знаю. Даже в Париже. Откуда вы прибыли? Кто вы?

Женщина не ответила. Она поднялась, наклонилась над младенцем я, убедившись, что он мирно спит, подошла к столу, чтобы помочь Анжелике свернуть бинты для перевязок.

В этот момент вошла дебилая крестьянка Катерина-Гертруда, неся на руках маленького ребенка. Увидев пришелицу, она воскликнула:

— Ох! А я и не знала, что вы здесь, мать...

Она не договорила, так как та быстро сделала ей знак замолчать.

— В таком случае вы — пионер и основательница, — продолжала Анжелика, ища разгадку.

— Вы приближаетесь к цели, — сказала таинственная женщина. И весело рассмеялась. Потом снова замолчала, забавляясь любопытством Анжелики.

Но тут кто-то вошел еще и сразу же узнал приехавшую.

— Слава богу! — воскликнул он. — Вот вы и вернулись в Канаду, мать Бургуа. Какое счастье!

— Так вы — Маргарита Бургуа?

Оказывая помощь больным детям жителей Тадуссака, которые прослышали о ее умении врачевать, Анжелика размышляла о случае, который с первых же шагов свел ее с одной из самых знаменитых женщин Новой Франции. Она услышала о ней впервые год назад в Катарунке. От суровых охотников и от военных, огрубевших в сражениях, она слышала рассказы об этой благочестивой женщине. Она прибыла сюда совсем молодой вместе с первыми переселенцами, когда те основали на небольшом островке на реке Сен-Лоран

Монреаль, город Марии — так называли его тогда. Он был посвящен Богоматери, Маргарита Бургуа приехала сюда одна, без страха, ради любви к богу, воспитывать и обучать детей и дикарей. Она работала в поле, открывала школы, ухаживала за ранеными в сражениях против ирокезов. Не она ли спасла жизнь Элуа Маколе, когда тот был скальпирован?

— Как я вижу, вы тоже слышали обо мне, — заметила мадемуазель Бургуа.

— Но это слухи другого характера, — сказала Анжелика. — Меня оклеветали, очернили со всех сторон, а про вас говорят — ангел.

Мадемуазель Бургуа живо откликнулась:

— Я не желаю слышать о таких пересудах. И те и другие лживы. Грех слушать эти рассказы, и я прошу вас в будущем не придавать им значения.

Лицо ее снова смягчилось, она коснулась указательным пальцем щеки Анжелики:

— Я вижу только, что вы — импульсивный ребенок.

Теперь их полностью поглотила благотворительная деятельность. Нужно было отвечать на вопросы, давать советы, оказывать помощь больным жителям Тадуссака. Можно было подумать, что жители эти, до сих пор отличавшиеся крепким здоровьем, в один миг рее вдруг почувствовали недомогание.

Опыт Маргариты Бургуа, соединенный с опытом Анжелики, и богатый набор медикаментов помогли им удовлетворить нужды больных.

Явная симпатия, которую выражала Маргарита, возбуждала Анжелику. Тот факт, что эта всеми любимая женщина оказалась рядом, когда они ступили на канадскую землю, казался Анжелике счастливым знаком. Она почувствовала себя как дома. Ей казалось, что она всегда жила среди канадцев, которых еще вчера страшилась.

Присутствующие заметили, что Анжелика умела успокаивать перепуганных детей. Стоило ей приложить ладонь к больному органу, как боль утихала.

Стали договариваться о завтрашней дне. Кому-то нужно было удалить больные зубы, кому-то вскрыть гнойные нарывы...

Онорина и Керубино раскапризничались.

Глава 4

Анжелика перевернула вверх дном содержимое сундучка в поисках таблеток от кашля. Матушка Бургуа заметила, что Онорина спрятала пакетик с этими сладкими таблетками в штанишки Керубино. Прежде чем Анжелика вмешалась в это дело, Маргарита постаралась хитро вернуть покражу.

— Но это для мсье Виллоуби, — протестовала девочка.

— Кто этот мсье Виллоуби? — терпеливо спросила Маргарита Бургуа.

— Медведь моих друзей. И он любит брусничные таблетки.

— Я в этом не сомневаюсь. Но не лучше ли насобирать для него свежей брусники? Я знаю в Тадуссаке местечко, где растет брусника. Мы можем пойти туда и насобирать много ягод. Я там не раз собирала их.

— Разве вы медведь?

— Нет, моя дорогая. И очень сожалею об этом. Я убедилась, что медведи — очень хорошие компаньоны. На борту «Сен-Жан-Баптиста» есть медведь, и я могла оценить его характер. Это тактичный джентльмен.

Онорина рассмеялась.

Гомон утих, за дверью послышались голоса. Люди спорили. Кто-то невидимый выкрикнул разгневанно:

— Но в конце концов, никто здесь ее не боится! А если она опасна? Это невероятно...

Приказчик отвечал что-то невнятно, как бы извиняясь. Властный голос зазвучал снова:

— Так она здесь? Кажется, вы доверили ей заботу о ваших детях? Вы лишены элементарной осторожности.

Заинтригованная Анжелика догадалась, что речь идет о ней. Она вышла вперед, ведя за руку перепачкавшегося вареньем Керубино.

— Вы спрашиваете обо мне, мессир? — осведомилась она, обращаясь к человеку в жилете и в шляпе с пером. Это, несомненно, был королевский чиновник. Его сопровождала безликая, бесцветная женщина. По-видимому, его жена, возраст которой, трудно было определить. Джентльмен бросил на Анжелику хмурый взгляд.

— Откуда вы пришли? Кажется, с «Сен-Жан-Баптиста»? В хорошеньком состоянии это судно. Не могу похвалить господ Руанской компании. Кто же выходит на морскую прогулку в такое время года? И од еще позволил пиратам арестовать его... у самого порта Тадуссака, Это даром не пройдет... Нас об этом предупреждали...

Он отстранил приказчика, другой рукой оттолкнул жену, которая хотела войти вместе с ним. «Останьтесь здесь, моя дорогая, никогда не знаешь...» — и, выпятив грудь, вошел в лавку.

— Где она?

Казалось, он готов был не утрашиться грома и молнии преисподней... Когда говорят о демонах, которые подстерегают нас в пути, не следует смеяться. Не так-то просто избежать ловушки, приготовленной демоном. Одну из дьяволиц она уже встречала. Сейчас ей вспомнилось, как Амбруазина появилась на берегу Голдсборо, как эта женщина билась на земле у ее ног, подобно подстреленной птице, и ее охватила дрожь. Ее собеседник совершенно прав, что боится. Но вот что примечательно: Амбруазина, в том своем желтом

платье, в переливчатой лазурной накидке и пунцовом корсаже, с ее кошачьей грацией и ужимками быстро очаровала бы его и вывернула, как перчатку. Изобличить колдовские ухватки и противиться им не так-то просто. Да и она сама разве не вводит всех здешних перепутанных людей в заблуждение, напустив на себя вид добродушной безмятежности? Анжелика еще раз порадовалась тому, что одета так просто. Она заметила, как мудро воспринимает события население Тадуссака. От вторжения вновь пришедшего никому не было ни холодно ни жарко. Зато он сам распалялся, но, заметив Маргариту Бургуа, немного успокоился.

— Ах, вы тоже здесь, мать Бургуа! Добро пожаловать, дорогая матушка. Что происходит? Мне сказали...

Он осмотрелся. Увидел открытый сундучок с медикаментами, женщин с маленькими детьми на коленях.

— Ну, наконец, это безумие!

Вглядываясь в лица, он хотел найти одно ужасное, на котором начертаны знаки Люцифера. Он хотел найти графиню де Пейрак.

— Где же она? Мать Бургуа, прошу вас. Вы женщина рассудительная. Покажите мне ее!

— Но кого же? — спросила мать Бургуа.

— Ту, которая заставляет называть себя графиней де Пейрак. Мне сказали, что она только что была здесь.

— Действительно, я здесь, — сказала Анжелика, снова шагнув вперед.

На этот раз он получше всмотрелся в ее лицо и разразился упреками:

— Вы смеетесь надо мной!

— Каким образом?

— Вы все надо мной насмехаетесь! Это невыносимо! Что происходит? Люди теряют голову! Не осталось ни

капли уважения, одни только насмешки. Моих, советов не признают, стараются обойти меня.

Встав в театральную позу, он закричал громовым голосом:

— Я требую показать мне графиню де Пейрак!

— Ну смотрите, это я! — крикнула, в свою очередь, Анжелика. И видя, что он растерялся, добавила:

— Я — графиня де Пейрак, не прогневайтесь, мессир. Смотрите на меня, сколько вам будет угодно, но будьте любезны, скажите мне, наконец, чего вы хотите.

Ее собеседник окрасился во все цвета радуги. Никто еще не видел более растерянного человека. На лице его поочередно отразились сомнение, удивление, изумление, потрясение.

Анжелика громко спросила:

— Кстати, а кто же вы, мсье! Вы требовали меня во что бы то ни стало, а сами не представились мне...

Тот вскочил, схватил приказчика за воротник и начал трясти его:

— Болван! Ты мог бы предупредить меня заранее, вместо того чтобы выставлять на посмешище.

— Не разговаривайте таким тоном с моим приказчиком! — закричал Виль д'Эвре, устремляясь к нему. — По какому праву вы так грубо обращаетесь с ним?

— Ах, теперь еще и вы, мсье губернатор Акадии! Я не удивлюсь, если все это сведется к сатурналиям.

— Сатурналии? Повторите-ка!

Вдруг Анжелика заметила на пороге Жоффрея.

Он только что появился. Он любил являться тогда, когда его не ждут. Граф устраивал все так, что его внезапное появление вызывало шок. Слышался крик — не из-под земли ли он вышел? — тогда Жоффрей появлялся на глаза.

Сегодня он поразил всех своей маской и необычным шикарным костюмом. На широкой белой шелковой

ленте сверкала алмазная звезда несравненной красоты. Крупный алмаз украшал эфес его шпаги. Его манеры отличались простотой, что сближало его с английской модой. Это немного обескуражило местных жителей, которые помнили английскую оккупацию и считали англичан своими врагами. Их нельзя было перепутать с французскими сеньорами, рядившимися в перья и кружева, носившими массивные башмаки с пряжками и вышитые жилеты. Он больше походил на иностранца, на корсара, не подчиняющегося никакому закону или государю. Он обладал баснословными богатствами.

Таков, какой он есть, он явился в далекую, суровую, холодную страну, созданную угрюмый суровым трудом крестьян, страну, лишенную подземных сокровищ, способных обогатить завоевателей. Он принес на эти негостеприимные мглистые берега и укоренил здесь представление о себе как об одном из блестящих и таинственных повелителей южных морей, чьи подвиги были известны много повидавшим матросам или жителям Акадии, встречавшимся с настоящими флибустьерами. Вечерами у камелька здесь рассказывали, бессовестно приукрашивая их военные подвиги, об их богатствах и преступлениях. Никто раньше и не мог себе представить, что здесь поселится один из самых знаменитых рыцарей удачи.

И вдруг он нежданно-негаданно вместе со своей многошумной свитой ворвался в их тихий мирок и встал у порога их дома. Естественно, галантным жестом он сперва пропустил вперед себя бледную, поблекшую супругу королевского чиновника, которую обнаружил робко стоявшей у входа. По ее блаженной улыбке можно было догадаться, что он полностью очаровал ее, расточив перед ней без числа столько любезных слов и комплиментов, сколько, по всей видимости, она не слыхала за всю предыдущую жизнь. Как бы то ни было, она устремляла на него глаза, полные овечьей

преданности, а потом растерянно переводила взгляд на своего мужа и мсье Виль д'Эвре, которые все еще продолжали препираться.

— Бела вы не будете упрямитесь и поживете пока на том берегу Сегенея, то завтра, когда отчалият корабли так называемых пиратов, к которым я принадлежу, вы сможете вернуться в порт. Я вас предупредил, — сказал Виль д'Эвре. — А мадам де Пейрак пусть представит вас кто-нибудь другой.

— Вы же прекрасно знаете, что здесь, на ферме О-Клоше, замечательный воздух, который так необходим для здоровья моей жены.

— Тогда не жалуйтесь, что всегда являетесь с опозданием.

Маркиз повернулся к Анжелике:

— Дорогой друг! Позвольте представить вам сира Дюпрэ де Ламотта. — И заметив, в свою очередь, Жоффрея, добавил: — А вот ее супруг, мсье де Пейрак, чей флот остановился перед Тадуссаком.

Заметив свою жену рядом с этим мрачным мужчиной к маске, сир Дюпрэ де Ламотт испытал второй шок за этот день. Его блуждающий взгляд перешел от скромно одетой Анжелики к вновь пришедшему, который выглядел победителем. Его сопровождали хорошо вооруженные охранники, в латах и испанских касках. Больше всего его приводило в ужас появление его жены, которую ввел Жоффрея де Пейрак со словами:

— Не оставайтесь на улице. Ведь вся Компания уже здесь. Посидите с нами, я вас прошу. — В свете зари все увидели несчастную хрупкую женщину. Она служила заложницей пли щитом жестокому варвару вроде Моргана или Олонэ — известных пиратов южных морей.

Де Ламотт воскликнул:

— Мсье, прошу вас, не причините ей зла. Я сдаюсь. Вот моя шпага.

Глава 5

Пейрак не соизволил принять протянутое ему оружие.

— Мсье, вы меня неправильно поняли. Вложите свою саблю в ножны, и пусть она там останется как можно дольше. Это мое искреннее пожелание. Знайте, что я зашел в этот порт как друг, будучи приглашен в Квебек мсье де Фронтенаком, вашим губернатором. Вот, кстати, мсье Карлон. Он мой гость на борту «Голдсборо». Он вам подтвердит чистосердечность моих намерений.

— Мсье интендант... — пробормотал Дюпрэ, выпрямляясь перед входящим Карлоном.

Карлон был взбешен, но по другой причине. Сейчас он был представлен как союзник графа де Пейрака. Его волновало другое — история с грузами. Он был вне себя от возмущения.

— Я видел, что мои грузы: и доски, и мачты, и бочки с зерном и маслом, и соленая сельдь — валяются в порту. Что это значит? Это все предназначено для Франции.

— Корабли не пожелали загрузаться.

— Скажите лучше, что вы и сами не знаете, где вы провели вчерашний день.

— Но и вас здесь не было, — отпарировал Дюпрэ. — А вы обещали мне присутствовать при погрузке.

— Я знаю... Я задержался в Акадии... всяческие неприятности. Но вот я прибываю сюда и нахожу все грузы сваленными в кучу. Скоро пойдет снег.

— Ладно, не отчаивайтесь, мсье. Еще не все корабли отплыли в Европу.

— Безумцы! Они хотят двигаться по льду!

— «Мирабель» задержали. Ходили некие слухи... Все боялись пиратов... их флота... А ведь это королевский корабль с тридцатью пушками.

Интендант повалился на скамью с жестом, означающим, что все это мушиные укусы по сравнению с ситуацией, за которую ему придется нести ответственность.

— Дураки, зачем без толку жертвовать судном? Мсье де Пейрак явится в Квебек со своими кораблями, которые значат гораздо больше, чем те тридцать пушек.

— Я надеюсь, что вы водноостью отдаете себе отчет в его намерениях, — прошептал до смерти испуганный чиновник.

— Разумеется! Иначе о чей бы здесь говорить?

— Не горюйте, друзья, — весело отозвался Пейрак. — Я же говорил вам, что готов купить ваши товары. Они пригодятся мне для текущего ремонта, для содержания команды. Ведь в Новой Франции я могу просить только сердечного гостеприимства.

— Это не помешало вам сегодня утром, без всяких угрызений совести, произвести досмотр французского торгового судна.

— «Сен-Жан-Баптист»? Обсудим это, — предложил Виль д'Эвре, вмешиваясь в разговор, — Вы, как и я, прекрасно знаете, что Рене Дюга самый отъявленный жулик, который может иметь дело только с Бонифацием Гуфарелем в Квебеке. Половину своих товаров, он провезет у вас под носом. Скорее благодарите мсье де Пейрака за то, что он позволил вам произвести инспекцию на борту. Не сомневаюсь, что вы уже там побывали и все осмотрели. Думаю, что вы нашли чем поживиться, прежде чем все эти сокровища: духи из Парижа, дорогие ликеры — не спустили из-под полы прямо у вас под носом старому мошеннику Бонифацию и его женушке. Так вот, господин интендант, если вам и удастся собрать таможенные пошлины в этом году, то это будет

благодаря... — Указательным пальцем он указал на де Пейрака.

— Кажется, на борту «Сен-Жан-Баптиста» есть несколько бочонков вина из районов Беон и Дижон. Это лучшие красные вина, как вам известно. Вы сетуете, мсье де Пейрак, что вам нечем побаловать ваших гостей. Вы можете воспользоваться нежданной прибылью.

— Вот как вы его подбадриваете! Как будто недостаточно того, что он лишил экипаж и пассажиров отпуска на берег. А ведь среди них есть персона очень высокого ранга, имя которой умалчивают и которая выполняет личное поручение короля. Если он пожалуется...

— Кому? — возразил Виль д'Эвре возбужденно. — Это между нами. Что сделает нам высокая персона в данный момент? Мы все достаточно высокие персоны. А этот мсье из Версаля приехал сюда не затем, чтобы совать нос в наши дела. Мы еще натерпимся от скуки зимой в Квебеке. И потом, мсье Пейрак берет всю ответственность на себя. Давайте повеселимся.

Пока велись эти разговоры, Анжелика была представлена мадам Дюпрэ де Ламотт и усадила ее среди прочих дам. При виде мадемуазель Бургуа мадам де Ламотт успокоилась, лицо ее просветлело. Обменялись новостями. Катрин-Гертруда отозвала Анжелику в сторону и спросила, что можно предложить собравшимся. Но в этот момент Жан сделал Анжелике знак, и она увидела корабельного метрдотеля. Он с несколькими помощниками принес алкогольные напитки, ром и пирожные.

Жить с графом и следовать повсюду за ним было упоительно. Он всегда был уверен в себе. Он прокладывал себе дорогу среди людей, не удивляясь и не пугаясь их странностям, делая все, чтобы превратить их в друзей или разбудить, если они почитали себя его

врагами. Может, именно таи, в своем родном и таинственном Лангедоке он почерпнул этот удивительный дар сочетать умудренность, интуицию, проницательность ума. Рядом с ним даже опасность обретала приятный пряный привкус. Глаза Жоффрея улыбнулись Анжелике из прорезей маски. Он подошел к ней.

— Вы уже покорили ваших канадцев, как я вижу.

— Это только в Тадуссаке. Тадуссак — не Квебек.

— Дело пойдет на лад.

— Представьте себе, что я имела счастливый случай встретить знаменитую мадемуазель Бургуа из Монреаля.

— У вас будут и другие счастливые случаи.

От выпитых чарок и от пылающего очага всем стало тепло. Присутствующие разбились на кучки, как это обычно происходит на любом сборище, когда разогретая выпивкой и теплом очагов толпа дробится, каждый ищет себе собеседников по взаимной склонности или по интересующему предмету разговора, выделяя их из безликой для него массы людей. Тут чувствуешь себя одновременно скрытым от нелюбезных тебе взглядов и открытым тому, кто тебе нравятся — именно в этом очарование и успех подобных человеческих сборищ.

Возбуждение сменилось облегчением. Поверили, что все опасности уже позади. Появилась надежда на то, что все уладится, если проявить добрую волю.

Жоффрей де Пейрак оказался рядом с Анжеликой. Он видел только ее. Только она существовала для него. Она протянула руку к бокалу.

— Что бы вы хотели выпить, монсеньор Рескатор?

— Ничего... Я смотрю на вас.

Она вспомнила о подарке, который он преподнес ей сегодня утром. Жоффрей повесил ей на шею часики в виде цветка лилия.

— Почему такие часы? В честь чего? — спросила она.
— А почему бы и нет?

Она живо повернулась к нему, ища его взгляд через прорези маски. Она дружески погладила то место на щеке, где под маской проходил след ранения.

— О!.. — только и сказала она. — Ты!

Она хотела сказать: «Сколько неожиданного в тебе. Эти движения души и сердца характерны только для тебя. Они, приводят меня в восторг. И еще: Я знаю тебя, несмотря на твою тайну. Я тебя расшифровываю. Ты для меня не незнакомец. Ты умеешь играть моим сердцем и самыми сокровенными мыслями. Это правда. А я без сил и — в твоей власти».

Не обращая внимания на гомон вокруг, он наклонился к Анжелике, ваял ее лицо в свои ладони, нежно поцеловал в лоб, как ребенка, затем — в губы, а она почувствовала щекой грубое прикосновение медной маски, Маргарита Бургуа и отец-иезуит подметили это. Некоторые крестьянки качали головами. Молодые крестьянки растрогались. Этим вечером в порту будет большой праздник.

Глава 6

Во время этого вечера произошел инцидент, который выдвинул Анжелику в персоны первого ранга.

Праздник был в разгаре. Наступила ночь. Песни сменялись танцами. Внезапно Анжелику поразила мысль, овладевшая ею полностью. Анжелика покинула общество, в первом ряду которого она только что поднимала бокал за процветание Новой Франции.

Все шло хорошо. Пылали костры, отгоняя ночную тьму. В разных уголках можно было и поесть, и попить, и потанцевать. На церковной площади поджаривался на вертеле бык. Пейрак угощал всех спиртом, марочными французскими винами. Он раздавал медали с изображением всех святых — это был подарок графа населению в память о его прибытии в Канаду. Сама

небо как бы благословляло этот праздник. Местный кюре извлек из глубин своего погреба несколько бутылок с настойкой из бузины, которую он изготовил сам, и согласился освятить медали, привезенные сеньором с «Голдсборо». Ему вручили бутылку со святой водой, и он разбавил ее своим драгоценным нектаром.

Каждый мог отведать этого напитка, а Жоффрей поздравил кюре с замечательным перегонным аппаратом.

Собрались все: экипажи кораблей, солдаты форта, коммерсанты, крестьяне, охотники, индейцы из ближних становищ со своими вождями, украшенными перьями и татуировкой. Лишены отпуска на берег были только пассажиры, экипаж и капитан «Сен-Жан-Баптиста». Граф де Пейрак наказал их за два пушечных выстрела.

Озабоченная Анжелика пустилась на поиски Маргариты Бургуа. Анжелика видела недавно, как Маргарита подходила к Жоффрею. После этого на «Сен-Жан-Баптист» были отправлены корзины с едой, очевидно, для спутников монахини и больных пассажиров.

После этого Маргарита появлялась то у одного кружка, то у другого. Всюду ее встречали приветливо и почтительно.

Затем она удалилась. Ее приютила дочь Кариллона Катрин-Гертруда. Анжелика запомнила дом, большую ферму с забором из крупных камней, огромный хлев для скота. Семья совершала вечернюю молитву, когда она туда пришла. Войдя в дом, она преклонила колени, чтобы дождаться конца. В этот вечер к обычным молитвам в честь мадемуазель Бургуа добавили еще литании святых. Анжелика кипела от нетерпения. Ее терзала тревога, которая привела ее сюда. Во время праздника, когда она находилась рядом со своим мужем и аплодировала танцующим парням и девушкам,

в ее мозгу, как вспышка молнии, мелькнула мысль: она должна кого-то спасти, иначе будет поздно. И она помчалась сквозь ряды гуляющих, спрашивая на ходу: «Вы не видели мадемуазель Бургуа? Вы не знаете, где мадемуазель Бургуа?» Теперь она ее нашла и сидела словно на иголках, пока семья молилась. Наконец вся благочестивая компания поднялась, и Анжелика бросилась к той, которую искала:

— Мадемуазель Бургуа, могу я у вас кое-что спросить? Семья Катрин-Гертруды, ее сын, невестка, дети, внуки, дядя, тетушки, кузины, слуги и служанки пришли в восторг при виде Анжелики, но юна не нашла времени, чтобы приветствовать их всех. Она увлекла мадемуазель Бургуа в сторону.

— Извините меня, вам, наверное, не терпится отдохнуть.

— Не отрицаю. Хотя служба нашему Господу обязывает нас умерщвлять свое тело, и в общем, я этим довольна. Но я думаю, что сон на хорошей постели, в Канаде, сегодня только порадует мое сердце.

Она покачала головой.

— Бедный Сен-Жан-Баптист! Я испытываю большую нежность к этому пустыннонику, который крестил нашего Господа Иисуса Христа. Но я не смогу теперь обращаться с молитвой к этому святому, не вспоминая одновременно и корабль, носящий его имя. Неудобства — это еще ничего. Но злоба, ненависть! Все наши призывы ничего не значили. Кажется, у капитана душа еще чернее, чем у экипажа... Чем гнуснее экипаж, тем более благочестивое имя дают кораблю.

— Я это уже заметила у пиратов, — сказала Анжелика. — Но послушайте меня. Именно это меня и тревожит. Вы недавно сказали одну вещь... Я тогда не придавала этому значения. А сейчас меня это вдруг насторожило.

— Да, я вас слушаю.

— Вы не будете смеяться надо мной?

— Прошу вас, говорите. О чем идет речь?

— Это незначительная деталь, однако я волнуюсь, особенно из-за плохой репутации вашего экипажа. Я слышала, что, когда Онорина объясняла вам, кто такой медведь-мсье Виллоуби, вы ответили, что на борту «Сен-Жан-Баптиста» тоже есть медведь.

— Да, помню.

— Но, это необычный медведь. Прирученный! Он не бродит по улицам. Не об одной и том Асе медведе и мы говорим? Мы так прививались к этому мсье Виллоуби!

— Я не знаю, как зовут медведя, который находится на корабле, — сказала мадемуазель Бургуа. — Когда Онорина говорила о медведе, я спросила себя, не тот ли это медведь попал на корабль?

— В заливе Сен-Лоран капитан без зазрения совести захватил барку с экипажем. Среди них был и медведь.

— А не было ли там маленького мавра?

— Да, действительно был.

— Это они: медведь мсье Виллоуби, Тимоти, негритенок. Несомненно, это наши друзья. Пожалуйста, скажите, что с ним стало?

— Капитан увидел, что можно хорошо поживиться — потребовать выкуп или продать в Квебеке. На борту барки был англичанин из Новой Англии.

— Элиас Кемптон!

— С этими беднягами очень плохо обращались, особенно доставалось англичанину.

Пусть он еретик, но я не удержалась и вступилась за него во время христианского милосердия, запрещающего нам унижать и мучить человеческое существо без серьезных на то причин. Матросы, несмотря на всю свою испорченность, послушали меня. Я знаю этих людей, чья жизнь связана с морем, и умею говорить с ними. Тут я объяснила, что им выгоднее

довезти пленников до Квебека как военную добычу, нежели убить по дороге.

— А медведь?

— Его втащили на борт корабля, чтобы содрать с него шкуру, а медвежатину покоптить.

— Какой ужас! Мой бедный Виллоуби! А что с ним стало?

— Я им доказала, что бесполезно убивать медведя. К тому же к нему нелегко подойти. Его хозяин сумел успокоить медведя и заставил выполнить несколько номеров. Это очень позабавило команду. Его оставили в покое и поместили на верхней палубе.

— Если вы спасли мсье Виллоуби, моя дорогая Маргарита, я буду вам бесконечно благодарна. И Онорина тоже. Но как же это случилось, что эти люди не встретились с моим мужем? Судя по вашим рассказам, они еще должны быть на борту.

— Несомненно, еще вчера я их там видела. Может быть, когда мы прибыли в Тадуссак, капитан предпочел скрыть их от посторонних глаз?

— А может, он их убил! О боже, мадемуазель Бургуа! Я понимаю теперь, почему я так встревожилась. Нельзя терять ни минуты.

Она бросилась к двери. Маргарита Бургуа — за ней.

— Послушайте! Я вспомнила, там, в барке, был еще один человек, очень полный, он не хотел сдаваться в плен. Его нещадно избили, хотя он был ранен...

— Вспоротое Брюхо! Это он.

— Может быть. Я помню, что он намекал на протекцию графа де Пейрака. И грозил, что если над ним будут издеваться, то граф отомстит за него. Когда капитан Дюга увидел, что к его кораблю приближается действительно граф де Пейрак, он, наверное, спрятал пленных, заткнув им сначала рот кляпом.

— Это вероятно. Ох, они несчастные!

— Кто знает? Может быть, капитан, видя, что он теперь в руках де Пейрака, попытается избавиться от пленников, чтобы не понести наказания за грабеж.

— О, боже мой, — повторила Анжелика, — только бы мы не опоздали!

Она побежала, мысленно осыпая себя упреками. В Тидмагоуче она проявила беспечность: отпустила барку Аристиды Бомаршана и не поинтересовалась его судьбой.

Она слегка коснулась рукава камзола Жоффрея. Он повернулся к ней и удивился, видя, что она не может отдышаться, как после быстрого бега. А она ведь действительно бежала.

Она быстро сообщила ему о том, что только что узнала.

— Вы оставили ваших людей на ночь на «Сен-Жан-Баптисте?» — осведомилась она.

— Нет. И так никто не покинет корабль. У них не будет ни причины, ни надобности делать это.

— Тогда они воспользуются этим временем, чтобы...
— Жоффрей де Пейрак составил план. Он подал знак д'Урвиллю, танцевавшему с девушками.

— Я оставляю вас продолжать праздник, — шепнул он ему на ухо. — Пускайте фейерверки, развлекайте всех, чтобы никто не заметил моего отсутствия. Я направляюсь на «Сен-Жан-Баптист» со своими людьми.

Анжелика и граф спустились в порт. Их сопровождали испанские солдаты. Распределив гребцов, граф де Пейрак повел шлюпки теневой стороной к кораблю. Когда они отчаливали, залп фейерверка осветил ночное небо. Толпа встретила его радостными возгласами.

— Там, на судне, они будут отвлечены этим зрелищем, — вполголоса проговорил Жоффрей. — Они все уставятся в ту сторону. Мы же подойдем с другого борта, чтобы застать их врасплох.

«Может, окажется, что все это ерунда, — говорила себе Анжелика, видя рядом Жоффрея и сжимая его руку. — Тем хуже». Но она хотела иметь чистую совесть, а он понимал ее. Это так замечательно — быть замужем за всемогущим человеком, который в угоду тебе отдает все: свои отряды, оружие, пушки, корабли...

А он никогда не смеялся над ней...

С дотушенными огнями они обогнули покалеченное судно, чтобы пристать к нему, укрытые его тенью от огня на берегу. И действительно, все моряки, по видимому, столпились у левого борта, чтобы поглядеть на чудеса фейерверка, от которого полыхало небо. Один из нападавших выставил багор, чтобы смягчить удар их суденышка о борт корабля, и тут раздался истошный женский крик, совершенно неожиданный в мирной ночной тиши, смущаемой только отдаленными хлопками ракет и шутих.

— Ко мне! На помощь! Убивают!

— Это голос Жюльенны, — воскликнула Анжелика и вскочила так резко, что едва не свалилась в воду. — Значит, мое предчувствие меня не обмануло. Сейчас мои друзья в опасности.

— На помощь! На помощь! — звал голос. — Есть ли на этом проклятой корабле христиане? Пусть помогут! Убивают!

Послышался топот, на палубе. Таи, наверху, в темноте кто-то копошился. Жоффрей велел зажечь большой фонарь. Бросили крюк, взяли судно на абордаж. С ловкостью, выдававшей, что они участвуют отнюдь не в первой подобной вылазке, люди из шлюпки почти мгновенно взлетели на палубу судна. Жоффрей прыгнул на корабль первым. Анжелике сбросили веревочную лестницу. Взобравшись по ней, Анжелика увидела спектакль, от которого у нее прошел мороз по коже.

Жоффрей с пистолетом в руке держал на почтительном расстоянии матросов, захваченных врасплох. Между ними билась женщина с раскрытой грудью. Это была Жюльенна. Поодаль от нее лежала какая-то бесформенная масса, тщательно завязанная, с кляпом и веревкой па шее, к которой был прикреплен огромный камень.

— Ничего себе! — удивился величине камня один из людей с «Голдсборо».

Когда беднягу Аристида Бомаршана освободили от пут, он тоже пришел в ужас при виде этой каменной глыбы. Значит, его хотели утопить, как собаку.

— Это приказ капитана! — кричали грубые матросы.

Их связали, предварительно отобрав ножи. Жюльенна бросилась с объятиями к де Пейраку, громко всхлипывая, прижалась к алмазной звезде, затем подбежала к Анжелике.

— Я была уверена, что вы нас спасете. Я говорила Аристиду: они придут!

— Видите, как с нами обращаются? — говорил Аристид. — А мы — честные люди. Разве это не позор!

— А англичанин, разносчик? — забеспокоилась Анжелика. — Его не бросили в воду?

— Нет, он еще со своим медведем на камбузе. Их заковали в цепи.

Миновали площадку, где томились пассажиры с испуганными лицами. Многие не могла уснуть из-за шума и криков. Они вынесли столько мучений за время четырехмесячного плавания: и мертвый штиль, и штормы, я эпидемии, и бури — и вот теперь, прибыв в Канаду, попали в эту пиратскую историю.

Промелькнули бледные лица женщин, силуэты безучастных монахов, сгорбленные спины мужчин. Отсветы фейерверка, проникшие через открытый боковой люк, осветили печальную картину, достойную пера Данте. Там было несколько детей, их худоба и

бледность устрашали, но лица и глаза, неотрывно следившие за фейерверком, светились неподдельным счастьем.

В самой глубине, где было душно и смрадно, нашли Кемптона, закованного в цепи. Он лежал на куче гнилой соломы.

— Ах, мадам, каким добрым ветром вас сюда занесло? — воскликнул разносчик, поднимая к небу скованные цепями руки. — Я уже отчаялся. Я износил подаренную вами пару башмаков. Это какое-то чудо — вы здесь! Я не знал, как сообщить вам... что у меня украли все мои товары.

— Нас захватили эти бандиты, — захныкал Аристид. — И отобрали у нас все: у него — груз, а у меня ром, исключительный ром, привезенный с Ямайки...

— А где мсье Виллоуби? — спросила Анжелика, пока искали ключи, чтобы освободить Кемптона от цепей.

— Здесь, — сказал Кемптон, указывая на кучу соломы.

— Что с ним? Он не шевелится. Он умер?

— Нет, он спит.

— Почему? Он болен?

— Нет, он спит. Не беспокойтесь, мадам. Это естественно. Он вытерпит любые испытания, только не мешайте ему спать. С приближением зимы медведи впадают в спячку. Если бы нас не захватили бандиты, я оставил бы его в берлоге, которая находится недалеко отсюда, а весной приехал бы за ним. На Новой Земле у меня несколько клиентов. Мы с Аристидом взяли бы мсье Виллоуби и втроем отправились бы в Нью-Йорк. Обычно так я поступал. Но вот судьбе распорядилась иначе. Нас, словно пленников, притащили в Новую Францию. Таковы случайности навигации.

Пока шел этот разговор на английском языке, явился! свирепого вида матрос и неохотно снял цепи с пленных.

Разносчик встал, помассировал ноги и руки, причесался, привел в порядок свою шляпу и надел ее на голову.

— Что же мы будем делать? — указала Анжелика на кучу соломы. — Как его перевозить? Наверное, опасно беси покоить медведей во время спячки...

— Да, его нельзя трогать, — сказал Кемптон озабочено.

но. — Разбуженный медведь не может снова заснуть и становится раздражительным и опасным.

— Вам, наверное, нужно сойти на берег, чтобы привести себя в порядок.

— Нет, нет! — живо воскликнул англичанин. — Я должен остаться здесь, чтобы охранять моего друга. Эти бандиты могут убить его ради мяса. Я едва спас его от этого. Если бы не заступничество монашки и папистов, я не смог бы его защитить.

Да. И дайте, пожалуйста, какое-нибудь оружие. Я тогда буду более спокоен за судьбу Виллоуби. Я смогу его защитить.

— А где Тимоти? — спросила Анжелика. Отправились на поиски негритенка. Проходя по палубе, Жоффрей де Пейрак перемолвился несколькими словами с монахами, которые встретились ему. Он уверил их, что корабль отсюда направится к Квебеку, где их ждут, и предположил, что они придут туда раньше его. Он еще раз заверил пассажиров в своих миролюбивых намерениях. «Сен-Жан-Баптисту» нужен ремонт, а капитан нуждается в хорошем уроке. Все с этим согласились. Какой-то иезуит сказал:

— Я побывал в Канаде уже шесть раз. Но ни одно из этих путешествий не принесло мне столько седых волос, как это.

Несчастья этого переезда заставили его отказаться от сдержанности. Это был красивый мужчина, с открытым и живым лицом. Большинство пассажиров,

как и он, были возбуждены до лихорадочного блеска в глазах. Все они были в плачевном состоянии.

Негритенка нашли в каюте капитана, где он чистил сапоги высотой с его маленький рост.

Капитан был из тех искателей приключений, полуморяков, полукупцов, полукорсаров, что, будучи застигнуты на море более сильным противником, поднимали флаг их коммерческой фирмы с криком: «Мы из Сен-Мало» или откуда-нибудь еще, и всецело уповая на то, что собственная наглость оградит их от больших неприятностей.

Теперь же он был в таком же жалком состоянии, как его экипаж и корабль. Крупный, распухший, с тусклым взглядом. При виде графа он попытался встать с кушетки, на которой валялся, но тут же тяжело упал назад. Рядом стояли бутылки, стакан с остатками вина. Запах алкоголя убивал мух.

— Ром! — заметил Бассомпье, понюхав горлышко бутылки. — Но какой ром! Самое отвратительное пойло, какое я только встречал, плавая флибустьером... Я пробовал все на свете сорта рома.

Анжелика не ошиблась, когда сказала:

— Это, должно быть, ром Аристида.

Было ясно, что капитан хотел попользоваться добычей своего пиратского набега, но был за это наказан судьбой. Все сложилось для него из рук вон плохо. История с медведем, этот проклятый ром и его хозяин, женщина, ставшая жертвой его дегенеративных матросов, — все это вело к гибели. А теперь этот пират явился в Тадуссак, схватил его за горло и требует ответа.

Капитана оставили проедаться. Подняла совсем окоченевшего Тимоти, бедный негритенок имел жалкий вид, Анжелика завернула его в свое манто. Заверив еще раз Кемптона, что ему пришлют еду, остальных спасенных увели на землю.

Фейерверк придал торжественность их возвращению на берег.

— Тем не менее это справедливо, — прокомментировал Аристид, — ведь у меня на шее уже висел камень.

Камень на шее! Камень на шее! Речные берега, наверное, хранят немало таких секретов. Всплески воды под веслами вернули всех к действительной жизни и к свету.

— Без Жюльенны мы бы погибли. Эта девушка — настоящее сокровище. Она спасла нас.

— Как это?

— Конечно! Она такая красивая девушка, что эти шелудивые решили попользоваться ею, прежде чем сбросить в реку. Пока Жюльенна сопротивлялась, вы успели подплыть к кораблю и пришли нам на помощь. Это бог послал вас к нам. Я всегда говорил это.

— Я знала, что вы придете, мадам, — сказала Жюльенна Анжелике. — Я все время молилась Пресвятой Деве, чтобы она направила вас к нам.

Эти бедные люда даже не могли себе представить, насколько их спасение оказалось делом случая.

Прибыв на берег, они подошли к огню. Спасенным принесли рагу из косули, сыра и доброго сидра. Все смотрели на них с любопытством. Люди уже захмелела от напитков. Из уст в уста передавалась их история, обрастая деталями. В ней участвовала Пресвятая Дева, которую часто поминала Жюльенна. Так как много рассказывали о медведе, интендант Карлон поинтересовался:

— Не тот ли это медведь, который убил отца Вернона?

— Я уже говорил вам, что его убил не медведь! — ответил ему Виль д'Эвре.

— Тогда кто же?

— Не имеет значения. Я расскажу вам об этом в другой раз. Но знайте, что он только сразился с медведем.

— С медведем?

— Да. Я там был и видел эту сцену. Это грандиозно. И од одержал верх.

— Кто?

— Иезуит.

— Неужто?

— Но медведя уверили, что победил именно он. Чтобы не обидеть. Он очень чувствительный медведь, этот миляга Виллоуби.

— Вы болтаете вздор!

— Нет. Я был свидетелем. Это произошло в Голдсборо.

Чудесный уголок!

— Пока... Отец Верной умер и...

— В другой раз, — оборвал категорически Виль д'Эвре, — Давайте выпьем. Нужно передать эту еду охотнику. Она несколько жирновата. В Голдсборо мясо было тоньше. Да и вина здесь нет. Как только я подумаю, что на этом корабле «Сен-Жан-Баптист» есть бургундские вина, которые могут быть выплеснуты за борт перед Квебеком... Это подлецы Дюга и Бонифаций хотели бы делать золото из этого под покровом... А мсье де Пейрак проявляет в этом деле излишнюю щепетильность. Вы не находите?

Эта история с медведем передавалась на следующий день по всему поселку. Повторяли, что мсье де Пейрак внезапно ощутил тревогу за судьбу тех людей, которых готовы были погубить на судне, как он поднял всех на ноги, чтобы поспешить им на помощь. Понизив голос, рассказывали о том, что Анжелика услышала «зов». Вспоминали, что такое случилось и раньше. В новогоднюю ночь в прошлом году в форте О-Кеннебек она вскочила из-за стола, говоря, что слышит

стук в дверь. Но за дверью никого не оказалось. Но благодаря Анжелике были спасены известные персоны: герцог д'Арребу, граф де Ломени-Шамбор, Шевалье Ла Саль и отец Массера, которые погибали в снегу, недалеко от Вапассу. Она действительно обладала таким даром, и репутация Анжелики поднялась еще выше. Уважения и чуточку восхищения к ее славе добавил и тот факт, что здесь была замечана мать Маргарита. Это доказывало, что даже такой заброшенный уголок Канады, Тадуссак, небо не оставляет без внимания.

Решено было остаться в Тадуссаке дня на четыре-пять, если не на всю неделю. Зима и отдых не должны были их застигнуть так скоро. Большие стаи диких гусей еще пролетали в небе. Это означало, что заморозки будут поздними.

Анжелика с удовольствием рассматривала место остановки. Выйдя победительницей из первого состязания с канадцами, она решила перевести дыхание и закрепить свои позиции. Народ был забавный и интересный. Ей нравилась эта атмосфера, не такая тяжелая и напряженная, как в Квебеке. Ее радовала возможность установить дружеские отношения с мадемуазель Бургуа и сделать их более прочными.

Спасение людей с «Сен-Жан-Баптиста» облегчило ей душу и убедило в благосклонности канадцев.

Она знала, что их задержка в Тадуссаке на деле объясняется тем, что в Квебеке находится королевский корабль «Мирабель». Он задерживается там, явно показывая, что ждет их. В любом случае это судно должно будет пройти под дулами пушек, когда надумает возвращаться в Европу.

Стоило лишний раз взглянуть на рейд, где покачивался этот кривой «Сен-Жан Баптист». На нем затаился посланник короля. Само судно тщательно охраняется кораблями де Пейрака, что доказывает, что

в настоящий момент граф является несомненным хозяином Тадуссака.

Иногда Анжелика задавала графу вопрос: не означает ли жест мсье де Фронтенака, задерживающего из-за них королевский корабль, того, что мы переоцениваем его как нашего союзника?

— Однако я думаю, что он должен капитулировать вместе с фанатиками, окружающими его, включая мадам де Кастель-Морга, целиком преданную отцу д'Оржевалю. Ее «уж является ведь военным губернатором. Выдержим определенный срок. Время поможет нам решить этот вопрос.

Шлюпка доставила их обоих на берег. Их внимание привлекли Аристид и Жюльенна, которые, казалось, ждали их в порту. Бассомпье принял их на борт своего корабля на ночь, а Тимоти был доверен Иоланде.

Эта несколько странная пара — Аристид и Жюльенна — была чем-то взволнована. Они твердо решили дожидаться своих благодетелей. В нескольких шагах от них собрался кружок любопытных.

— Стоило нам с такой тщательностью отбирать прислугу, солдат и спутников, чтобы теперь взвалить себе на шею эту парочку, — со смехом заметила Анжелика. — А в придачу английского пуританина из Коннектикута вкупе со спящим медведем. Что с ним делать? Увы, они вполне воплощают в себе тот тип «нежелательных чужеземцев», от коих Новая Франция так неуклонно пытается оградить свои пределы. Вы только поглядите на них!..

Немного приблизившись, Анжелика и Жоффрей смогли получше рассмотреть их. Аристид Вспоротое Брюхо придумал кличку сам, когда Анжелика зашила ему рану на животе. Дразнящая походка Жюльенны подчеркивала ее прелести даже сейчас, когда она просто ждала шлюпку, стоя рядом со своим мужем.

Когда шлюпка оказалась в поле их зрения, они стали знаками приветствовать своих спасителей. Анжелика в ответ помахала рукой.

Жоффрей де Пейрак взглянул на Анжелику, сидящую рядом с ним. Он увидел ее профиль, порозовевшие от утреннего холода щеки и догадался, что она не может сдержать улыбку, демонстрирующую ее дружелюбие к «этой паре», и что она рада вновь с ними встретиться.

— Вы любите их, несчастных, жалких, отверженных. Где вы приобрели этот талант привязывать их к себе, успокаивать их тайные страсти, усмирять их, как дрессировщик усмирят животных.

— Я понимаю их. Я... — Она хотела сказать: «Я делила их участь», но запнулась. В эту область он еще не был допущен: Двор Чудес.

Тогда он смог бы понять, где источник того чувства, которое связывает ее с Жюльенной, так напоминающей Анжелике ее подругу парижского дна Ля Поляк, и что связывает ее с Аристидом, похожим на всех негодяев. В любую минуту он мог обернуться бравым парнем.

— Это «ваши», — сказал де Пейрак, — но сознайтесь, моя дорогая, что они еще более подозрительны, чем «мои».

— Да, но более живописны!

Они рассмеялись, как сообщники. Когда Анжелика и Жоффрей вышли на пляж, беглецы с «Сен-Жан-Баптиста» бросились им в ноги. Они были как дети. Снова повстречав сеньора де Пейрака и даму Анжелику, они больше не беспокоились о своем будущем. И потом, ведь Анжелика и граф направлялись в Квебек, что ж, и они туда поедут...

— Здесь так красиво, — сказала Жюльенна, озирая окрестности. — Это напоминает мне мою родину на берегу реки Шеврез.

Жоффрей оставил их и направился к интенданту Карлону, ожидавшему его со страдальческим видом около кучи товаров. Анжелика решила представить Аристиду и Жюльенну мадемуазель Бургуа. Они знали ее еще на корабле, когда монашка заступилась за пассажиров. Но сейчас можно было наладить более дружеские отношения.

Анжелика поднялась по косогору в сопровождении своего обычного эскорта: «девушек короля» и детей. Два испанских солдата и несколько других мужчин помогали девицам нести корзины с бельем, посудой, домашней утварью — тазиками, мисками, деревянным ведерком с жидким мылом. Они решили это утро посвятить купанью. Завершала шест-вис кошка.

В деревне они сразу же встретили Катрин-Гертруду, несущую на плече ведро. Она предложила Анжелике:

— Отведайте молока. Я знаю, что вы его любите.

— Действительно, оно было очень вкусно...

В Квебеке тоже должно быть молоко, и масло, и другие продукты, которых им так не хватало во время зимовки в Вапассу. Это составляло целое богатство, почти роскошь. Можно ежедневно питаться молочными продуктами, как заведено в этой деревне.

По пути к лавке Виль д'Эвре Катрин-Гертруда рассказала, что ее муж погиб от рук ирокезов два года тому назад. Он возвращался домой с мехами, как вдруг с высокого утеса па него свалился индеец и вонзил свои острые зубы в затылок охотника. Канадец убил его, но укус оказался заразным, и ее муж умер от этого. >

Укус ирокеза равен укусу бешеной собаки. Он вносит яд в вашу кровь, закончила свой рассказ Катрин.

Теперь она сама содержит ферму. Со смертью мужа мало что изменилось в хозяйстве. Теперь ее сыновья и зятья снабжают семью продовольствием и пушниной. Вдова не прочь выйти замуж вторично, но предпочитает пока подождать. У нее и так большая семья: дети,

внуки, кузены. А что такое муж? Это еще один ребенок...

Наконец они подошли к магазину, где им было оказано гостеприимство накануне и где Анжелика познакомилась с Маргаритой Бургуа. Монашка и сейчас находилась здесь с несколькими женщинами. Анжелика узнала в них пассажирок с «Сен-Жан-Баптиста».

— Мсье де Пейрак побывал сегодня рано утром на корабле, — поспешила объяснить мадемуазель Бургуа. — Он разрешил им сойти на берег, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть. Ремонт корабля продвигается, и возможно, скоро можно будет продолжать путешествие. Пассажиры должны еще немного потерпеть.

Анжелика рассказала Маргарите Бургуа, как накануне благодаря сведениям, которые сообщила монашка, они спасли узников капитана Дюга.

— Вы можете поздравить себя: у вас такие могущественные друзья, — обратилась Бургуа к Аристиду. — Я никогда не забуду благородного порыва мсье де Пейрака, когда он бросился вас спасать. Вы, должно быть, очень почтенный человек, если внушили такую симпатию. — Она внимательно посмотрела в бегающие глаза Аристида Бомаршана.

Несмотря на пережитые им горести, Аристид внешне не изменился. Лицо его сохраняло неизгладимые черты, отражавшие все совершенные им преступления. Такая жизнь была для него нормальной, пока он не встретился с кораблем «Голдсборо».

— В этом вы ошибаетесь, мать моя, это отъявленный бандит, — сказала Анжелика. — Наша первая встреча произошла таким образом, что мы должны были перегрызть друг другу горло. Но потом пришли к взаимопониманию.

— Я был ранен, а она зашила мне брюхо. — Аристид начал развязывать пояс. — Не хотите ли взглянуть на ее

работу, сестра?

Мадемуазель Бургуа согласилась. Она залюбовалась швом.

— Это необыкновенно! Мсье Бомаршан, я повторяю то, что только сказала: это необыкновенно! Вы — везучий человек. Вы встретили такую замечательную сестру милосердия, когда получили эту ужасную рану. Кто же нанес вам этот удар? Дикий зверь?

Аристид смутился и бросил беглый взгляд на Анжелику.

— Война! — сказал он тоном фаталиста.

— Но теперь, как я вижу, вы остепенились. Я надеюсь, что, получив благодеяния, вы думаете, как возблагодарить милосердного бога, Аристид? Мой мизинец говорит мне, что вы не очень-то часто молитесь богу.

— Это правда. Зато Жюльенна молится за двоих.

— Я привыкла молиться вместе с герцогиней, — объясняла Жюльенна. — Я так много молилась, что этого должно хватить до конца моей жизни.

Тем временем к Анжелике подошел Виль д'Эвре и взял ее за локоть.

— Наконец-то выпал случай. Помните, я все жаловался, что нет у меня пажа-негра. И вот с неба к нам свалился негритенок. В костюме из малинового сатина он будет очарователен. Он станет носить мой саквояж, мои карты, Я буду иметь бешеный успех в Квебеке.

— Но он принадлежит разносчику Элиасу Кемптону! — воскликнула Анжелика.

— Что? Этому англичанину? Он же еретик! Поэтому это не проблема. Я велю бросить его в тюрьму по приезде в Квебек или продам какой-нибудь благочестивой семье. Там его окрестят и освободят от скверны.

— Крестить, обращать в католическую веру? Элиаса Кемптона? — повторила Анжелика. — Вы — безумец! Он истинный сын Коннектикута. Будучи ребенком, он с семьей последовал за проповедником Томасом Хукером. Они пересекли Аппалачи, чтобы основать Мадфорд. Вы об этом и не думайте!

— Я об этом думаю, Я работаю ради неба. Я хотел бы знать, кто мне помешает? Маленький мавр будет моим.

Вид у него был решительный. Анжелика знала, что если маркиз задумал заполучить какую-нибудь вещь, он готов на все. Она возмутилась.

— Нет, я вам помешаю. И знайте, если вы это сделаете, я не стану с вами разговаривать. Мы рассоримся на всю жизнь. И вам придется очень долго коротать вечера в одиночестве у своей фаянсовой плиты.

Маркиз увидел, что она говорит серьезно. Он не настаивал и ушел рассерженным. Мадемуазель Бургуа следила за этой размолвкой с интересом.

— Видите, — сказала она Анжелике, — вы не согласны с нашим Господом Иисусом и его Церковью, Вас возмущает мысль о том, что можно спасти заблудшую душу и привести ее к истинной вере. Как с этим англичанином. Вы ведь беспокоитесь о здоровье и благополучии этих еретиков. Я вас не понимаю. Разве вечная жизнь для вас не имеет цены?

Анжелика уселась поудобнее и, помолчав, ответила:

— Конечно, вечная жизнь имеет свою цену. Но прежде чем отправиться в мир иной, нужно прожить эту как можно лучше, в согласии с окружающими. Разве не так?

— Но это не значит, что не следует просвещать заблуждающиеся души. Говорят, что вы защищаете этого еретика-англичанина и покровительствуете ему?

Как ответить на это заявление, которое напоминает обвинение? Как объяснить этой монашке, что

благородные взаимоотношения между людьми не противоречат вере в бога?

Она вновь увидела силуэт Абигель с маленькой Элизабет на руках на унылом берегу Голдсборо. У Анжелики было желание рассказать об этой подруге дражайшей мадемуазель Бургуа — о малышке Элизабет, ребенке с целомудренным личиком — такие бывают на иконах. Неужели и она не имеет права на жизнь?

Она сдержалась и ограничилась несколькими осторожными фразами.

— Не преувеличиваете ли вы воинственный пыл этих протестантских переселенцев из Новой Англии?..

— На берегах Акадии мы наблюдали жизнь протестантов. Это славные люди, они намерены мирно возделывать свою землю.

Мадемуазель Бургуа неуверенно возразила:

— Мы знаем другие отзывы. Отец д'Оржеваль писал нам о лихоимстве и ужасных репрессиях, которые чинили эти мошенники по отношению к индейцам, и что они подстрекают ирокезов начать войну против нас.

— Скорее он сам разжигает войну! — не сдержалась Анжелика.

Она мгновенно вспомнила то, что видела в Брансуик-Фоле.

— Как легко он извращает факты! Поверьте мне, он дал ложную информацию. Я собственными глазами видела много кое-чего иного, — закончила она, еле сдерживаясь.

Она опустила голову, пытаясь успокоиться.

— Я знаю, что этот иезуит правит Квебеком. Но не вы ли сказали мне, что Монреаль — это не Квебек?

— Что касается отца д'Оржеваля, — да! Знайте что отец д'Оржеваль является духовным отцом Новой Франции.

— Да это фанатик! Если бы вы знали, какие козни строил, он вам!

Маргарита Бургуа живо возразила:

— Что бы он ни делал, все это во имя Добра. Он заботится о своих детях.

Анжелика сделала новое усилие, чтобы не потерять над собой контроль.

— Вы хотите сказать, что он защищал вас, своих детей, от врагов, то есть от нас? Но прошу вас, на каком основании вы считаете нас врагами?

— Разве не вы угрожаете Новой Франции, расположившись на королевской земле?

Анжелика хотела бросить ей в лицо резкие слова. Напомнить, что есть договор Бреда, подписанный самим мсье де Траси, по которому эти земли отходят к Англии. Мадемуазель Бургуа была женщиной образованной и благородной. Она должна знать, о чем говорит. Пятнадцать лет жизни среди опасностей и угроз убедили ее в справедливости дела, которое она отстаивает.

— Англичан двести тысяч и почти столько же ирокезов. Л нас, канадцев, едва ли наберется шесть тысяч. Если мы не будем яростно защищаться, они нас завоюют и уничтожат. Они перебьют всех тех несчастных индейцев, которых мы с таким трудом привели к причастию, и все те, до кого мы еще не добрались, навсегда утратят возможность приобщиться к свету истинной веры, которую призваны нести заблудшим душам канадцев. Разве нам можно так рисковать и быть столь небрежными?..

Она говорила спокойно и убежденно. Анжелика никогда не испытывала подобной уверенности. Взволнованная, Анжелика поднялась и сделала несколько шагов. Сначала она думала, что все будет просто. На деле же дискуссия свелась к вопросам королевской территории, Франции, Церкви. Нужно было

идти по другому пути, но для возвышенной натуры Анжелики это было трудно. Должно было установиться сердечное взаимопонимание. Взаимная нежность, уважение; атмосфера, которая успокаивает, отгоняет опасности, угрозы, страх.

Она поднялась и в возбуждении сделала несколько шагов. Еще минуту назад она полагала, что между ними все будет просто, но теперь убедилась, что это далеко не так. Споры о праве на жизнь тех или других сынов и дочерей земли ни к чему не приводят, если вступают умы, либо не имеющие понятия об этих правах, либо убежденные, что следовать надо только тем договорам, которые полезны Франции и ее святым пастырям.

Нужно было искать иной путь, но он не вполне согласовывался со склонностями ее горделивой души.

Надо, чтобы меж их сердцами установилось согласие; взаимная нежность, понимание, уважение должны возобладать в их беседах, создав между ними более человеческие, мягкие отношения, тот душевный комфорт, что изгоняет страхи, скрывающиеся за непреклонностью доводов.

Она снова подняла голову и улыбнулась женщине, сидящей у очага. Та с интересом рассматривала Анжелику. Жизненная сила и искренность, которые исходили от этого лица, вызывали симпатий и доверие.

— Мать Бургуа, оставим эти разговоры! Я уверена, что жизнь заставит нас укреплять дружбу, возникшую между нами. Позже мы поймем, как нам избавиться от того, что нас разделяет.

Основательница маленького религиозного общества одобрительно кивнула головой и надолго погрузилась в свои мысли.

— Обязательно нужно, чтобы вы встретились с отцом д'Оржевалем, — вдруг решительно заявила она. — Чем больше я вас узнаю, тем больше убеждаюсь в этом. Конфликт между вами возник из-за

недоразумения. Когда вы объяснитесь с отцом, все наладится. Вы сумеете его услышать и понять.

— Я сомневаюсь в этом, — бросила Анжелика. Лицо ее помрачнело.

Она снова села.

— Могу вас заверить, что меня приводит в ужас мысль, что я предстану перед ним.

— Может быть, вы боитесь его проникновенного взгляда, который почувствует вашу беспокойную совесть?

Анжелика не ответила. Чутким пальцем она перебирала бобы, с безотчетной нежностью она касалась блестящих стручков, как бы лаская и опознавая их на ощупь (разве не с наслаждением она ела ирокезский суп, попав в долину, где царствовали три божества: тыква, кукуруза и бобы, и они спасали от голода?), не ведая, что в ее чуть склоненной к плечу головке, в прямой, как струна спине, сохранившей царственную осанку, во всем ее существе, несмотря на низменные повседневные занятия, сохранилась грациозная женственность, обещающая неизреченные улады. Но от глаз ее собеседницы, привыкшей наблюдать ближних и мысленно с неумолимой быстротой выносить им справедливый приговор, ничто не могло укрыться. Анжелика со вчерашнего дня задала много пищи ее душе и уму.

— Вы находитесь в состоянии душевного разлада, — внезапно заявила монашка.

— Может быть. Но временами такое испытывают все люди. А вы всегда уверены в себе?

Она вдруг ощутила, как неясные дотоле чувства и мысли выливаются во что-то вполне определенное, и обнаружить это было одновременно больно и умиротворяюще, поскольку все, что несет в себе ясность и порядок, приносит вдобавок и успокоение.

Взгляд Анжелики упал на руки монашки. Она поймала себя на мысли о том, что губы мужчины не касались этих трудолюбивых рук. Лицо мадемуазель не знало мужской ласки, хотя было миловидным. Годы уже стирали с этого лица былую красоту. Перед глазами промелькнуло видение, она в объятиях Жоффрея умирает от наслаждения под его поцелуями. Даже это воспоминание заставило ее сердцу биться сильнее. Ее щеки порозовели.

Люди, которые были перед ней, и те, которые будут выступать против нее, те, кого предстоит переубедить — все это чужие люди, более чужие, чем ирокезы Уттаке. Вернее, это она была чужой среди них, другим существом, представителем другой расы.

Дьяволица в их глазах, даже сбросив свою маску, была бы для них менее опасной. Они уже привыкли к постоянному противостоянию между добром и злом. Но Анжелика и привлекала их и пугала одновременно. Они предвидели, что она несет им бурю.

Анжелика оставила на время свою работу и обратилась к Бургуа:

— Поговорим начистоту. Вы считаете меня опасным человеком.

— То, что движет вами, опасно, — отвечала ее набожная собеседница.

Можно было подумать, что она следила за ходом мысли Анжелики.

— Такой образ жизни отвращает от вечного блаженства на небесах, — продолжала та не терпящим возражений тоном. — К тому же восхищение, в какое вы ввергаете зачарованные вами слабые души, может внушить вам, что вы, возможно, правы.

Анжелика почувствовала, что сердце гулко забилося в груди, словно бы возвещающая о неотвратимом поражении.

— Вы меня считаете колдуньей, какой-то обольстительницей?

— Нет, но вы определенно наделены силой очаровывать.

Она сказала это без ехидства, даже с оттенком ностальгии в голосе, как будто смягчаясь перед таким даром Анжелики. Еще раз Анжелика испытала чувство тревоги. Хотелось встать и куда-нибудь уйти. Анжелика взглянула на сидящих вокруг нее людей, никого не видя.

Ее волнение длилось не больше минуты. Снова к ней вернулось спокойствие: «То, что движет вами — опасно», — произнесла ее собеседница. И ей померещилось, что уста неумолимой праведницы вынесли обвинение всему, что дает ей жизнь: радости чувств, стремлению к счастью, любви ко всему живому и к самому творению Божьему! Разве не в этом источник силы, способной все преодолеть?

И ей ясно представилось, что монашки не так уж далеки от нее. В чем она могла упрекнуть себя? Разве она сана, Анжелика де Сансе де Монтелу, была воспитана не в монастыре урсулинок в Пуату? Она тогда не звала ни жизни, ни света. Но даже в те времена она восставала, возмущалась, спорила. С высоты стены густого монастырского сада она видела, как к ней тайком пробирается влюбленный паж королевы. При этом воспоминании Анжелика рассмеялась.

Смех разрядил обстановку, окружающие тоже рассмеялись. Будучи свидетелями спора между уважаемыми женщинами, они чувствовали себя угнетенными.

— Значит, вы не сердитесь на меня за мою откровенность? — спросила Маргарита Бургуа.

— Как же я могу сердиться! Вы, дорогая Маргарита, ничем не можете меня ранить. Вы спасли медведя

Виллоуби... Я буду любить вас всегда.

Глава 7

— Они возомнили себя принцами, — говорит с возмущением Карлон, — потому что им дали право охотиться и ловить рыбу, вот тебе уже и сеньоры! Но где же их вилланы, кто обрабатывал бы землю этих канадцев! Это пустой звук. Для них существует только одно — торговля! Создают законы, каждый восемнадцатилетний парень обязан жениться под страхом штрафа. А так как невест не хватало, их привозят, заплатив любую цену. Но парни убегают в леса, они предпочитают «бегать со спичкой» к молодым индианкам.

Интендант Карлон жестикулировал, разговаривая с Пейраком. Краем глаза он следил за погрузкой товаров на борт «Голдсборо». Эти предназначавшиеся для запоздавшего корабля товары купил граф де Пейрак. Здесь были доски, мачты, копченая и сушеная рыба, бочонки с соленой сельдью, жир морской свиньи и моржа, ящики с мукой, мешки с горохом и фасолью, которая в Старом Свете заменяла бобы.

— Теперь па торговлю наложили столько запретов! — продолжал Карлон. — Нельзя даже привозить алкоголь дикарям. Но дудки! Плевали они на этот закон! Для этого у них есть леса, не успеют им предъявить какой-нибудь счет и обвинение, они — гоп! — в лес!

— Нужно оставить несколько бочонков масла для «Мирабель», — решил он. — Пусть не говорят, что я попридержал масло, а судну поэтому пришлось загружаться гравием. Невероятная неразбериха. Никто не поймет там, наверху, сколько пришлось мне натерпеться здесь.

Пейрак не мешал ему изливать душу. Этот человек был ему симпатичен. Он ценил трезвость суждений интенданта, его предпринимательский ум, умение

разбираться в экономических вопросах. Если бы он был английским гражданином, то благодаря этим своим качествам мог бы уже стоять во главе преуспевающей колонии.

Но здесь все оборачивалось против него. Несчастный делал все, что мог, чтобы перевести на иную дорогу тяжелую телегу истории с вековым грузом предрассудков. Здесь были кипение религиозных страстей, и войны, развязанные ради славы, а не для пользы Франции, и манящий крестьян нетронутый лес: ведь у себя в Старом Свете они не могли поставить силки на кролика или выудить из реки плотвичку без риска быть повешенными.

Где-то в недостижимых высях обретался Кольбер, министр Его Величества. Он-то понижал, что величие государства в торговле и промышленности. Но ему приходилось сражаться с превосходящими силами своих противников: против него был даже национальный характер французов, а маленький и молодой народец в Канаде вобрал в себя все свойства большого народа, населявшего страну-прародительницу, и, конечно, все его пороки.

К тому же в Тадуссаке осталось не так уж и много людей. Кроме солдат, здесь можно было видеть несколько поселенцев из тех, кого болезнь жены или эпидемия в стаде корой заставили задержаться после сбора урожая, да еще — приказчиков, чиновников и ремесленников: кузнецов, чеканщиков, каретных мастеров, хотя чаще всего в лавках на месте куда-то подевавшихся хозяев сидели их дети или ученики. После сбора урожая все мужское население Тадуссака в возрасте от пятнадцати до сорока лет словно бы проваливалось сквозь землю. Только по глухим ударам можно было догадаться, что кое-где обмолачивают хлеб. Обычай утеплять на зиму дома соломой пришел в забвение, хотя мороз по утрам уже давал о себе знать,

расцветившая голубоватым инеем деревья и прихватывая землю, гулко звеневшую под ногами.

— Женщины ничего не могут поделаться, — продолжал Карлон. — Им тоже знакома охотничья лихорадка. Посмотрите туда, — он указал в сторону реки Сегеней. Там скопилось много — целая флотилия — каноэ. Шел торг пушниной. С берега реки доносился радостный гул, жители с флягами водки сновали туда и сюда. В руках других был хлеб и другие предметы.

Жоффрей де Пейрак рассматривал поселок, его бедные приземистые домики, элегантную часовню с запертой на замок сокровищницей, оживленную ярмарку на берегу. Тех, кто там толпился, охватила жажда большой поживы, это было наслаждением само по себе, но вдобавок обещало в будущем еще большие, хотя и непредсказуемые наслаждения. Всех манила надежда обзавестись кое-каким добром и, пусть ненадолго, потешиться ощущением довольства, избавившись от забот о хлебе насущном, и возможность хоть немного помечтать о счастливой грядущей жизни.

Эти люди были очень деятельны. Их жизнелюбие и умение радоваться, несмотря на суровость, возможно, и составляли их очарование. Видя, что граф улыбается, Карлон с горечью заметил:

— Я догадываюсь, о чем вы думаете. Что ж, я тоже так думаю. Их еще не загрузили товарами — я думаю о своей прибыли. А вы рассчитываете положить свою прибыль в карман по прибытии в Новую Францию.

Глава 8

Анжелика представила девушек короля мадемуазель Бургуа, надеясь, что та заинтересуется их судьбой.

— Это — девицы, нанятые по приказу мсье Кольбера для населения Канады. Они потерпели кораблекрушение и познали много горя. Не можете ли вы сделать что-нибудь для них?

Она коротко рассказала, как случай привел на берег в Мэн корабль, потерявший управление. Он разбился об утес недалеко от берега. «Голдсборо» принял на свой борт пострадавших. Теперь они сопровождают этих юных девушек в Квебек.

Мадемуазель Бургуа сочувственно покачала головой:

— Понимаете, это очень затруднительно, — сказала она. — Вы говорите, что благодетельница, сопровождающая их, погибла во время кораблекрушения и они не имеют никакой поддержки. Что же они будут делать в Квебеке? Кто станет о них заботиться?

— А не займутся ли этим их мужья?

— Чтобы выйти замуж, нужно иметь приданое. А вы сами говорите, что они потеряли королевскую казну.

Мадемуазель Бургуа объяснила, в каких стесненных условиях живут они сами. Скучный бюджет не позволяет ей выделить приданое для этих девушек. Она не сможет даже вернуть их на родину на запоздавшем корабле. Даже для этого у нее не хватит средств, к тому же они приехали слишком поздно, а значит, нет надежды пересечь на корабль, отправляющийся в Европу, вручив капитану вексель, который по приезде на место ему оплатила бы казна или чиновники той благотворительной миссии, что согласилась бы им помочь.

— У нас было богатое приданое! — воскликнула Анриетта со слезами на глазах. — Около ста ливров ренты для каждой. А в нашем гардеробе было по три платка, шарфы, шляпа из тафты, зимнее манто, два платья.

Мадемуазель Бургуа прервала перечисление:

— Довольно, ведь ваша казна под водой, малышка, что делать... А кто может обеспечить ваше существование в Квебеке?

— А не могли бы они устроиться в какой-нибудь религиозной общине, которых здесь много? — вступилась Анжелика.

— На службу можно устроить. Но кормить? Продукты питания строго рассчитаны на каждого члена общины, очень точно. Когда выдается суровая зима, продуктов не хватает. До весны нечего ждать помощи и от благодетелей из Франции. Если у них есть рекомендательные письма, то мсье губернатор или интендант смогут еще добыть им мешок муки и гороха из складских запасов. Но нужно, чтобы их поручителем был человек очень высокого ранга и внушал бы доверие губернатору.

— А вы сами не найдете местечка хотя бы для нескольких девушек? Вы жаловались, что недостает наемных...

— Это правда! Но, увы, у меня такие же затруднения с финансами.

Она объяснила, как скудны оставшиеся у них фонды. Слушая ее, Анжелика поняла, до какой степени важно для того, чтобы творить в такой глуши добрые дела, иметь преданных защитников и щедрых покровителей, которые в благодарность за истовое служение Господу и в чаянии заслужить вечное спасение брали бы на себя заботы и траты, связанные с обращением индейцев Нового Света и поддержанием душ, крепких в вере и готовых нести свет истинного учения в дебри канадских лесов. Это настоящий торг, где за звонкую монету собираешь урожай молитв и рукотворных чудес, питаешься манной божьей благодати. Этот необычный обмен ведется через моря и океаны между здешними девственными лесами и столичными светскими салонами и молельнями провинциальных сеньоров. Вот так самое истовое служение Господу могло идти рука об руку с худшими

из земных грехов, которые таким образом старались искупить.

Анжелика уже привыкла жить с богатым сеньором, каким был Жоффрей де Пейрак. Он не рассчитывал ни на чью поддержку, кроме собственного труда и доходов от предприятий, но он не оставался равнодушным к роскошной жизни и охотно перенимал иностранные новшества. Он не ограничивал своих желаний. Много здесь еще зависело от обстановки в колониях, где война требовала больших расходов. Она вспоминала, что говорил ей Жоффрей по поводу мсье Кантэна: лишенный помощи, тот радовался, что устроился в Голдсборо сборщиком налогов и пожертвований.

Жоффрей с его знаниями и гибким умом сумел сразу определить, чего ждать этим девицам. Он понял, что власти в Канаде будут расценивать их как обузу, будут считать их лишними ртами, которые надо кормить.

Жизнь была сурова. Нужно защищать себя и за все платить. Нужно выказывать безоговорочное послушание, проявлять милосердие. Монашеские общины чувствовали себя как заключенные. Они должны бдительно следить, чтобы их не застигли врасплох, не погубили бы всю общину целиком.

— Мы могли бы вам помочь, — предложила Анжелика. — Верьте мне, эти деньги не от дьявола.

— Я в этом убеждена, но вопрос в другом.

— Вы боитесь, что на вас косо посмотрят, узнав, что вы приняли дар от этого независимого сеньора с подозрительной репутацией?

— Нет, дело не в этом. Но я не могу отказаться от того, что было сказано об этой зиме. У меня есть место только для трех девушек, которых я могу ввести в общину. Но взваливать на себя заботу обо всех — это выше моих сил.

Она рассуждала мудро, и Анжелика с ней согласилась.

— Я предупреждаю и вас самих, — продолжала мадемуазель Бургуа. — Вы понесли уже большие расходы, чтобы спасти и привезти сюда этих девушек, которые для вас никто. Ясно, что вам не вернут, не восстановят затрат.

— Это будет уже не первая инвестиция, которую мы вкладываем в Новой Франции, — сказала Анжелика со смехом.

— Однако я думаю, — сказала мадемуазель Бургуа, —

что вопрос этот мог бы разрешиться, если бы их благодетельница застраховала корабль со своим имуществом. Это могло бы явиться поручительством в Квебек.

— Я не знаю.

— Мы обдумаем все это, — сказала мадемуазель Бургуа. — А теперь давайте стирать белье.

На берегах реки Сегеней, куда морской прилив приносит водоросли — приманку для птиц, торговцы и индейцы разгружали барки. Жадные руки людей принимали морской урожай и шкуры зверей: коричневый бобровый мех, выдру, соболий мех, куницу, ласку, чей мех доходил до белого цвета. Такие шкурки ценились вдвое дороже.

Индейцы и северные охотники спешили в Тадуссак в надежде продать мех подороже на корабли, которые будут возвращаться в Европу до заморозков.

Один из охотников, разгрузив товар, поднимался по косогору. Он шел против света, но его улыбка показалась знакомой Анжелике. Когда он сделал еще несколько шагов, мадемуазель Бургуа и Анжелика одновременно узнали его:

— Элуа! — воскликнула одна.

— Маколле! — добавила другая.

— О, как прекрасно, что тебя встречают такие прелестные дамы! — откликнулся он.

Это был действительно старина Маколле, пропеченный словно яблоко на солнце и высушенный лесным воздухом. Он был похож на индейца в своей меховой шапке. На лице цвета меди его смеющиеся глаза казались выцветшими. Прямой, тонкий, быстрый в движениях. Одежда была сшита по индейской моде. Долгий путь, который он начал весной в Кеннебеке, завершился осенью в Тадуссаке. Казалось, он его совсем не утомил.

Онорина радостно встретила его. Слово предупрежденные по невидимым проводам, жители поселка сбежались к ним.

Анжелика рассказала окружающим, как Элуа Маколле зимовал вместе с ними в их крепости О-Кеннебек и каким полезным для них оказался его изобретательный и веселый характер.

— О, нужно было видеть эту зимовку, — сказал Маколле. — Послушайте, люди добрые, мы вместе пережили оспу и остались живы. Это просто чудо!

Анжелика боялась, что такое чудо может им повредить в глазах окружающих, и попыталась восстановить истину. Она сказала, что в конце концов это оказалась не черная оспа, несущая смерть, а ветряная, или красная лихорадка. Но люди предпочли первый вариант.

— А как мы встречали Новый год. Там было все прекрасно у мсье губернатора, во дворце Сен-Луи. На столе была золото!

— А какой ты был милый, Маколле, в жилете, с цветами и в парике, — сказала Онорина.

— Ваша невестка будет рада вас увидеть, — заверила его мадемуазель Бургуа.

— Что ты мне принес с гор? — спросил Кариллон.

— Медведя, дедушка. Я убил его вчера на берегу озера Сен-Поль. Он внизу, на берегу. Мои горцы его разделявают. Скоро вы сможете сварить медвежатину

в котле и отведают жирных почек, как в добрые старые времена.

— Кроме Кариллона, никто не называет меня парнем, — объяснил Маколле, повернувшись к Анжелике. — Да я и был таким, когда он впервые повел меня на охоту к ирокезам. У него уже была тогда борода. Когда я начинал самостоятельный путь, он выглядел все таким же. А я для него всегда парень, хотя он выглядит моложе меня. Мне скоро исполнится шестьдесят лет, а я скальпирован и лишился передних зубов. У меня их выдрали ирокезы, чтобы сделать амулет. Но вообще-то я не очень стар. Не верите — спросите у дам.

Люди, перекликаясь друг с другом, пошли к реке Сегеней, чтобы полюбоваться трофеями Маколле.

— Вы видели скобяные товары старины Элуа? Какая добыча! И где он раздобыл деньги для такого товара? Неудивительно, что этот шалопай сможет купить самые лучшие шкуры.

— И епископ не сможет ничего сказать, — шепнул гордо Маколле. — Я и сам малость спекулировал водкой у дикарей, которой снабжался из магазинов Жоффрея де Пейрака в Кеннебеке.

— А не ухаживал ли он за дикарями? — спросила Бургуа Анжелику.

— Более чем когда-либо. Я вижу, что вы его прекрасно знаете. Однажды наши наемники заявили, что был такой случай. Вы ведь знаете, что мы нанесли плутов и мошенников, спасая их этим от голода и холода. Они заявили, что Маколле отправился на поиски счастья к индианочкам в соседнее селение. А больше такого с ним никогда не случалось.

— Бандит! — снисходительно сказала мать Бургуа. — Жаль, что сын на тебя похож. Сидони терзает себя. У этой пары ничего не клеится.

— Не напоминайте мне о них, — проворчал Маколле.
— У меня от одних этих слов в глазах потемнело.

— Не мешало бы тебе поприветствовать своих детей. Мне кажется, что за два года с момента своего отъезда ты ни разу не позаботился о них.

— Конечно. Она зловредная, как лишай.

— Вовсе не так. Она болеет, страдает.

— О чем, я вас спрашиваю? Это поколение девиц жадное. Они хотят только удобств. Когда-то мы попали к ирокезам. Они живут только охотой. Они рыщут по полям и лесам целый день, не зная, вернутся ли вечером домой. Ах, матушка Бургуа, мы оба, вы помните...

— А моя невестка имеет все: покой, ферму, поля, стадо. Чего ей жаловаться?

— Она любит...

— Да нет, это не так. Надо бы вам послушать, как она пилит своего мужа.

— Я не это хотела сказать, — промолвила озабоченная мать Бургуа и вздохнула.

Глава 9

Однажды утром маркиз Виль д'Эвре подошел к Анжелике с лукавым видом и отвел ее в сторону. Она была уверена, что он заведет речь о своих мехах или бочонках вина, которые уже сидели у нее в печенке. Но он обманул ее ожидания:

— Что случилось с графом де Варанжем?

У Анжелики сильнее забилося сердце... К счастью для Анжелики, преступление, ознаменовавшее их вступление на канадскую землю, совершенно вылетело у нее из памяти. Но ей понадобилась доля секунды, чтобы вспомнить ту драму и холодно выразить удивление:

— Что вы хотите этим сказать, Варанж?

Виль д'Эвре кольнул ее взглядом. Но она уже обрела свое хладнокровие и, казалось, искренне не

понимает, о чем идет речь.

— Да, вы что-то говорили мне о нем, кажется, — а почему он вас интересует?

Анжелика насупила брови, как будто силясь вспомнить.

— Я уверен, что вы сказали, будто слышали о нем.

— От кого?

— Возможно, от герцогини или от Балльер.

— Я не помню точно. И я хотела бы узнать о нем. Мне следует сориентироваться, как вести себя в Квебеке.

— Вы больше не будете иметь дела с ним.

— Почему же?

— Потому что он исчез.

— Ах!

— Не так давно он отправился побродить по Тадуссаку, — шепнул маркиз, наклонившись к Анжелике. — Он плыл вниз по течению от Квебека на огромной барке со своим слугой. Он хотел понаблюдать за браконьерами и за торговлей спиртным. Но он так лавировал по реке, что казалось, что он кого-то ждет. Вы не можете мне сказать, кого?

— Я? Вы бредите!

Он поставил ее в трудное положение своим любопытством и инквизиторским тоном. Но она выдержала экзамен, слушая его равнодушно, и поколебала его подозрения. Маркиз отстранился от нее и, оглянувшись вокруг, пробормотал:

— Что же он мог здесь делать?

— Вы это узнаете, без сомнения, в Квебеке.

— Разве я его там найду? — упрямо спросил маркиз, устремив на нее такой взгляд, что Анжелика едва не потеряла равновесие.

— Почему же нет?

— Потому что он исчез... говорю я вам, вместе со своим слугой.

— Черт возьми, да он уже, наверное, вернулся в Квебек со своей баркой и со своим слугой.

— Нет, потому что барку нашли... пустой. — Он указал в сторону горизонта, на другой берег Сен-Лорана. — Там, в бухте Кри-оз-уа (Птичий крик). Но от них никаких следов.

Анжелика сделала неопределенный жест.

— Меня, во всяком случае, это мало трогает. Вы меня предупреждали, что он был нашим врагом. Хорошо и то, что мы его не встретим в Квебеке... А теперь, дорогой маркиз, что вы намерены делать этим утром? Я должна пойти по приглашению в дом священника.

— Как вы можете поддерживать знакомство с этим самогонщиком!

— Мне хочется помочь Аристиду улучшить его ром. У юре заготовлены листья и недозрелые плоды дикой вишни. Они придают своеобразный вкус и делают безвредным напитком. Мы сейчас попробуем это. Как видите, мы и в Тадуссаке верны своим привычкам.

— Однако в воздухе пахнет отъездом... Чего ждать? Чтобы «Мирабель», королевский корабль, со своими 30 пушками явился сюда? Или чтобы посланник короля, скрывающийся на корабле, явился к нам?

— Этот посланец короля — трус.

— А может быть, его и нет. Так проводите же меня скорее, маркиз!

Виль д'Эвре колебался. Но вдруг он увидел Жоффрея де Пейрака, который возвращался на «Голдсборо», и решил присоединиться к нему. Кроме того, у него была идея, для осуществления которой наступил подходящий момент.

Он оставил Анжелику и побежал к шлюпке. Он сразу же заговорил с графом:

— Дорогой друг! Вот уже несколько дней меня занимает один вопрос. Я убежден, что на борту «Сен-

Жан-Баптиста» находится курьер мадемуазель Урдан.

Глава 10

Жоффрей де Пейрак смотрел с берега на Тадуссак. Поселок разворачивался, как картина, которую постепенно растягивали перед глазами, чтобы можно было полюбоваться ее просторами: от возвышенности у реки Сегеней до другого конца, где лес, казалось, плавал в воде. Можно было рассмотреть определенный порядок в расположении домиков и хижин. Слева виднелся форт. Над ним развевался флаг с лилиями. В центре — церковь. Внизу портовые склады-магазины; большая ферма, обнесенная забором из серого камня, возвышалась на косогоре па фоне леса.

К ней-то и направлялась Анжелика. Он увидел, как проворно она шагает в сопровождении мадемуазель Бургуа и Жюльенны. За ними шел Куасси-Ба. До сих пор он не покидал судна, чтобы не напугать местных жителей своим видом. Когда же его представил Маколле, его товарищ по зимовке, он был радушно принят на берегу.

Гуськом шествовали девушки короля с послушницами матушки Бургуа.

В этот день появился на берегу и Кантор со своей росомахой, что случалось редко.

Шлюпка отчалила, и удаляющийся поселок стал похож на забавного зверя. Казалось, большой блестящий ком готов скатиться, подпрыгивая, забавляясь испугом детей. В кристальном воздухе эхо разносило голоса женщин, смех детей.

— Вот какое дело, — продолжал Виль д'Эвре. — Мадемуазель Урдан — моя соседка в Квебеке. Она будет и вашей соседкой, поскольку я уступаю вам для размещения свой дом.

Она вдова известного офицера, который десять лет назад прибыл сюда с полком из Кариньяк-Сальер, и

очаровательная женщина. Он был убит в кампании, которую вел против ирокезов маркиз де Траси.

Она такая же, как и я. Ей нравится Квебек. А иначе в чем бы она нашла мужество предпринять новую поездку по морю. Есть много людей, подобных нам. Они готовы рисковать своим скальпом, оставить свою шевелюру ирокезам или умереть от голода и холода, лишь бы вновь увидеть эти места, и поэтому совершают обратное плавание на корабле по океану. Вы слышите меня, дорогой граф?

— Очень внимательно.

— Нет, вы смотрите туда, на нее. Ах, вот она исчезла за поворотом дороги... Я могу продолжать. Я уже сообщил вам, что мадам Урдан живет в Канаде. В настоящий момент она совсем потеряла силы, очень редко встает с постели, но много пишет. Ее главный корреспондент — вдова польского короля Казимира V. Нет, речь идет не о Луизе-Марии де Гонзага, его первой жене. Та умерла, как вы знаете, десять лет назад. Это повергло короля в такое отчаяние, что он отрекся от короны и нашел прибежище в религии — стал аббатом в Сен-Жермен-де-Пре. Та, о ком я говорил, подруга мадам Урдан, его вторая жена. Он бы женился на ней официально, если бы не запрещал церковный закон. Ее называют красавицей Гербьерой, потому что когда-то она торговала травами. Травами да и еще кое-чем. Она много раз выходила замуж за знатных мужчин, последовательно наследуя их богатства. Так — от вдовства к новому вдовству — она приблизилась ко двору, добралась до польского короля, который, в свою очередь, оставил ее вдовой. На этот раз она оказалась на вершине славы. Вся эта история показывает, что она не глупа, и поэтому мадам Урдан поддерживает переписку с этой дамой. А иногда — каждый день. В зимнее время они складывают эти листки в любовно подобранные дорогие шкатулочки и с оказией отсылают

их друг другу, чтобы либо сохранить на память, либо использовать снова для посылки очередной связки посланий. С первым же судном, направляющимся в Америку, мадам де Полонь отсылает подобный груз. А вторично она шлет письма в конце лета с последним кораблем, идущим сюда. Вы не можете себе представить, как она изводит себя, рассылая гонцов во все порты, в Торговую палату и даже в Адмиралтейство, чтобы узнать, какое судно последним отплывает к канадским берегам. Ведь одни корабли задерживаются в портах, другие решаются рискнуть и отплыть наудачу, пропустив все сроки, полагаясь на свое везение, благоприятный ветер или случай, которые позволили бы им сделать оба конца и не задержаться на зимовку. Так, видимо, обстояло и с тем же кораблем, что перед нами.

Короче, «Сен-Жан-Баптист» привез вторую шкатулку с ответами на письма мадам Урдан, пришедшие в течение лета. Вот так, как видите, обстоят дела. Из-за этих женских причуд и фантазий жизнь наших прелестниц течет веселее, чем наша. Вот почему, как я уже упоминал, установив дату отплытия этого судна из Руана, я мог бы держать пари, что шкатулка, предназначенная для мадам Урдан, — на борту. Дюга уже не в первый раз берется за эту комиссию.

Но вот что меня беспокоит: как вам известно, наш капитан — порядочный негодяй. И если он решит, что шкатулка слишком хороша, украшена дорогими инкрустациями или геммами, он может присвоить ее себе, преспокойно выкинув за борт ее содержимое. Он горазд отправлять за борт все, что считает ненужным. Меж тем Клео была бы счастлива получить ларчик из моих собственных рук. Это гораздо приятнее, нежели видеть его в заскорузлых лапах этого мужлана, который вдобавок норовит вытянуть немало экю за услугу.

Короче, если моя история вас развлекла и вы, вдобавок, не находите это неудобным...

Лодка причалила к борту «Голдсборо». Жоффрей де Пейрак вскарабкался на палубу, обернулся с выражением нескрываемой иронии на лице к маркизу, который, покачиваясь на волнах, стоял, задрав голову, с лицом счастливого и нетерпеливого младенца, и произнес:

— Если я вас правильно понял, вы хотели бы отправиться на шлюпке на судно, чтобы выручить шкатулку с письмами?

— Точно! Я хотел бы посостязаться с этими крепкими молодцами, которые нас сопровождают.

— Конечно!

... Пейрак отдал приказ матросам. Они развернули шлюпку и дружно заработали веслами. Пейрак засмеялся, глядя на удаляющуюся вторую шлюпку с маркизом де Виль д'Эвре. Румяное лицо маркиза излучало улыбку.

— Договорились. Вы мне даете полную свободу действий? — крикнул маркиз.

— Да, дорогой маркиз. Но без кровопускания. Пейрак продолжал смотреть на берег. Он взял подзорную трубу.

Был тихий час. Только что закончилась генеральная инспекция всех кораблей. Можно отдохнуть. Он мечтал о Ней, как путник в знойный день мечтает о тенистом дереве. В его тайной памяти наступали минуты, когда он как бы отправлялся в разведку в новую область, немного удаленную, немного опасную и пугающую.

«Нужно нам все-таки поближе познакомиться друг с другом, любовь моя... Время проходит, жизнь течет, а среди ее тягот и сокровищ, посланных мне, ты рядом, здесь. Ты вновь появилась. В моей памяти твое лицо проходит мимо и вновь возвращается в мою жизнь, как сон, украшенный наслаждениями и опьяняющий болью.

Любовь моя!» Он забавлялся, рассматривая большой дом на косогоре, где находилась Анжелика. Он радовался, как юноша, когда видел ее издали. Он любовался ее летящей походкой, грациозными движениями.

«Даже с такого далекого расстояния она может свести с ума мужчину. Зачем ей налаживать отношения с этим винокур-кюре? Чтобы улучшить водку Аристида! Ты не сомневаешься ни в чем, душечка! — Он усмехнулся про себя. — Тем не менее все возможно... Свет моей жизни, ты — моя».

Прошло некоторое время.

Виль д'Эвре должен был уже завершить свои высказанные и невысказанные проекты. Граф де Пейрак снова услышал его голос. Шлюпка уже вернулась.

— Он у меня! — кричал маркиз, держа в руках ящичек. — Видите, я знаю мир. Клео будет в восторге.

Пейрак слегка наклонился и увидел на дне лодки четыре бочонка. По правде говоря, это было для него неожиданностью.

— Что это такое? — спросил он, указывая на бочонки.

— Это?.. Но, дорогой друг, разве вы не дали мне свободу действий? И когда случайно я наткнулся на этот винный груз, я не смог оставить такой нектар в руках этих проходимцев. Жаль, что я не смог забрать все вино.

Помолчав, он добавил:

— Вообще-то вас обвиняют в стольких вещах, что немного больше, немного меньше уже ничего не изменит. А в ожидании обвинения мы потешим свою глотку. Что я должен делать с этими бочонками?

— Ну что ж, маркиз, один из них поднимите на мой корабль. Вечерком мы его откупорим и испробуем с друзьями. А остальные бочонки на «ваш» корабль.

— Граф! Вы самый надежный и самый экстравагантный друг! Я еще не встречал таких людей. Благодарю вас тысячу раз. Кстати, я застал Дюга в плачевном состоянии. От него осталась лишь тень. Говорят, что его отравили. Я думаю, что вы должны быть более снисходительны к нему. Кроме того, я заметил там одного дворянина приятной внешности, пытавшегося скрыться. Если это посланец короля, то не следует ли применить политику ослабленной узды? Позвольте ему завтра сойти на берег. Ведь «Сен-Жан-Баптист» не отправится в дальнейший путь прежде, чем мы получим сведения из Квебека. Завтра будет воскресенье.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПОСЛАННИК КОРОЛЯ

Глава 1

Анжелика увидела, как стремительно граф де Пейрак промчался по палубе, перескакивая через ступеньки лестницы. Сюда, на полуют, к нему собрались люди: граф д'Урвилль, капитан, Ванно, Виль д'Эвре и другие. Граф направил подзорную трубу на «Сен-Жан-Баптист».

— Что там происходит? — спросила Анжелика. Виль д'Эвре бросил ей:

— Онорина на борту...

— На каком борту?

— «Сен-Жан-Баптиста».

Анжелика, в свою очередь, перелетела через мостик и оказалась в группе окружавших графа де Пейрака людей. Пейрак опустил подзорную трубу.

— Несомненно, это она. Она на борту корабля. Взгляните!

В увеличительные линзы Анжелика рассматривала корабль по частям. Она различила беспорядочно сваленные грузы, отдаленные силуэты каких-то людей, шляпы с перьями, принадлежащие, видимо, офицерам

эскорта посланника короля. Затем среди них... Вне всякого сомнения:

— Это она! Это она! Я узнаю ее зеленый капор. Сегодня утром я надела ей этот капор, когда мы ходили на прогулку.

Ошеломленная Анжелика уронила руки.

— Ее похитили, — сказал кто-то.

В то утро было воскресенье. Все экипажи кораблей де Пейрака были в церкви, на мессе. Туда же были приглашены пассажиры с «Сен-Жан-Баптиста». Нигде не было видно посланника короля. Правда, некоторые пассажиры, спасаясь от холода, завернулись наглухо в манто и до самого носа нахлобучили высокие шапки, так что их лица было трудно рассмотреть. Жители поселка, индейцы и охотники, спустившиеся с гор, образовали огромную толпу, которая хлынула в маленькую часовню, чей колокол призывно звучал в морозном воздухе.

В полдень состоялась процессия. Онорине позволили снять капор. Анжелика отпустила детей на попечение их обычных гувернеров. На берегу развлекались стар и млад. Дружное веселье охватило всех, особенно когда Жоффрей де Пейрак велел раздать населению плетенки табака, стеклянные стаканы и искусственный жемчуг, которым индейцы украшала свою праздничную одежду. Анжелика вернулась на «Голдсборо», чтобы сменить туалет и немного отдохнуть.

Туда и сюда быстро проплывали ялики, барки, каное, перевозя людей с кораблей и обратно.

В тот момент, когда Анжелика готовилась отправиться на берег, она заметила волнение на корабле и услышала, как Виль д'Эвре крикнул ей: «Онорина на борту!»

Онорина на борту «Сен-Жан-Баптиста»! Ее похитил разбойничий экипаж!

Граф де Пейрак снова взял подзорную трубу и начал внимательно всматриваться.

— Я узнаю Иоланду, она только что появилась. Она солидная женщина, ее можно увидеть и невооруженным глазом. А голубое пятно рядом с ней — это Адемар. Керубино, наверное, тоже там, но его скрывает высокий борт балюстрады.

— Мой сын попал в руки бандитов! — воскликнул Виль д'Эвре. — Мы погибли. Зачем, граф, вы вчера их ограбили, отобрав бургундские вина? Теперь они нам ответят сторицей!

Интендант Карлон вмешался в их разговор:

— Дорогой мой, напоминаю, что вина грабили вы, а не граф. Я слышал, как вы говорили о своей добыче. Несмотря на мои рекомендации...

— Конечно! Но не следовало разрешать им сходить на берег.

— О, маркиз! Я своими ушами слышал, как вы советовали графу применить политику ослабленной узды...

— Граф де Пейрак мог бы меня и не послушать.

— Прекратите дискуссию, — сказал Пейрак, — зло совершилось. Нужно принимать меры. Мсье Карлон, вы как интендант Новой Франции можете оказаться мне полезным.

— Я в вашем распоряжении, — заявил королевский чиновник. Его тон выражал искреннее расположение. Было видно, что он по-настоящему тревожится о детях, Это взволновало Анжелику. В этот момент ее симпатии склонились на его сторону.

— Они ни за что не позволят нам подняться на их корабль, а детей используют как заложников, — сказал Виль д'Эвре. — Несчастные наши малыши! С нас потребуют кошмарный выкуп. Я знаю этого Дюга! Он способен на все. Где же они? Боже мой, их не видно!

Анжелика отобрала у маркиза подозрную трубу и подтвердила, что группа, которую они только что видели, исчезла. Палуба была пуста.

— Они их бросили в воду! — закричал Виль д'Эвре. Он начал снимать с себя редингот (длинный сюртук особого покроя), намереваясь броситься в воду в коротких брюках и жилете. Его удержали.

— Успокойтесь, — сказал граф. — Мы сейчас спустим на воду шлюпку. На ней мы доберемся до судна быстрее, чем вплавь. Пожалуйста, маркиз, не теряйте хладнокровия.

Он быстро сложил свою подозрную трубу и, сопровождаемый всеми, устремился к шлюпке, которую уже отвязывали матросы. К счастью, одна шлюпка осталась на корабле, остальные увезли людей на праздник.

Анжелика возблагодарила небеса за то, что Жоффрей никогда не забывал позаботиться, чтобы с берегом постоянно поддерживалась связь. Здесь он был неумолим. Даже в этот день, полный счастливой сумятицы, когда всеобщая недоверчивость несколько ослабла и на борту «Голдсборо», где обыкновенно поддерживался самый суровый порядок, в действиях матросов появилась некоторая расхлябанность.

Вот этим-то явно воспользовались на «Сен-Жан-Баптисте», решившись на подлое похищение. Первым, как позднее выяснила Анжелика, заметил это Жоффрей. Ему что-то на палубе «Сен-Жан-Баптиста» показалось ему подозрительным.

Виль д'Эвре разговаривал сам с собой, спускаясь в шлюпку по веревочной лестнице: «Я сошлю их на галеры, я велю их расстрелять. Напасть на моего сына! Они потребуют от меня все мое состояние... Тем хуже, я заплачу, но пусть они берегутся!»

Анжелика пыталась не сойти с ума. «Сен-Жан-Баптист» окружен хорошо вооруженным флотом. Они

не решатся на крайние меры. Но как же все это произошло? К каким уверткам они прибегли, чтобы выкрасть двух детей, которых всегда предупреждали о недоверии к чужим людям. И при детях были опекавшие их Иоланда и Адемар! Может, они применили насилие? Но по отношению к Иоланде это невероятно. У этого голодающего экипажа не хватит сил, чтобы погрузить насильно Иоланду на судно. Тогда?.. Не все ли равно. Будет еще время поговорить об этом, если мы найдем их целыми и невредимыми.

Анжелика увидела, что Пейрак взял свою охрану. Все матросы были хорошо вооружены. Он обернулся к ней:

— Я отправляюсь первый.

— Я хочу вас сопровождать.

— Будьте терпеливы. Нельзя, чтобы мы вместе оказались во власти бандитов. Если дело обернется неудачно, вы немедленно последуете за мной. Я послал сигнал на берег, чтобы все шлюпки немедленно собрались к «Голдсборо». На одной из них приплывете и вы с д'Урвиллем и его людьми. Захватите пистолеты для себя и для маркиза. Кроме того, на берегу объявлена тревога. Все люди с «Сен-Жан-Баптиста» окружены и не смогут явиться на борт своего корабля.

— Может, они предусмотрели и это? А вдруг они все уже на борту и собираются отчалить? — вопрошал маркиз Виль д'Эвре, выхватив из рук графа д'Урвилля подозрительную трубу и следя за эволюциями на подозрительном судне. — Кажется, там что-то происходит... на носовых шканцах... Посмотрите!

— Эта старая развалина не может вот так просто улизнуть у нас из-под носа... Прошу вас, маркиз, не предавайтесь панике раньше времени: нам нужно сосредоточить наши усилия.

Жофfrey де Пейрак говорил спокойно.

«Но он всегда спокоен, когда дела плохи», — сказала себе Анжелика, вспомнив безмятежность Жоффрея перед фортом Катарунк, где его окружали с воплями ирокезы.

Она, должно быть, была мертвенно-бледной, граф положил ей ладонь на запястье. Это пожатие сообщило ей уверенность.

— Терпение, дорогая! Вы сразу же последуете за мной, и мы вместе сумеем показать бандитам, что их удар был плохо рассчитан. Но они не должны почувствовать, как глубоко они ранили нас.

Слабая улыбка промелькнула по ее лицу.

— Я понимаю вас. Я готова.

— Смелее! — повторил он. — Мне нужны вы и ваше хладнокровие. Ведь когда речь идет о вашей дочери, вы проявите его не меньше, чем в тот вечер, когда речь шла о жизни вашего мужа?

— Нет, — пробормотала она. — Но... она... она... такая маленькая.

Она увидела, как исказилось лицо Жоффрея, и поняла, как он волнуется за судьбу их дорогого ребенка. Он резко повернулся и, сдвинув брови, стал спускаться в лодку. Где-то в стороне слышались команды.

— Подождите! Внимание!

Одну пушку повернули в сторону «Сен-Жан-Баптиста», другую направили на берег.

И вот снова стали ясно видны вдали цветные пятна: капоры детей, белый чепец Иоланды, Адемар. Когда шлюпка приблизилась к кораблю, все подошли к борту.

— Они принесут нам их тела, — простонал Виль д'Эвре.

— Но нет, я хорошо вижу, что они живы, — сказала Анжелика, внимательно следившая за приближением шлюпки к чужому кораблю.

Тиски, сжимавшие ее сердце, начали отпускать его.

Все это было странно. Насколько можно было рассмотреть с такой дистанции, пассажиры не чувствовали себя заключенными, они не боялись опасности.

Шлюпка, приняв пассажиров, повернула обратно. Казалось, что люди возвращаются после праздничной прогулки. Видно было, как Онорина и Керубино плещутся в воде и это их очень забавляет. А Иоланда и Адемар по привычке болтают с экипажем.

— Кнотом бы исхлестать этих медлительных гребцов, — потерял терпение Виль д'Эвре. — Они гребут, как будто отправились на прогулку по озеру. Они не отдают себе отчета, что мы здесь умираем от беспокойства. — Однако он поднялся на палубу.

Каждый успокоился, видя, как шлюпка приблизилась к кораблю. Но в родительском сердце беспокойство сменилось яростью.

Онорина и Керубино вскарабкались на палубу, навстречу им подали дрожащие руки. Физиономии ожидавших их людей говорили, что наступил серьезный момент. Онорину это несколько не встревожило. Она знала, что ее авторитет больше, чем авторитет Иоланды и Адемара. Кстати, они тоже появились на палубе и, понимая, что им достанется за промах, обменялись тревожными взглядами.

— Откуда вы являетесь, мадемуазель? — обратился де Пейрак к Онорине.

Та взглянула на него снисходительно. Вопрос показался ей праздным — ведь он должен знать, что она прибыла с «Сен-Жан-Баптиста», и потом, все ведь наблюдали за ними в подзорную трубу. Онорина уже заметила, что взрослые люди любят подчеркивать очевидное, с другой стороны, она знала, что никто на борту, включая и ее, не смеет прекословить хозяину флота, графу де Пейраку. Поэтому легким жестом она указала на чужой корабль.

— С корабля «Сен-Жан-Баптист», — повторил де Пейрак. — Можете ли вы объяснить мне, из каких соображений допустили вы эту неосторожность, поднялись на борт этого корабля без нашего разрешения?

— Потому что я была приглашена туда на легкий завтрак.

— В самом деле? Кем?

— Одним из моих друзей, — с гордостью заявила она. Она была настолько забавной, подчеркивая свою обиду, что Пейрак не удержался от улыбки. Потом поднял девочку и крепко прижал ее к груди.

— Золотце мое, — сказал он прерывающимся голосом, — но какая неосторожность! Ведь могли же вы сообразить, прежде чем принимать приглашение, что мы имеем врагов на этом корабле и что они могли бы отомстить мне, причинив вред вам. Вы доставили вашей матери и мне смертельную тревогу.

Онорина удивленно посмотрела на него.

— Значит, это правда! — воскликнула она. — Ты боялся за меня?

— Конечно, мадемуазель. Ах, пожалуйста, больше никогда не повторяйте такого! Знайте, что если с вами случится несчастье, мое сердце будет разбито.

Никакие другие слова не могли привести Онорину в большой восторг. Она пристально посмотрела в глаза де Пейрака, чтобы увериться в его искренности, затем обняла его своими маленькими ручками, прижавшись щекой к его щеке со шрамом, и горячо зашептала:

— Извините меня, отец, извините меня!

Керубино, видя, что Онорине открыли объятия и что все налаживается наилучшим образом, бросился к Анжелике. Ей не оставалось ничего другого, как обнять этого бедного человека и подарить ему поцелуй прощения.

— Просите прощения у вашего отца, — сказала она ему, подталкивая к маркизу, который плакал как ребенок, переживая запоздалый страх.

Никогда до этого дня он не понимал, насколько дорого ему это маленькое существо. Керубино был готов обнять весь мир, хотя он не очень-то понимал смысл происходящего, но радовался от всего сердца. Это лучше, чем вызывать на себя брань.

— Мсье Виль д'Эвре готов был отправиться за вами вплавь, без лодки, — сказала Анжелика Онорине.

— Правда? — воскликнула юная мадемуазель, все больше и больше восхищаясь.

Она выскользнула из рук де Пейрака, чтобы обнять Виль д'Эвре, затем подходила поочередно ко всем собравшимся, убеждаясь, как велик был страх за их жизнь.

Анжелика улыбнулась Пейраку:

— Вы любите ее больше, чем меня.

— Она такая женственная, — сказал он, опустив голову. — Она чарует мое сердце.

Он взял руку Анжелики и поцеловал ее.

— В ее лице вы подарили мне восхитительное сокровище, А теперь примите вновь мое сердце.

— Да, я принимаю его, — прошептала она.

Наконец она почувствовала, что кровь ее снова пришла в движение ж она овладела собой.

— Сначала я хотела бы задать вопрос этим двум фанфаронам, — направились она к Иоланде и Адемару.

— Вы что, оба потеряли голову? Почему вы спокойно направились на «Сен-Жан-Баптист»? Разве вы не знали, что капитан этого корабля наш враг? Три дня тому назад он собирался утонуть Жюльенну и Аристида, а сегодня вы соглашаетесь позавтракать у него.

— Да, мадам, вы правы, — зарыдала Иоланда, закрываясь своим фартуком. — Побейте меня. Я этого заслуживаю сто раз!

— Да, мадам графиня, побейте нас, — напрашивался Адемар, подставляя щеку. — Я — дурак. Я совсем не подумал... Этот дворянин производил впечатление честного человека.

— Какой дворянин?

— Не браните мою Иоланду, — вмешалась в разговор Онорина, желая помочь своим фаворитам. — Это я так захотела.

— Это не оправдание, — запротестовала Анжелика. — Если вы, взрослые простофили, позволяете, чтобы дети обвели вас вокруг пальца, значит, от вас можно ждать еще более худшего. Где Эббиэл Нильс? — забеспокоилась Анжелика, заметив отсутствие маленького шведа, который обычно был верным спутником детей. — Разве его задержали на борту «Сен-Жан-Баптиста»?

— Нет, — пояснила Онорина, — этот дурачок не пошел с нами.

— Нет, это он — умница! Знайте, мадемуазель, я хотела бы, чтобы и вы была такой же рассудительной, как он. Я убеждена, что он даже отговаривал вас принимать это приглашение, а вы наплевали на его советы. За свое огорчение он будет вознагражден, а вы будете наказаны.

Онорина опустила голову. Она знала, что Анжелику не так легко обезоружить, как Жоффрея де Пейрака. Она вздохнула и начала шарить в кармане своей юбки.

Анжелика вновь обратилась к Иоланде и Адемару:

— Объясните. Я хочу точно знать, что именно произошло и как вы попали на тот корабль?

Иоланда в знак раскаяния опустилась на колени, Адемар из солидарности последовал ее примеру. Он сбивчиво начал рассказывать, как они засмотрелась на торговлю мехами, Иоланда готова была даже продать свои коралловые серьги, которые ее бабушка привезла из провинции Ниверне; Иоланда мечтала блистать в них

в Квебеке. Адемар тоже торговался и предлагал коробку пороха. Пока они торговались, Онорина исчезла. Они бросились на поиски и застали ее за серьезной беседой с дворянином из числа путешественников, сошедших на берег с «Сен-Жан-Баптиста».

— Мы не можем здесь всем доверять, — упрекнула ее Анжелика. — Тадуссак сегодня полон всяких проходимцев.

— Мой друг не из их числа! — заявила Онорина. — Ты слишком мала, чтобы решать это.

— Правда, этот дворянин имеет вид честного человека, — подтвердила Иоланда.

— Конечно, иначе бы вы не были сейчас здесь. Но кто же это был? Пассажир, ищущий развлечений?.. Однако почему же наши дети? Что ты хочешь, Онорина? Что это?

Онорина перестала наконец рыться в кармане. Выпрямившись, глядя вдаль с отрешенным видом, она протянула матери большой конверт с красной печатью.

— Что это? — повторила Анжелика.

— Это тебе, — ответила Онорина с безразличным видом. Анжелика схватила конверт из белой бумаги. В центре и на углах были восковые печати с гербом, на конверте — девиз на латинском языке. Конверт перевязан красной ленточкой. Это было довольно внушительно.

Анжелика повертела конверт в руках, но не увидела на нем никакого имени. Она с подозрением посмотрела на Онорину.

— Где ты это взяла? Кто тебе дал?

— Мой друг, благородный мессир.

— Он дал тебе этот конверт?

— Да. Да, мама, — повторила Онорина со вздохом и добавила, помолчав: — Он видел вас сегодня во время процессии.

Анжелика решилась развязать ленту и вскрыть конверт. Воск был мягким, значит, печати были наложены недавно. Она развернула лист, исписанный крупным торопливым почерком, кое-где виднелись кляксы. Видно было, что у того, кто писал, не было времени хорошо промокнуть написанное. Она начала читать вслух:

«О, красивейшая из всех женщин!..» Она остановилась.

— Обещающее начало, — сказал маркиз, приближаясь вплотную.

— И довольно-таки вольное, — заметил Карлон. — Попахивает неуважением.

— Кончайте ваши невежливые нотации, — заметил Виль д'Эвре, заглядывая через плечо Анжелики на письмо и пытаясь его прочесть. У Виль д'Эвре было хорошее зрение, и он начал связывать по слогам слова:

«Воспоминание о вас... О ваших восхитительных губах, об их волнующих поцелуях, о вашем теле богини, о ваших несравненных прелестях не перестают волновать меня, несмотря на цепь прошедших лет. Сверкающие во тьме ваши изумрудные глаза незабываемы...»

Виль д'Эвре облизнулся.

— Несомненно, дорогая, это письмо адресовано вам.

Все остальные, сдерживая усмешку, обменялись понимающими взглядами. Красота мадам де Пейрак была создана для того, чтобы вызывать конфликты, драмы, разжигать страсти.

К этому уже стали привыкать и даже испытывать своего рода горделивое удовлетворение. Опыт подсказывал, что под любыми небесами ее появление вносило нечто непредсказуемое. Никто тогда не мог предвидеть, что случится там, куда она обратит свой взор. Жизнь начинала походить на театральное представление.

Сбитая с толку Анжелика подняла глаза к Жоффрею де Пейраку:

— Я здесь ничего не понимаю. Это послание адресовано кому-то другому. Здесь ошибка.

— Изумрудные глаза... — подчеркнул Виль д'Эвре. — Вы считаете, что это часто встречающийся цвет?

Она пожала плечами.

— Так вы говорите, он видел меня во время процессии... Это, без сомнения, какой-то сумасшедший...

— Я думаю, скорее это один из ваших старинных поклонников, — прервал ее Пейрак, хладнокровно воспринимая случившееся. — Он увидел вас во время мессы и узнал. Теперь нужно ожидать подобных сюрпризов в Новой Франции.

Он отвел Анжелику в сторону и стал внимательно рассматривать печати.

— Мы будем иметь дело с таинственным посланником короля, что меня совсем не удивляет. Bravo! Вы заставите его выбраться из норы.

Глаза Анжелики забежали по строчкам, но остальные буквы были затушеваны печатью. Из всего имени она смогла только различить растерзанную букву N. После тщетных усилий она возразила:

— Я абсолютно не понимаю, о ком идет речь.

— В самом деле? У вас нет никакой идеи?

— Никакой! Я повторяю, что этот дворянин путает меня с кем-то.

— Нет! Виль д'Эвре прав. Изумрудные глаза — это улика. Я знаю, что при дворе они были известны и не имели соперников.

Анжелика напрягла память. Она увидела водоворот лиц: зеркальная галерея, щеголеватые заискивающие сеньоры, их улыбки, прикосновение рук, старающихся остановить веер, нежные взоры...

— А эти незабываемые поцелуи? — настаивал Пейрак. Огонек иронии светился в его взгляде, но, казалось, граф забавляется.

— Нет, я не знаю.

— Значит, был большой выбор? — спросил он смеясь. — И есть еще другие фавориты, которые могут говорить о вашем теле богини?

— Это пустая похвальба.

Она с раздражением вновь принялась за чтение. Кем бы ни был этот давний поклонник, письмо он нацарапал, как курица лапой. Казалось, волнение мешало ему управлять пером.

«Меня охватила безграничная радость, когда я увидел вас близко. Я надеюсь, что вы не будете ко мне так жестоки, как в прошлом, и соизволите вспомнить обо мне. Если вы сможете улизнуть от вашего хозяина, знайте, что я буду ждать вас сегодня вечером за складом, который находится в отдалении, на тропинке, ведущей к поселку индейцев. Не огорчайте меня. Целую ваши руки».

— Вот дошли и до рандеву, — заметил граф. — Конечно, вы пойдете!

— Нет! А если это западня?

— Мы расстроим планы врага. Во-первых, вы будете хорошо вооружены. Во-вторых, мы будем поблизости под покровом ночи и по малейшему сигналу придем на помощь.

Он подал знак Иоланде и Адемару, и те робко приблизились к нему.

— Вы не слышали имени этого дворянина? Какова его внешность?

— Ей-богу, это красивый мужчина, — сказала Иоланда. — Солидный сеньор. Но он не назвал нам своего имени, а мы не спросили. Он любезно пригласил вас сопровождать его, и мы согласились.

Анжелика попыталась узнать его имя от Онорины.

— Не назвал ли своего имени этот дворянин, когда передавал тебе письмо для меня?

Но Онорина казалась рассерженной. Она притворилась, что ничего не слышит. Она нашла в углу свою шкатулку с драгоценностями, уселась на пол и стала перебирать свои любимые безделушки с таким видом, будто ничто другое ее не касается. Время от времени она подносила к глазам Анжелики какую-нибудь вещичку с наивной улыбкой: «Посмотри, мама, как это красиво!»

— Она насмехается надо мной! — сказала Анжелика. — Потому что я ее побранила, вместо того чтобы поздравить ее с удачной шалостью.

Она оставила ребенка в покое.

— Неважно! Ведь вы можете узнать имя этого человека, встретившись с ним. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь в том, что дворянин, сделавший вам такое пылкое заявление, и есть таинственный представитель короля. Важно то, кого вы узнаете в нем.

Анжелика вновь посмотрела на письмо, которое она комкала в руках.

«Ваши поцелуи...»

Какие поцелуи? Какие губы прикасались к ее губам?

Она помнила только губы короля в прохладной тени парка. Еще Филиппа, ее второго мужа. Но Филипп умер. Тогда кто же другой? Могла ли она целовать человека, не зная его? Она оглядела окружающую ее чужую местность, ее задумчивый взгляд скользнул по берегу, где из труб поднимался дымок. Бесконечное чужое небо простерлось над лесами. Молчаливые горы. Было странно сознавать, что весь этот необычный мир доносит ей эхо ее безумной и чудесной жизни в Версале.

— Посмотри, мама, как красиво! — воскликнула Онорина, показывая ей золотую погремущку.

Глава 2

Обойдя поселок, Анжелика пошла по дороге к постройке, указанной в письме. Виль д'Эвре говорил, что этот склад принадлежит высокопоставленному чиновнику из Монреаля. Карлон же уверял, что склад принадлежал иезуитам. Склад находился поодаль от других построек. Наступил вечер. Тадуссак обволакивался туманом, который поднимался от реки. К нему примешивался серый дым из печных труб. В домиках зажигали огни. Свернув в сторону, Анжелика погрузилась в темноту.

Начиналась ночь. Уже нельзя было различить ни леса, ни реки — все слилось с небом. Туман густел. На Анжелике была длинная темная накидка из грубой пряжи, на голову она накинула капюшон. Темный цвет одежды сливался с сумерками.

Шагая быстро, она продолжала вспоминать. В памяти всплывали имена и лица придворных: Бриен, Кавуа. Разве могла она верить, что хоть один из них действительно любил ее? Все было возможно; в Версале не тратили время на ухаживание.

Дорога оборвалась, но это не обеспокоило Анжелику. Она была вооружена, как ей посоветовал Жоффрей, и она знала, что при малейшей тревоге ей придут на помощь. Но Анжелика чувствовала, что эти предосторожности были лишними. По мере того, как она продвигалась вперед, в ней нарастало любопытство и желание вновь встретить человека, который знал ее когда-то давно такой, какой она была при дворе короля. Тогда она была совсем не такой женщиной, как теперь. Постепенно приближаясь к Квебеку, она испытывала потребность пересмотреть свой жизненный путь в прошлом. Увы, один персонаж уже исчез — мадам дю Плесси-Белльер. Она с трудом вспомнила, что она была женщиной, за которой наперебой ухаживали знатные кавалеры: она была любима Филиппом, желанной для

короля, царила на праздниках Версаля. Этот славный призрак исчез. Его поглотила ночь ужасной резни в замке дю Плесси. В памяти остались тьма и пламя пожара.

Это было не так давно. Каких-нибудь шесть лет отделяет ее от того времени, когда король написал ей: «Милочка, незабываемая, не будьте жестоки!»

В этот вечер ее сердце трепетало не от предчувствия встречи со свидетелем ее прошлой жизни, а скорее из боязни пробудить старые страдания и радости, от которых она старалась избавиться. Она забыла, что находится в Канаде.

Отдавшись на волю воспоминаний, встававших перец ней, она спешила не на встречу с незнакомцем, а на свидание с самой собою: ей казалось, что настало время вновь соединить какие-то порванные нити, извлечь нечто спрятанное глубоко в тайниках ее души.

Когда внизу появилась темная масса склада, Анжелика остановилась. Густой запах леса стиснул горло, и она положила руку на грудь, чтобы успокоить сердце. Затем, собрав все свое мужество, Анжелика побежала к зданию и, не переводя дыхания, повернула за угол. Здесь уже был кто-то. Его слабо освещал неверный свет луны.

Анжелика испытала шок: «Это Филипп». Но в то же время она знала, что это невозможно, потому что Филипп мертв, «голову снесло ядром». Однако в силуэте человека, стоящего на холмике, было что-то, напоминающее ее второго мужа, маркиза дю Плесси-Белльер: посадка головы, несколько театральная осанка. На пляже зажгли огни. Их отдаленный свет помог Анжелике разглядеть вышивку на одежде мужчины. На нем было манто с высоким воротником. Воротник был украшен блестящей вышивкой, завязан золотым шнуром с кисточками. Блестели также застежки кожаных башмаков на высоких каблуках.

Широким жестом он поднес руку к шляпе с перьями и склонился в глубоком поклоне, как было принято при Дворе... Когда он выпрямился, Анжелика различила приятные мягкие черты лица. Действительно, лицо его было знакомо. Он не носил парика, так как обладал густой волнистой шевелюрой каштанового цвета. Он показался ей красивым, в расцвете сил. Мужчина улыбался:

— Так это вы?! — воскликнул он дрожащим от волнения голосом. — Анжелика, любовь моя! Я вижу, как вы приближаетесь, словно эльф, легкой походкой... Вы все та же, восхитительная!..

— Мсье, откуда вы меня знаете?

— Как, ваши воспоминания не пробудились?

— Нет, уверяю вас.

— Ах, вы все такая же жестокая! Ах, какой удар! Но это же вы, всегда безразличная к моим мукам. Ваше равнодушие для меня все равно, что удар кинжала в сердце. Ну посмотрите же на меня хорошенько!

Он приблизился, отыскивая освещенное место. Это был человек невысокого роста, но все же выше Анжелики. Элегантный, светский, с изящными манерами и несколько меланхоличным взглядом.

Он вновь склонил голову.

— Какая досада! Вот и весь след, что я оставил в вашей памяти. Конечно, я не мог ожидать от вас большего. Я питал к вам такую глубокую страсть в течение долгих лет. Я хотел убедиться, что хоть на один миг вы поймете меня и разделите мою любовь. Одна эта мысль помогала мне переживать разлуку с вами. Я вновь вспоминал ваши слова, сказанные мне, выражение вашего лица. Я пытался угадать смысл ваших улыбок, недомолвок. Мне казалось, что все-таки вы меня немного полюбили, но скрываете это из-за стыда. Что ж? Я должен разочароваться и еще раз

утратить свои иллюзии. Это факт. Вы меня никогда не любили.

— Я огорчена, мсье.

— Нет, нет! Вы не виноваты. Увы, сердцу не прикажешь. — Он вздохнул. — Значит, даже мое имя вам ничего не говорит...

— Но я его не знаю.

— Как? А письмо, которое я послал вам?

— Я не смогла разобрать ваш почерк, — воскликнула Анжелика. — Мессир, не обижайтесь, но вы пишете ужасно.

— Это так! Вы меня утешили.

Он обрадовано поднялся, взял ее руку и поднес к своим губам.

— Извините меня. Любой пустяк, исходящий от вас, может воскресить меня, а может и убить. Меня переполняет счастье этого момента. Вы здесь, живая... Или это сон... — Он снова поцеловал ее руку.

Анжелика все больше и больше убеждалась в том, что хорошо знает этого человека, но никак не могла подобрать имя к этому лицу.

— Где я могла вас раньше встречать? Может быть, при дворе? В окружении короля?

Он даже икнул и отступил на шаг.

— При дворе? — повторил он и изумленно открыл глаза. — Я мог бы встретить вас при дворе?

И вдруг его интонации что-то напомнили ей. Это было неожиданно, как удар молнии. Конечно же, она видела его раньше. И слышала... Но где? Где это было?

Он заметил, что она вот-вот его узнает. Его лицо просветлело. Он протянул к ней руку и коснулся ее лица.

— Помогите мне, — взмолилась Анжелика. — Где же мы встречались, когда? Давно? Мне кажется, что это было не так давно.

— Два года!

Два года! (Но тогда они познакомились не в Версале...) Два года! Ла-Рошель!

— Мсье де Бардань! — воскликнула она, узнав наконец лейтенанта, наместника короля, который в то время был губернатором города, хозяином этой гугенотской крепости. Он тогда был занят главным образом обращением гугенотов в католиков.

— Уф! Это уже неплохо, — сказал он с облегчением. Ла-Рошель! Это меняет все. Речь идет не о придворном куртизане, который видел ее в полном блеске. Напротив. Она предпочитает это.

— Мсье де Бардань, — повторила она, очень довольная. — О, как я счастлива вновь увидеть вас. Я сохранила добрую память о вас.

— Что-то незаметно.

— Это и ваша ошибка, — упрекнула она. — Вы приняли такой строгий и серьезный вид. А я помню вас как человека веселого, улыбчивого. И потом, разве вы не носили тогда усы?

— Я сбросил их. Это сейчас не модно.

Она рассматривала его лицо с возрастающим удовольствием. Нет, он не изменился. Ла-Рошель! Нахлынули воспоминания. Мсье де Бардань в карете, спешит проводить ее, несмотря на бедную одежду служанки. Мсье де Бардань в маске и в темном мантио встречает ее на пути из прачечной, откуда Анжелика несет огромную корзину с бельем.

— Вот почему Онорина сказала, что вы — ее друг.

— Она сразу узнала меня, чудесный ребенок! Когда я увидел ее в полдень на берегу, среди канадских ребятишек, я подумал, что упаду в обморок от неожиданной радости. Я подошел к ней, не веря своим глазам, но она радостно меня встретила, как будто мы расстались только вчера.

— Теперь я понимаю, почему она совала мне под нос золотую погремушку, маленькая плутовка. Это вы

подарили ей когда-то.

— Да, в самом деле. Вы же не захотели ее принять. Помните?

— Это была слишком дорогая вещь для персоны в моем положении.

— Вы вообще не желали ничего принимать, моя драгоценная, — вздохнул он.

Он с нежностью взглянул на нее. Непроизвольно они взялись за руки, ища в глазах друг друга отражение прошлого.

— Я счастлива, искренне счастлива, что вновь вижу вас, — утверждала она. — Ну, улыбнитесь же мне, мсье де Бардань, чтобы я вас узнала.

— Да, моя прелестная служанка!

Они улыбнулись и, повинувшись порыву, обнялись. Губы мсье де Барданя соединились с губами Анжелики. Это был скорее дружественный, чем чувственный поцелуй.

За два истекших года Анжелика совершенно забыла мсье де Барданя. Но при виде его она вспомнила их добрые взаимоотношения, его обходительность, любезность. Это скрашивало драматическую обстановку ее жизни в Ла-Рошели. Он был королевским лейтенантом, губернатором, хозяином города, самым главным человеком в городе, а она — несчастной женщиной на самом низу общественной лестницы. Он и не знал, что за ее голову была назначена крупная цена. Она сама по себе привлекла его внимание, а он был от нее без ума. Он отчаянно ухаживал за ней. Не мог допустить мысли, что эта бедная служанка не покорится знакам почтения наместника короля. Несмотря на свое высокое положение, он готов был сбросить к ее ногам свое имя, свои титулы, состояние, так велико было желание, внушенное этой женщиной. Холодность и отказ Анжелики только усилили его страсть. И вот это снова начинается.

— Ах, — вздохнул он, прикасаясь к ее руке. — Это вы! Я вновь узнаю ваше прелестное лицо, ваши волнующие глаза, рисунок ваших губ, которые мне виделись во сне. Вы одна вызываете в моем сердце нежность, и я готов стать вашим рабом. Вы не изменились.

— О! Вы тем более. Вы тоже совсем не изменились, мсье де Бардань! Мне так кажется.

— Но в чем же заключается секрет вашего чарующего колдовства? Я воспламеняюсь от звуков вашего голоса. Такая любовь — это дар. Давайте же присядем, здесь есть скамья в тенистом уголке.

Они присели. Навес крыши укрыл их густой непроницаемой тенью и скрыл от любого взгляда, который мог бы понаблюдать за ними, спрятавшись среди кустов.

Прокричала ночная птица. Никола Бардань ласково обнял Анжелику за плечи. Их окутали складки манто. От него исходил запах пудры и аромат лилий. Можно было любоваться его элегантностью, если учесть, что Бардань проделал такой утомительный путь на этом судне «Сен-Жан-Баптист». Но он принадлежал к породе светских львов, которым так важно всегда выглядеть безукоризненно — в любое время и в любом месте, а особенно в присутствии прекрасного пола, — что это превращается в своего рода религиозный культ и неукоснительно исполняется несмотря ни на что.

— Однако я должен вас ненавидеть, — заговорил он после минуты молчания, как бы продолжая нить своих мыслей. — Потому что вы посмеялись надо мной. Вы обманули меня самым наглым образом. Вы превратили меня в посмешище. Хуже того, вы меня предали. Но что я могу поделать?!

Из-за вас я потерял голову, и в этот вечер я готов вам все простить. Возможно ли это? Но на этот раз я

выскажу все, я не боюсь больше обещаний, я заставлю вас заплатить.

— Тсс! Не кричите так громко. — Она огляделась вокруг и, как будто осознав, где она находится, воскликнула: — Мне пора идти!

— Как? Уже? Нет, это невозможно! Больше никогда я вас не отпущу. Скажите, вы всегда при вашем хозяине?

— Мой хозяин? — удивилась Анжелика, которую это слово удивило еще в письме.

— Да, этот коммерсант Берн, надменный упрямец, который ревниво охранял вас в своем доме, тогда как я не мог даже приблизиться к вам. Это следуя за ним вы появились в Канаде?

— В Канаде?! — воскликнула она. — Какой-то гугенот? Зачем вы здесь? Вы теряете рассудок, мсье королевский лейтенант. Кто поверит, что вы уполномочены заниматься делами реформистской церкви? Ну посудите сами. Мы в Новой Франции, мессир. Это ультракатолическая страна, куда полиция может протянуть свою руку, как и в Ла-Рошель. Эта страна не может служить убежищем для отъявленных гугенотов, скрывающихся от бдительных стражей короля.

— Это правда! Где же моя голова? Вы заставляете меня молоть чепуху. Это я таким становлюсь рядом с вами. Я занят только вашей персоной — так я рад нашей встрече! Однако я уже говорил, что должен был бы оттолкнуть вас, высечь, наказать. После всего того, что вы натворили!

Разве найдешь другую женщину, более скрытную, более изощренную на выдумки, чем вы, маленькая лицемерка, которая выдает мне заведомую ложь с ангельским взглядом?

Ну, да, мэтр Берн! Поговорим о нем. Отъявленный гугенот, говорите вы... Вы ему помогаете... на этот раз

вы в этом сознались... вы ему помогли бежать. Ведь это я представил вас ему как даму из Общества Святого Таинства, чтобы вы могли обратить в католичество его и всю его семью. Я вам верил и не обращал внимания на семью этого грешника. У меня была тысяча поводов, чтобы упрятать в тюрьму этого еретика. Ради вас я делал ему снисхождение. Я манкировал своим долгом, я — королевский лейтенант, губернатор Ла-Рошеля! Мне было поручено обращать гугенотов в нашу религию. Да, здорово вы мне помогли! О-ля-ля! Хорошенькое дельце!

Дрожа от возмущения, он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе, чтобы видеть ее глаза.

— Посмейте... посмейте сказать мне сегодня в лицо, что это неправда, что вы не лгали мне с хитростью ярмарочного зазывалы. Скажите, что это не вы, нисколько не заботясь о моей персоне, помогли бежать этому презренному безбожнику?!

Он дрожал от гнева и запоздалого унижения, а Анжелика, понимая его гнев и считая его справедливым, предпочитала хранить молчание.

Наконец он успокоился, напряженно всматриваясь в слабо освещенный овал лица женщины, обращенный к нему.

Он тяжело вздохнул и отпустил ее, откинувшись назад.

— Что делать? Перед вами я бессилен, — простонал он. — Конечно, я знал о ваших уловках, я проклинал вас, но это меня не успокаивало. Вы побыли рядом несколько минут — и я связан по рукам и ногам, я трусливо прощаю вам мой позор, разбитую карьеру, утрату доверия, всю мою жизнь, разрушенную по вашей вине.

— Как это — по моей вине?

— Конечно. Вы не помните? Я уехал в Париж с донесениями о делах Церкви. Я подготовил доклад о достижениях в деле обращения в католичество в Ла-

Рошели. Решил подчеркнуть, какая спокойная обстановка установилась в городе, где нет ни малейших волнений.

Вы же знаете, я стремился убедить, а не заставить, чурался насилия, не отступал даже перед долгими беседами на религиозные темы, как то рекомендовал мне мсье Фенелон. Я делал все, чтобы преодолеть ограниченность и упрямство тугодумов-протестантов, привести их к ожидаемому отречению от ложной веры. Я делал все, чтобы они пришли к этому по собственной воле и желанию. Я всегда стремился примирить неумолимые требования закона с понятными чаяниями этих семейств. Ведь вы помните, как я прекрасно уладил дело старого дядюшки Лазаря, тело которого намеревались волоком протащить по улицам всего города... Я избавил его от этого и надеялся, что семейство Бернов в благодарность проявит некоторую гибкость... Что бы там ни было, я вез утешительные вести и был, как я уже вам говорил, весьма доволен.

Однако в Париже меня приняли холодно. Причину этого я узнал, вернувшись в Ла-Рошель. Здесь меня ждал рассказ о мерзости и катастрофах, от которых волосы становились дыбом. Моя самая крупная дичь ускользнула. Отряд отборной стражи превращен в месиво, затоплен военный корабль, бесчисленные аресты и жалобы.

— Почему? По какой причине?

— Из-за этого затонувшего корабля... и еще потому, что арестовали мадам Демюри. Вы, конечно, помните эту католичку, которой Религиозное Бюро доверило воспитание детей Берна.

— А! Сестра мэтра Берна? И ее арестовали?

— Само собой разумеется! Она дала им возможность улизнуть и с кем? С вами, естественно. Вопреки своему обязательству обратить их в католичество она передала их вам. Уж не знаю, какой вашей выдумке она поверила

на этот раз, но вы горазды на выдумки. Она снова оказалась в очень затруднительном положении. Ее муж, являясь офицером королевского флота, занимал высокое положение в обществе, был фаворитом адмирала.

Арест этой несчастной наделал много шума. Что касается меня, то я нашел в этом прелестном городе, я которому я привык, где у меня были замечательные друзья, где я вел, может быть, благодаря гугенотам, интересную полноценную жизнь, где у меня были полезные обществу задачи и уважение — короче, я нашел опустошенную землю. Хуже того, я оказался обвиненным, осужденным, изгнанным. Бомье... Вы помните Бомье?

— Да, ужасный, гнусный инквизитор.

— Это так... Этот Бомье приготовил мне хорошенькую ловушку, в которой главным рычагом были вы.

— Снова я?

— Да, вы, маленькая недотрога; вы и ваши друзья из так называемой Реформистской церкви, вся верхушка Ла-Рошели, но не только опора сопротивления — гугеноты, но и ряд коммерсантов сбежали в Америку под носом у полиции! А ведь я обещал королю, что никто (слышите, никто) не пересечет границу.

Но это ничто по сравнению с ударом, который поразил меня лично. Исчезли вы, убежали вместе с ними. О! Какая рана!

Он замолчал, тяжело дыша. Затем мрачным тоном сделал заключение:

— Я был арестован. Я должен был отправиться на галеры. Я, королевский лейтенант, — на галеры! И вот как я этого избежал. Меня объявили соучастником, клятвопреступником, ренегатом. Бомье дошел до того, что назвал меня скрытым гугенотом. Меня, наследника благородной католической ветви герцогов Беррийских...

— Но это ужасно! Я... я глубоко удручена. Как же вы выбрались из этого осинового гнезда?

— Я воспользовался протекцией адъютанта мсье де Ла Рейни, лейтенанта королевской полиции. Это его правая рука. Этот полицейский находился в Ла-Рошели, когда я туда вернулся. Он сразу вник в это дело и, щадя мое самолюбие, велел тайно провезти меня через город в карете с зашторенными окнами.

И так как Анжелика пошевелилась, он сказал:

— Да. Вы уже догадались, о ком идет речь. Он вам знаком, этот полицейский, не так ли? Так назовите же мне его имя...

— Франсуа Дегре, — живо отозвалась она.

— Он самый. — Никола Бардань глубоко вздохнул, пытаясь сдержать свою ярость, но не смог. — Франсуа Дегре, конечно! А не можете ли вы мне сказать, что было между вами и этим мрачным притворщиком. Кажется, он знал вас очень хорошо?

— Мсье губернатор, пожалуйста, не начинайте ревновать!

— Как же я мог оставаться равнодушным, видя сардоническую улыбку этого самца, который хвастает своими победами. Он говорил о вас с обидной фамильярностью. Как будто бы вы ему принадлежали, как будто вам некого больше было любить и что только ему вы поверяли свои секреты. О, как мучительно было мне все это слышать!

— Но вы говорили, что он вам услужил?

— Да, без него я бы погиб! Бомье осудил меня беспощадно. Дегре спас меня от галер, а может быть, и от виселицы. Полиция у короля в чести. Она выполняет большую службу. Благодаря стараниям полиции Париж освободился от бродяг и воров. Но это дорого обходится правительству. Дегре не останавливается ни перед чем.

В прошлом году он арестовал одну очень знатную даму. Подозревали, что она отравила своего отца,

своего брата и часть своей семьи. Конечно, это занятие малопочтенное... Но при всем том, если высокое родство не может оградить вас от грязных когтей этих коршунов, чего стоит титул герцога или принца? Дегре использует любые средства, преследуя свою жертву. Его не удержат ни король, ни даже сам бог.

— Оравительница была осуждена?

— Да, король не пожелал считаться с тем, что она была дочерью советника государства. Король заявил, что перед законом все равны. Ей отрубила голову. Еще одна победа Дегре. Но если он зайдет далеко, пусть побережется!

Он снова сделал усилие, чтобы успокоиться.

— Знайте, что я также мог бы загнать его в угол. Было очевидно, что он сознательно дал вам упорхнуть. Да он едва ли это и скрывал. Бомье об этом не знал, а Дегре насмеялся над ним. Он смеялся и надо мной, когда я делал намеки на ваши отношения. Он знал, что я очень скомпрометирован, чтобы разыграть эту карту. Но я мог бы... Он это понял. Вы были между нами причиной подлостей и скачков в сторону, причиной нашей измены своим задачам, своему долгу.

Я попытался ему объяснить, какую власть вы имели надо мной и как внушенная вами страсть ввела меня в заблуждение и я потерял голову. Он засмеялся и сказал мне:

«Вы думаете, что вы — первый мужчина, которого она свела с ума и подтолкнула к виселице?»

Ах, я никогда не забуду отвратительную атмосферу сумрачного кабинета, где велись наши диалоги. В этом «Дворце Юстиции» Ла-Рошели мне пришлось вытерпеть муки перед лицом этого палача, который трепал и унижал ваше имя. Для меня вы стояли так высоко над всеми подобными типами, я боготворил вас. И тут постепенно я узнавал, что вы принадлежали этому бесчестному человеку. Я ужасно страдал, а

полицейского это забавляло. Я думал о том, что он обнимал вас своими руками, я смотрел с ненавистью на его вульгарный рот, которым он целовал ваши губы.

— У него не вульгарный рот, — возразила Анжелика.

Реплика повергла Никола де Барданя в состояние депрессии. Это был последний удар. Он приумолк. Потом продолжал:

— Хорошо, поскольку вы его защищаете, я на этом не настаиваю. Знайте только, что этот подлый человек заставил меня дорого заплатить за свою услугу. Он мне кое о чем поведал. И я знаю, что он был нрав. Вы относитесь к числу тех женщин, которых мужчина не может забыть. Вы — тайна... чудо... загадка... явление. Ожидание счастья. Женщина.

Он снова откинулся назад, опираясь на стенку хижины.

— Может, я вижу сон? Или это грезы? — прошептал он. — Где мы? На краю света. И вы здесь, рядом со мной, Я уже не надеялся увидеть вас вновь. Л вы появились среди этого ужасного пейзажа, в краю, где могли уже двадцать раз погибнуть. Может быть, это грезы? А может, я уже в самом деле умер?

Анжелика уже больше не могла слушать ни этих пылких заявлений, ни хаотичного и едкого рассказа. Она чувствовала, что пьяна от этих речей. Кроме того, он обрушил на нее массу образов, вызвал болезненные воспоминания о недавнем мятеже. Его рассказ о «Дворце Юстиции» напомнил и ей об этом тусклом дне, когда она была унижена, встревожена. Перед ней возник образ полицейского Франсуа Дегре с его горящими глазами, с его злой гримасой. Только ради нее смягчалось выражение его лица.

Она жалела Никола де Барданя. Для него подобная неблагодарность была ужасной, ведь он служил с рвением, рассчитывая на продвижение по службе.

— Успокойтесь! — сказала она ему громко. — Все это теперь далеко позади, моё бедный друг, самым сердечным образом прошу меня простить. Я счастлива видеть, что вы вновь поднялись на ноги и, мне кажется, заняли достойное место.

— Да, мне повезло. Я и не надеялся, что смогу продолжить свою карьеру в Канаде, но мне представился случай выполнить специальное поручение.

— Это снова связано с религией?

— И да, и нет. Речь идет не непосредственно о религиозных делах. Некоторые конфликты могут быть улажены на манер религиозных. Я согласился на эту функцию. Моя роль в Квебеке будет деликатной, но я получил и власть, и свободу вести игру по своему усмотрению.

— Вы и есть... тот высокий чиновник короля, плывущий на судне «Сен-Жан-Баптист», о котором говорили, что он болен?

— Как много болтунов в этих затерянных городишках! — усмехнулся он. — Да, это я, но тсс! — Он оглянулся кругом. — Желательно, чтобы никто не сомневался в важности моих функции.

— Почему же?

— Нас интересует этот пират Южных морей, который производил досмотр судна на рейде Тадуссака. Анжелика еле сдержалась.

— Вы говорите о том корсаре, что бросил якорь на рейде Тадуссака? О графе де Пейраке?

— Граф де Пейрак! Фу! Вы слишком почтительно говорите о нем. Для меня это — пират. Правда, жители колонии не считают пиратами тезе, кто является к ним о золотом. Меня об этом предупредили. Но кто бы он ни был, пират или дворянин, он очень опасен. Он и раньше интересовался моей персоной. Могу доверить вам тайну.

Он наклонился к ней и прошептал на ухо:
— Моя миссия касается его.

Глава 3

При этом признании сердце Анжелики сильно забилось. К счастью, посланец короля не мог видеть ее лица, которое внезапно побледнело.

— Случай, — продолжал он, — свел меня с ним в устье Сен-Лорана. В некотором смысле это позволит мне быстро выполнить мою миссию. Я этого не ожидал, так как звал, что он находится где-то на юге, в Акадии, Я решил направиться в Квебек, чтобы вместе с губернатором Новой Франции обсудить план кампании. И о чудо! Он уже здесь и в нашей власти. Скажу вам, что я испытал приятное волнение, узнав, что корабли, которые преградила нам путь в Сен-Лоране, принадлежат как раз ему. Если бы он знал о моем приезде, то обязательно взял бы меня в плен. Но он ничего не знает, да иначе и не может быть. Он не подозревает о моем приезде. Дело решилось очень быстро и держится в большом секрете.

Он не подозревает, что я уже слышал о нем. Еще до нашего пленения в Тадуссаке я раздал золото команде, чтобы они — капитан и матросы — не проговорились обо мне. К счастью, он не поинтересовался этим. Как и все пираты, он кинулся к грузам. Представляете, как нагло он поступил, отобрав четыре бочонка бургундского вина, которые я вез в подарок мсье губернатору Фронтенаку. Пусть! Скоро он не сможет ничего сделать. Сейчас мы в его руках, он неуязвим, имея флот из пяти кораблей. Мы позволим ему беспрепятственно достигнуть Квебека.

Анжелика видела, что у Барданя нет никаких подозрений относительно ее. Он воображал, что она жительница Тадуссака. Он не связывал ее имя с тем, кого он называл пиратом, иначе он не был бы так откровенен с ней.

— Но... почему же им интересуются столь высокие инстанции? Ведь могли послать следователя. Колония и сама может уладить свои дела.

— Это очень сложная история, о чем свидетельствуют приказы, которые я получил. Конечно, речь идет не о каком-то авантюристе, его знатное дворянское происхождение требует, чтобы с ним обращались обходительно, не так, как с каким-то флибустьером. Говорят, что он присвоил территории, принадлежащие французской короне. Более того, я уполномочен выяснить, идентичен ли он Рескатору — знаменитому средиземноморскому ренегату, который нанес поражение галерам его Величества и этим усугубил свое положение.

Анжелике долго не удавалось восстановить дыхание. Она видела, что Жоффрей может превратить в своих врагов не только Новую Францию, а все королевство своего суверена. Они считают его ренегатом. Это самое тяжкое преступление. И их супружество в Америке сочтут недействительным: старые документы погребены в полицейских архивах.

Найдется некто — а может, он уже сейчас притаился поблизости, — кто с нечеловеческой прозорливостью заподозрит, что именно в прошлом этого таинственного покорителя Северной Америки, угрожающего французской Акадии, надо искать то оружие, которое способно его поразить. Или по крайней мере сделать его жертвой всенародной ненависти, выставив заклятым врагом.

Значит, уже снова замышляется заговор в высших коммерческих сферах. Цель его — разорить графа, используя корсара Золотую Бороду, чтобы заманить его в сети более хитрые, чем уловки Демона. Чтобы добиться своего, посылают специального посла, который должен принять предписанные ему официальные и политические действия, если более

гибкие меры не возымеют успеха. Враждебность ее не обескураживала. Но кто же замышляет эти заговоры: д'Оржеваль, Иезуит, Кольбер? Торговые компании? Компании Святого Таинства? Может быть, все вместе?

— Кто уполномочил вас вести расследование? — спросила она, стараясь говорить безразличным тоном.

— Король.

— Король? — удивилась она, широко раскрыв глаза — Вы хотите сказать, что беседовали на эту тему лично с королем?

— Да, мое дорогое дитя, что же в этом удивительного? Представьте себе, я достаточно знатен, чтобы удостоиться приема у Его Величества, который лично дал мне рекомендации, как в таком случае действовать. Король придает большое значение этой миссии. Мы больше часа беседовали с Его Величеством об этом человеке. Я увидел, что Его Величество тщательно изучил досье графа де Пейрака. Не сомневайтесь в этом. Наш суверен с примерной заботой и терпением относится к любому делу, за которое взялся.

Анжелика опустила голову. Ей хотелось подтвердить, «да, да, я знаю», но ни один звук не сорвался с ее губ. Она была крайне взволнована. Она воскрешала в памяти образ короля» его таланты, его дерзость, любовь к славе, его ревнивые замыслы в течение нескольких лет выйти в ранг самых могущественных королей в мире. Какого бы мнения она об этом ни было в Америке, их судьба все равно оставалась в ужасных королевских руках. Эти руки держали скипетр, чтобы поражать и наносить удары тому, кто выступал против амбиций короля, против его вездесущей авторитарной воли. И вот она снова убедилась в том, что и по другую сторону океана король не забыл о ней. Людовик XIV склонился над секретным досье, где огненными буквами вписано имя графа де

Пейрака, а за ним следуют обвинения, полицейские доносы, клевета. Затем имя де Пейрака воскресает в Америке. Король подозревает, что за этой волнующей историей исчезнувшего призрака скрывается женщина. Та, которая однажды вечером, в грозу, в Трианоне, повернулась к нему и крикнула: «Нет, я не буду принадлежать вам, я — его Жена, я — жена Жоффрея де Пейрака, которого вы велели сжечь живьем на Гревской площади».

Граф де Бардань угадал ее волнение, но не понял причины. Он вообразил, что испугал ее. Его растрогало выражение ее растерянности. Испытывая нежность, граф наклонился к Анжелике. Его руки обнимали ее плечи. Боясь, что она замерзнет, он плотнее укрыл ее своим плащом. Легким, но горячим поцелуем он коснулся ее лба, но Анжелика так погрузилась в себя, что едва ля заметила это. Она почувствовала только силу объятий, это согревало и одновременно успокаивало. В ее душе периодически поднимались смятение и тревога. Она припала к его плечу. Усталость поглотила все ее силы. Она крайне утомилась от этой борьбы, которой не видно было конца. Неужели больше никогда они не смогут жить в мире?

Ей было холодно, но ее лоб пылал, необходимо было почувствовать мужскую силу, нужен был мужчина, который бы ее поддержал. Но этот мужчина — враг, облеченный властью. Пока у него будет возможность разрушать ее жизнь, она должна положиться па его милость. Эта мысль с этой минуты глубоко запала ей в голову.

Она чувствовала, что непринужденность пробуждает его великодушие больше, чем гордо поднятая голова. Сейчас нельзя было выглядеть недотрогой. Она вновь почувствовала себя, как в Ла-Рошели. У нее пробудилось впечатление, что этот добрый и обходительный человек в силу своих

обязанностей мог одним словом или движением бровей разрушить хрупкий мир, раздавить шаткое убежище в семье Берна, где она с незаконным ребенком набиралась сил. Так как он любил ее с безграничной страстью, она смогла разрушить его планы и избежать западни. Она ощущала всю шаткость в двойственности волновавших ее чувств. Нужно было остерегаться его и в то же время оказать ему доверие.

— Почему вы не согласились поехать со мной в Берри? — прошептал он. — Я устроил бы вас в моем поместье.

Вы с вашим ребенком дождались бы там лучших времен, живя среди лесов и полей, всегда имели бы свежие продукты, овощи, фрукты. У меня там превосходные земли, изобилие лесных даров, которые заготавливаются на зиму, красивая мебель, хорошая библиотека, преданные слуги.

Ле Берри — это укромное место, тихая провинция, скрытая от проезжих путей. Вы бы меня подождали там. Забыв о жестокости людского мира, вы отдохнули бы от зла, которое вам пришлось испытать. Я бы ничем вам не докучал... пока вы сами не пришли бы ко мне по доброй воле.

Она совершенно не помнила, когда это он предлагал ей укрыться в Берри. Может, так и было...

— А теперь что ждет вас в этом диком краю? Вы ничего не сказали мне.

Он колебался. Ему было трудно начинать разговор на эту тему. Он предпочел бы ничего не знать о ней. Держал бы ее в своих объятиях, как если бы она принадлежала ему... Сделав над собой усилие, он продолжал:

— Если вы больше не служите у Берна, тогда у кого же вы теперь? Вернее... с кем вы живете? Потому что, увы, я не питаю иллюзий, — сказал он с горечью в голосе и попытался улыбнуться. — Вы слишком

красивы, чтобы оставаться одной. Если вам нанес обиду какой-нибудь мужчина, вы сумеете найти счастье с другим мужчиной. Не так ли?

Насмешливый тон не обманул ее. Анжелика угадала, что он надеется, вопреки логике и реализму, что она скажет ему сейчас, что она свободна, ведет разумный образ жизни, избегает любовных утех, предпочитает трудолюбивое одиночество и что она воспитывает свою дочь в духе покорности мужчине. Она чувствовала, что разочарует его. Он считает, что, в худшем случае, она живет с каким-нибудь канадским охотником. Но нельзя было дальше держать его в неведении. Анжелика собрала всю свою смелость.

— Вы правильно догадались, — сказала она, имитируя насмешливый тон де Барданя. — Я живу не одна. Я нашла покровителя. Слышите? Я буду откровенна с вами. Ах, это будет в первый раз. Я предполагаю, что мой выбор удивит вас, но...

— Что вы мне приготовили? — недоверчиво спросил Бардань. — Пожалуйста, продолжайте. О чем идет речь? Или скорее о ком?

— Об этом... Хорошо! О пирате, беседой о котором вы меня только что занимали...

Она хотела добавить: «Я его жена», но дипломатично промолчала.

— Не хотите ли вы сказать, что попали в руки этому морскому разбойнику!

— Именно так...

— Но это безумие! Это безрассудство! Несчастливая! — воскликнул он. — Знаете ли вы, как опасен этот человек?

Это самый циничный: авантюрист. Если бы вы, мое бедное дитя, знали бы то, что знаю о нем я, и что мне доверил сам король! Этот человек связался с дьяволом и именно за это был изгнан из королевства и с тех пор скитается по свету. Сила его наглости и пристрастия ко

злу привела к тому, что он самым бессовестным образом настойчиво стремится вернуть свое родовое имя, не думая о том, что был лишен его из-за колдовства.

— Может быть, этим он утверждает, что приговор был несправедливым, а наказание незаконно...

— Без серьезных оснований человека не присудили бы к сожжению на костре. Церковь мудра, а инквизиция в наши дни стала более осторожной, чем в прошлом.

— Не будьте лицемерны, — воскликнула Анжелика вне себя от возмущения. — Вы знаете так же хорошо, как и я, какую комедию разыгрывают эти трибуналы инквизиции.

— Что же вы так разволновались из-за этого ничтожного человека? Неужели вы к нему привязались? Я не могу этому поверить. Вы, Анжелика, пали так низко! Вы катитесь вниз! Пожалуйста, не добавляйте мне мучений. Неужели я должен утратить навсегда ваш образ, очаровавший меня в те дни. Я, наверное, и сейчас выгляжу наивным, а вы этим злоупотребляете.

Увы, это так! — продолжал он. Его гнев вспыхнул вновь — Я знаю все ваши недостатки и все-таки обожаю вас. Я понимаю, что вас довели до этого состояния, потому что вы существо преследуемое. Вы, бедняжка, обречены скитаться без крова, без помощи. Почему вы не поехали со мной в Берри? Я хотел бы помочь вам сломать прутья клетки. Еще не поздно, я вас спасу. Есть еще время. Оставьте этого человека! Идите со мной! У меня есть власть. Даже сам пират не сможет выступить против посланца короля Франции, Я вырву вас из его когтей.

— Мсье, это невозможно. Я замужем.

— За ним?

Первой реакцией де Барданя был страх.

— А я-то раскрыл перед вами цель моей миссии! Вы сейчас меня предадите?

— Нет, конечно. И я абсолютно удовлетворена, что вы говорили со мной так откровенно, так как я смогу рассеять некоторые недоразумения. Даже сейчас я могу продвинуть вашу миссию вперед, открыв вам, что Рескатор — это и есть тот человек, о котором вы говорили. Вы об этом узнали бы рано или поздно. Он прославился на Средиземном море своими подвигами, а не пиратством. Он навел там порядок, установил экономическое равновесие. Иногда ему приходилось сталкиваться с королевскими галерами. Но здесь, в Канаде, вы можете быть за него спокойны. Он очень уважает короля Франции и всех его эмиссаров...

— А если он повесит меня на первом же суку?

— Это ему ничего не даст, поэтому он не станет вешать вас. Он направляется в Квебек с мирными намерениями. Мсье де Фронтенак заверил его, что уже давно желателен такой добрососедский визит.

— С пятью военными кораблями? Но я очень хочу вам верить, по крайней мере надеяться, что вы меня не обманываете. Да, действительно, это продвигает мою миссию вперед. Судьба решительно мне благоприятствует.

Анжелика уже поздравляла себя с тем, что импульсивный Никола де Бардань так хорошо все воспринял. Но его спокойствие продолжалось не дольше шоковой анестезии. Через мгновение он пробудился.

— Нет, нет! Замужем! Вы! Замужем за этим пиратом! Это не в счет, это колдовство! Возможно, вы его наложница, но никак не жена. Зачем вы так обманываете? У вас просто потребность выдумывать, это невыносимо. никоим образом он не может взять вас в жены. Он граф. Он носит одно из самых известных имен во Франции. А вы... Кто вы? Служанка! Правда, Дегре мне сообщил, что у вас хорошее происхождение. Вы получили приличное воспитание. И вы сыграли на

этом, чтобы заставить его жениться на вас. Но я не могу этому поверить. Вы снова лжете. Неважно, я вас люблю. Это фатальная любовь приведет к тому, что вы будете принадлежать мне. Я добьюсь этого любой ценой. Я изнемогаю без вас, я страдаю из-за вашего отсутствия. Это глупо — уступить вас человеку без морали. Его храбрости хватает на то, чтобы навязать вам себя. Этот развратник Дегре! Этот безбожник Берн! Вы думаете, что вы перехитрили меня в Ла-Рошели. Мэтр и служанка! Вы живете под одной крышей. Он тащит в свою постель, этот Берн!

— Мсье, довольно! Хватит! — прервала его Анжелика. — Вы надоели мне с вашими историями. Вы меня оскорбляете и унижаете. Я ухожу.

Граф де Бардань снова схватил ее запястье и насильно усадил.

— Извините меня, извините меня, — говорил он торопливо. — Я отвратителен. Я это знаю, но вы меня так сокрушили... Вы постоянно заставляете меня страдать. Но я всегда благословляю ваше существование. Ни одно существо на земле не обладает такими чарами, как вы. Вы несете восторг, жизнь, грезы!

Он бросился к ней, обнял и припал к ее губам жадным поцелуем. Его язык настойчиво раздвигал ее губы. Казалось, он припал к единственному источнику жизни, объятый томительной жаждой. Лобзание длилось бесконечно, словно он боялся навеки потерять после стольких тягот обретенный смысл своего существования, кладезь наслаждения и счастья. Он не мог выпустить ее из рук, не утолив самые жгучие муки ожидания, не почувствовав уверенности, что она вновь не растает, как дым.

Прошло достаточно времени, прежде чем он мог воспринять происходящее. Он осознал, что это она рядом, она вызывает в его сердце тепло и радость, что

он держит ее и что именно ее губы трепещут под его губами. Он начал наслаждаться их нежностью и ответным поцелуем.

— Хвала господу, — выдохнул он бесцветным голосом. — Как прелестны ваши губы... Будь благословен Господь!

— Вы в самом деле думаете, что нужно впутывать бога во все это? — спросила Анжелика, с трудом переводя дыхание.

— Да! Ибо я начинаю понимать, что он посылает мне награду. Я был унижен, я пострадал за справедливость и за любовь. Я чувствовал, что утратил все. Я был забыт богом и людьми... как Иов, я жил без надежды. И вот вы мне возвращены. Разве это не знак неба?

При слабом свете Анжелика встретила взгляд графа де Барданя. Он был исполнен странной и серьезной нежности. В пустых глазах прежнего тщеславного королевского наместника она не замечала и тени подобных чувств. Теперь они мерцали странным матовым светом. Свечение звезд и похожего на миндалину полумесяца, пробив нежданно туман, как бы напитало взгляд этих серых глаз, и они казались зеркалом, в котором отражается серебристая ночная дымка.

«Я никогда не замечала, как красивы эти глаза», — подумала Анжелика.

Это неясное свечение ночи словно бы осыпало тончайшей перламутровой пудрой приоткрытые близкие губы влюбленного в нее мужчины. Они учащенно дышали, и от этого влажный блеск их казался неотразимо притягательным. В ней самой просыпалось что-то плотоядное: ей хотелось замкнуть их столь же крепким поцелуем и утолить наконец этот алчный призыв всего его существа.

Они бросились в объятия друг друга. Этот глубокий поцелуй длился бесконечно. Они забыли обо всем на

свете.

Анжелика с удивлением почувствовала, как кровь с обновленной силой заструилась по венам. «На этот раз Дьяволица окончательно побеждена», — мелькнуло у нее в мозгу. И с озорной беспечностью она вообразила себе это существо, в страхе мечущееся по ночному небу и исчезающее вдали...

Ее затылок покоился на сгибе его руки, крепко прижатый к плечу. Пальцы страстного обожателя обхватили ее горло под подбородком, чуть запрокидывая ее голову назад. Она перестала понимать, кто перед ней, жадные уста, казалось, принадлежали всем и никому. Настал ее черед припасть к этому безымянному источнику мужской неутоленной страсти и пить, пить... не утоляя жажды. Яростное чувство Барданя словно бы вливало в нее некий эликсир, названия которому она не смогла бы подобрать. Но что бы это ни было — ее душа и плоть вновь ожили, в ее сознании рассеялись мрачные сумерки, воцарившиеся там после встреч с ненавидевшей ее колдуньей и затмевавшие дотоле ясный ум и веру в себя и свое предназначение. Именно эта ненависть иногда мешала ей вновь полюбить Того, Другого, кто есть первопричина и любви и самого бытия.

Ей теперь казалось, что она припала разом к устам всех тех мужчин, которые ее обожали: короля, Дегре, поэта. Эти мужчины говорили, что любят ее, будут любить всегда, что их любовь никогда не умрет. Это добавляло ей силы и уверенности в том, что она победит. Она вновь почувствовала всем нутром опьянение властью, которой обладала: щедро одаривать и очаровывать.

— Вы приводите меня в восторг, — пробормотал Бардань. — Ах, я только теперь понял, что вновь нашел вас.

— Я тоже... Я спрашиваю себя об этом, — сказала Анжелика дрожа.

Она встала, пошатываясь. Он хотел поддержать ее, но она отказалась.

— Нет, прошу вас. Я снова увижу вас, милый. Но не в этот вечер. Прощайте!

Он увидел, как она удаляется, услышал шорох гравия под ее ногами. Повернувшись, он крикнул во тьму:

— Не забывайте... относительно пирата. И побежал.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ВИНО

Глава 1

Первой преградой на ее пути оказался он. С какого времени он здесь караулил? Что он видел, что слышал?

На опушке леса лежала глубокая мгла. Они не видели друг друга. Рука Жоффрея де Пейрака обняла ее. Анжелика тоже обвила его рукой, спрятав свое лицо в складках его камзола в почти детской панике. Она была не в состоянии объяснить свои ощущения.

— Вы вся пылаете, — заметил он приглушенным голосом. — Вы взволнованы, расстроены! Что произошло?

— Ох! Ничего серьезного! Но это долгая история. Речь идет о дворянине, который не принадлежит королевскому окружению. Я встречала его не при дворе... Однако здесь замешан Версаль... и король. И это имеет отношение к вам.

Он слушал внимательно, склонившись над ней. Она угадывала его настороженность по лихорадочной дрожи его голоса. Она чувствовала, как пылает ее лицо и леденеют руки.

— Вы мерзнете!

Холодно! Жарко! Она больше не знала. Что произошло? Она находилась в Канаде. Она задыхалась.

— Это прошлое, — пробормотала она, — прошлое, понимаете?

— Конечно, я понимаю. Не волнуйтесь же так, любовь моя.

Спокойный и такой знакомый тембр голоса де Пейрака произвел умиротворяющее впечатление. Анжелике стало легче дышать. Она взяла себя в руки, в душе ругая себя, называя идиоткой. Приняв гордый вид, зашагала рядом с ним, объясняя кратко, кто такой Бардань и что она знает в отношении его миссии. Это как раз то, что они и предчувствовали. Дело дошло до короля, и король стоял на их пути.

— Меня интересует одна вещь, — заметил он. — Хотелось бы узнать, почему для миссии, касающейся меня, был выбран именно этот Бардань, который знал вас в Ла-Рошели и даже не подозревает, что вы имели отношение ко двору. Я хотел бы поверить в совпадения, но мне кажется, что здесь все подготовлено и организовано. Можно подумать, что какой-то шуточный черт дергает за веревочки за кулисами.

— Не поминайте черта! — взмолилась она.

Они приближались к поселку, где-то там, то сям блестели огни, вокруг которых танцевали люди.

Анжелика удивилась этому. Ей казалось, что прошло бесконечно много времени с тех пор, как она отправилась на свидание. Она провела рукой по лбу.

— Ох, я умираю от усталости! Я совершенно разбита. Ночь кончилась?

— Совсем нет, — сказал он смеясь. — Она только начинается. Разве вы забыли, что мы откупорили бочонок знаменитого бургундского, которое так соблазняло Виль д'Эвре. Вся компания ждет нас на борту «Голдсборо». Идемте, мадам! Стряхните свою усталость. Благодарение богу, заря еще далеко!

Тут он с видом ревнивца разжал объятия и, чуть ускорив шаг, за руку потянул ее за собой.

— А что если пригласить этого дворянина на нашу пирушку?

— Нет, нет, — поспешно возразила она. — Он подумает, что это ловушка. Он предубежден против вас.

— Завтра же я представлюсь ему, чтобы успокоить его. А пока давайте повеселимся. Предзнаменования благоприятные. Мы сейчас выпьем за встречу с вашим старинным поклонником, за успех наших планов, за его успехи, чтобы мы не очень-то спорили друг с другом.

Он остановился, чтобы пылко обнять Анжелику. Она почувствовала силу его рук. Он передал ей свою энергию. Только что умиравшая от усталости Анжелика почувствовала, что ее заряжают его динамизм и веселье.

Они подошли к пляжу и при свете факелов увидели ожидавшую их шлюпку.

— Почему вы говорите: Ла-Рошель! Там я ничего не значила. С графом Барданем меня свел случай.

— Благословим случай, все случаи, и больше не будем об этом говорить... до завтра.

Он поднял ее и на руках перенес к лодке.

— В этот вечер мы будем принцами в этом мире, — сказал он смеясь. Белые зубы сверкнули на его загорелом лице. — Мы хозяева Тадуссака, Канады, королевства Фракции. Мы будем вкушать божественный напиток — вино, которым наслаждаются пэры Франции. Не будем же терять времени понапрасну. Поднимем наш кубок во славу Бургундии.

Идемте же пить, моя красавица! Пить и кутить. За здоровье, нашу любовь, за наши победы, за наш триумф! За наших друзей и врагов! За здоровье короля Франции!

Глава 2

Он не давал ей передохнуть. В каюте «Голдсборо» она нашла наряд, приготовленный Иоландой и Дельфиной, — платье, веер и манто. Он усадил ее в

кресло и сам натянул ей чулки. У него было превосходное настроение. Он напевал.

— Подошло время... время... надеть эти прелестные чулки... на божественные ноги.

Это были ярко-красные шелковые чулки с золотыми нитями. Сатиновые башмаки с золотой отделкой. Он обувал ее, стоя на коленях, как принц перед Золушкой.

— Моя графиня-скиталица!

Он слегка коснулся губами ее пальцев, затем уступил место Дельфине, вошедшей с горячими щипцами для волос.

С помощью этой девушки Анжелика быстро оделась.

Стол был накрыт в комнате для игр. Анжелика поспешила туда с веером в руках. На берегу, в отдалении вспыхивали огни фейерверка.

— Да здравствует фестиваль! — сказала она маркизу, с которым столкнулась на пороге зала. — Фестиваль пришел в Тадуссак, будет ли он таким же в Квебеке?

— Это будет как в Версале, — ответил тот. — Моя дорогая, — сказал он, пропуская ее вперед, — я ведь говорил вам, что на карнавале в Квебеке мы будем падать от усталости. Нам предстоит столько танцевать, есть, пить! Там будет столько процессий, развлечений; скачки, картежные игры. К счастью, не будет столкновений с воинственными ирокезами... ах, Квебек!

На столе и повсюду в зале были зажжены свечи в серебряных подсвечниках. Тепло и аромат горящего воска смешивались с аппетитным запахом яств, которые начали вносить слуги. На столе уже стояла серебряная супница.

— Мы только что спорили с вашим метрдотелем о рецепте приготовления пикантного бульона из дичи. Я утверждаю, что мясо фазана или бекаса следует провялить сначала в течение шести-семи дней, а он ограничивается только четырьмя днями.

— Речь идет об орлане, а его мясо более нежное, — защищался метрдотель, отстаивая четыре дня.

Компания разместилась. Это был ужин очень близких людей. Здесь были обычные члены флотилии Рескатора: старшие офицеры в привилегированные подчиненные. Общество сложилось еще в начале плавания. Вместе перенесенные невзгоды и приключения в короткий промежуток времени сплотили их в одну группу. Чтобы воздать должное бургундскому, стол накрыли словно в торжественные дни. Перед каждым участником поставили кубок богемского стекла красно-золотистого цвета.

Наконец принесли вино, но не в графине или кувшине, а по старинному обычаю — в серебряном корабле. Сосуд этот из позолоченного серебра, был шедевром редкого ювелира. Вино вытекали из открытой пасти дельфина. Каждая деталь корабля была четко выполнена. На палубе виднелись фигурки людей, а матросы застыли на веревочной лестнице. Молодой матрос, назначенный на этот вечер виночерпием, был очарован увиденным чудом: тремя дельфинами, вынырнувшими из волн. Их глаза были сделаны из маленьких алмазов. Маркиз де Виль д'Эвре замер с раскрытым ртом. Анжелика тоже впервые увидела эту вещь. Рескатор всегда поступает как принц. Он способен выносить самый строгий режим экономии, может вести самую скромную жизнь, скудно питаться, но тем не менее оставаться могущественным владельцем сокровищ. Он имел тайные хранилища по всему свету. Верные люди охраняли и берегли накопленные богатства. Анжелика далеко не все знала о человеке, который был ее супругом.

— В наше время не чеканят таких прелестных вещей, — заметил со вздохом Виль д'Эвре. — Этому шедевру два века. Это произведение швейцарских

ювелиров. Только в Швейцарии и Германии были такие мастера.

Сели за стол. Так как собравшиеся были близко знакомы друг с другом, можно было разговаривать, не кривя душой. Мало-помалу завязывалась дискуссия. Анжелика услышала, как Карлон сказал Пейраку, продолжая прерванный в ожидании ужина разговор:

— В общем-то, я не сержусь, но меня злит легкомыслие Виль д'Эвре в этом деле. Разве он не знает или притворяется незнающим, что в Квебеке вас считают врагом короля Франции. Более того, вы осуждены заочно.

— Но это уже избитый сюжет, — запротестовал Виль д'Эвре, разворачивая свою узорчатую салфетку и поглядывая поочередно на супницу, откуда исходил дразнящий запах, и на позолоченный бассейн со «своим» бургундский. — Мы все это знаем. Вы повторяетесь, мой дорогой.

— Это никогда не лишне, когда речь идет о том, чтобы подготовить батареи. Нужно обдумать, как найти выход из ситуации, которая кажется безвыходной. Ведь всем известно, что за мсье де Пейраком установилась репутация карибского пирата. К этому добавляют сегодня, что он является победителем, то есть завоевателем Акадии французской и что он завладел ископаемыми богатствами Кеннебека. Ведь корабли-разведчики курсировали здесь летом. Поэтому не надо удивляться тому, что в Квебеке разгорелись страсти и что нас встретят выстрелами.

Жоффрей де Пейрак подчеркнул это «мы», которое обронил интендант, я улыбнулся.

Карлон продолжал:

— Мадам де Пейрак тоже должна защищаться от толков и сплетен. Ее влияние на дикарей вызывает подозрение: как его объяснить?

— А как вы смогли выйти победителем из атаки ирокезов, когда их вожди были убиты под вашей крышей? Это необъяснимо для того, кто хоть мало-мальски знает индейцев. Вас уже сто раз считали мертвым, а вы возрождаетесь заново, вы живы. Это уже магия!

— А что говорят обо мне в Квебеке? — спросила Анжелика.

Он раздраженно покраснел:

— Что вы красивы, красивы, красивы! Она оживилась, услышав это:

— Между нами, мой дорогой, ведь вы не хотели бы, чтобы я из-за этого плакала.

— Вы должны были.

— Но какое безумие! С каких пор французы стали такими пуританами?

— Это не пуританство. Это — страх.

— С каких это пор французы утратили смелость перед красотой?

Она вызывающе тряхнула своей золотистой шевелюрой, перевязанной двумя нитями жемчуга.

— Если они хотят увидеть меня красивой, я позабочусь о том, чтобы не разочаровать их.

Только что подали на первое очень крепкий пряный бульон, чтобы согреться и утолить аппетит после молодого бургундского вина. Каждый почувствовал блаженство и взглянул снисходительно на жизнь и даже на говорливого интенданта.

Тем не менее его слушали вежливо и терпеливо. А он перечислял все «злые слухи» без исключений, потому что знал, как они бродят и клокочут в недрах квебекского колониального общества. Это не мешало ему наслаждаться крепким бульоном из дичи, который он поглощал большими глотками.

— Я думаю, что вам предъявят счет за смерть мсье д'Арпентьи, за смерть Пон-Бриана, за переворот в Сен-

Кастине. Но более серьезное — это исчезновение отца де Вернона. Говорят, что он убит на вашей земле каким-то непонятным образом, возможно, его бросили к медведю.

— Но нет же! — простонал Виль д'Эвре. — Вы, как всегда, все путаете. Это как раз он ударом кулака убил медведя (несчастный зверь). Л еще он убил хозяина медведя, а тот, в свою очередь, убил его.

— А вы там были?

— Конечно, я там был, — заявил маркиз с апломбом.

— Вы не заставите меня поверить подобной басне. Я хорошо знал отца Вернона. То был достойный служитель церкви, уравновешенный, немного холодный, может быть, но в действительности очень мягкий и обходительный человек.

— Значит, вы его совершенно не знали. Вы никогда не видели его истинного облика. Его нужно было видеть в Голдсборо. Это был Геракл. Л вы встречали его только в Квебеке. Ах, Голдсборо — это восторг! Не так ли?

— Доберемся сначала до Квебека, — проворчал Карлон. Покончив с едой, он вытер рот салфеткой и повернулся к Пейраку:

— Мы ваши заложники?

— Это зависит от того, какой прием ожидает нас там.

— Ха! Ха! Ха! Вот вы и сбросили маску, — мрачно рассмеялся Карлон.

Анжелика испытывала двойственные ощущения. Сейчас только она находилась в Ла-Рошели, а потом вдруг снова оказалась в Канаде. Снова нужно беспокоиться о прибытии в Квебек с этой разношерстной компанией. Это похоже на безумный сон. Ей вдруг захотелось, чтобы за стол пригласили Барданя, как это предложил Пейрак, вот сюда, сейчас. Но это будет только в Квебеке: праздники, светские развлечения — а, в темноте, заговоры. Будут стараться

услужить, будут вести шуточные разговоры, но их смех будет прикрывать хитросплетения и коварные планы. Смерть, любовь, счастье — все будет доведено до крайности.

«Что можно сделать теперь посланцу короля? — спрашивала она себя. — А что могу я? Какое место отведено ему на шахматной доске в той партии, которая нас ждет?»

Желчный Карлон не знал еще об этом дополнительном осложнении. А может быть, смутно подозревал его. Он мог сговориться с ним раньше и научить, чем следует питать эти мрачные сомнения.

— Его жене не приходится забавляться каждый день, — прошептала Анжелика на ухо Виль д'Эвре, указывая подбородком на Карлона.

— Однако она обворожительна. — Он стукнул себя по лбу. — Но нет! Что я за дурак? Он — холостяк.

— Тогда о ком же вы говорили?

— О мадемуазель д'Урдан. Их связь настолько прочна, что он обходится с этой женщиной так, как будто имеет на нее права.

— Она его любовница?

— Еще нет! У них платоническая любовь. Бедняжка д'Урдан редко появляется в светском обществе. Она соглашается выйти из дома только в том случае, если сопровождать ее буду я. Зато он ее объект. Она заботится о его душе, о его продвижении по службе, следит за его успехами, поддерживает его прожекты, поэтому все, в тайне от них, говорят, что дело кончится браком.

Д'Урвилль и Карлон обсуждали достоинства арсенала Квебека, сравнивая его с пушками Голдсборо. Анжелика мучительно напрягала свой ум, пытаясь отвлечь собеседников от опасной темы. Ей хотелось остаться одной и привести в порядок свои мысли. Волнение размывало в ее памяти встречу с Барданем.

Она с трудом убеждала себя в том, что встреча действительно состоялась. Она взглянула на Жоффрея и встретила с его озабоченным взглядом. Он позволил своим гостям общаться друг с другом: ему тоже хотелось подумать о другом. Встретившись глазами с Анжеликой, он улыбнулся. Затем обратил внимание на то, что происходит.

— Зачем забегать вперед, мсье, — сказал он, — мы еще не в Квебеке, а еще рано палить из пушек. Мы едем туда по приглашению мсье де Фронтенака, с которым я всегда поддерживал отличные отношения.

— Естественно. Мсье де Фронтенак, как и вы, из Аквитании. Эта мятежная провинция потекает гугенотам.

— Человек с Севера! — прошептал Пейрак, а вслух добавил: — Но не бойтесь ничего! Ради любви к Канаде я забуду Монфора.

Решительно, праздник начался неудачно. Можно было подумать, что они едут к альбигойцам. Всем было страшно. Анжелика подала знак метрдотелю. Наступила пора разливать вино. Когда вино заискрилось в бокалах, не осталось ничего другого, как сравнивать его блеск со сверканием рубинов.

— Вот вино, удивительное во всех отношениях, — сказал Виль д'Эвре. — Оно радует и обоняние, и зрение, и вкус. Знаете ли вы точно, как делается это вино? Я могу рассказать вам, так как я долгое время жил в Бургундии и знаю весь процесс.

Приготовить вино — значит совершить некоторые действия, благодаря которым сок красного винограда дает краевое вино. Напрасно думают, что для этого достаточно просто подавить ягоды, как в прочих случаях. Ведь тогда потечет белый сок. Красный виноград давят не сразу. Сначала его снимают с кистей и бросают ягоды в чаны... Именно там в течение нескольких дней идет брожение, и красный цвет от

кожуры переходит в сок. Там ягоды перемешивают, тыкают и «шлепают» палкой, лишь после этого отцеживают красный, как кровь, или почти черный — смотря по сорту вина — сок и лишь потом начинают давить оставшиеся в чане ягоды. Полученный сок смешивают с первоначальным, пурпурный. А сколько тщания надобно, чтобы получить нужный оттенок, переливающийся на солнце! И еще надо добиться того вкуса и аромата, который свойствен вину той местности, чье название носит божественный напиток!

Он сделал глоток, смежил веки, долго водил по небу языком, наконец заключил:

— Это вино из Тийе. Я ясно вижу места, где рос виноград: холмистое взгорье, узкая тропка, вьющаяся по холму, вдали высится маленькая колоколенка, а вокруг, куда ни глянь, поросшие виноградом холмы — до самого горизонта. Это Бургундия. И подумать только, этот полоумный Картье пытался убедить нас, что можно делать вино в Канаде... И все потому, что он нашел здесь несколько лоз дикого винограда! Ему здесь мерещилось невесть что: вино, алмазы. Конечно, ему нужно было оправдать в глазах всего мира то безумие, которое толкнуло его в эту враждебную человеку западню, где не нашлось ни-че-го, ничего, вы понимаете? Ничего, кроме холода, ночи и дикарей. И по воле какого-то злого рока мы все оказались здесь, вдали от милых сердцу я прекрасных родных мест... Но почему все время говорю я один. Скажите же что-нибудь вы. Пусть поговорят другие!

— Это потому, что вы нас очаровали, маркиз, — любезно сказал Пейрак, поднимая ему навстречу свой бокал.

— Пить доброе вино, слушая вас, что может быть приятнее!

— Вы мне льстите. Но это факт: куда бы я ни попал, я всем нравлюсь. При дворе никого так не слушали, как

меня. А что я могу? Я люблю жизнь и ее удовольствия. Это меня и успокаивает, и огорчает. Про дворе меня ужасно ревновали. В Канаде спокойнее...

Это ловушка, западня... это вино! Ведь это преступление — хранить его в тайне от всех. А кому оно предназначалось? Невеждам, вандалам.

— Епископу и губернатору Новой Франции, — заявила Анжелика. — Я имела удовольствие узнать, что вы изъяли его не у Мартена Дюга, маркиз. Вы отобрали его у представителя короля Франции, который вез вино в подарок здешним высокопоставленным лицам.

— У представителя короля Франции?! — удивился Виль д'Эвре, и бокал застыл в его поднятой руке. — И вы его видели? Вы с ним встречались? Вы с ним знакомы? Он вас любит? Ха! Ха! Значит, это правда, что он находится на борту «Сен-Жан-Баптиста».

Его игривый взгляд переходил с Анжелики на Пейрака в поисках ответа на эти вопросы.

— Какая увлекательная история! Вы мне ее расскажете. — Он подал знак слугам налить ему еще вина и стал с наслаждением пить его. — Божественно!

— Вы смеетесь, маркиз, — возразила со смехом Анжелика, — но знайте, что ваш неучтивый жест обвиняет и моего супруга.

— Ах, очень забавно!

— Совсем не забавно. Это специальный посланник короля. Он выполняет определенную миссию. Что везет он? Письма? Приказы? А вы отобрали у него вино и испортили настроение.

— Тем хуже для него! — сказал Виль д'Эвре. — Он мог показаться и защититься. Мне отказались даже назвать его имя. А вы знаете его? — обратился маркиз к ней.

Она покачала головой, не говоря ни да, ни нет.

— Вы знаете все! — воскликнул он. — И вы скажете мне все, все. Договорились. Во всяком случае, эта

история с вином не имеет никакого значения. В сравнении с тем, что мы имеем на своей совести и что могло бы привести нас на виселицу или на костер, несколько бочонков вина — это пустяк.

— Что вы хотите этим сказать? — растерянно спросил Карлов.

Виль д'Эвре лукаво взглянул на него.

— Всего лишь о смерти герцогини де Бодрикур.

— Замолчите! — сказал Карлон, поглядев в сторону слуг. Но маркиз махнул рукой.

— Они с нами, они все видели. Что вы хотите от них скрыть? А правда, мы все на этом корабле — банда разбойников, связанных одной ужасной тайной.

И приободрившись, он залпом выпил.

— Я обожаю это. Я чувствую, что живу. Вина, мой друг! — протянул он бокал виночерпию, который остановился позади маркиза, не решаясь отойти подальше. Наступило ощущение полной экзальтации. — Оказаться наконец на стороне отверженных, проклятых, тех, кто выступил против закона... Ха! Вы думаете, что убийство герцогини так и сойдет с рук? Вы подумайте только, что все высшее духовенство предупреждено об ее прибытии. Благодетельница с несметными богатствами... Отец д'Оржеваль в первую очередь поинтересуется, что с ней стало. Говорят, они родственника.

— Ах! Это ужасно, — простонал Карлон. — Вы снова бередите мою рану.

— Ну уж нет! Вы драматизируете.

— Как это я драматизирую? Смерть молодой, красивой, пленительной женщины, дамы, которой покровительствовал двор... И отец д'Оржеваль... И при ужасных обстоятельствах...

— Вы были там и, насколько я знаю, ничего не сделала. Единственный человек, который сделал

гуманный жест, это она, — указал Виль д'Эвре на Анжелику.

Два канадских сеньора, Грандбуа и Бовенар, давно уже пытались вступить в разговор, но только сейчас они смогли вставить слово.

— Ну, о чем вы тут распелись? Преступление... Ее не убили. Бог милостив. Мы там были. Помните? Она убежала в лес, где ее растерзали волки. Но мадам де Пейрак пыталась спасти ее на пляже.

— Кстати, почему вы ее спасли? — спросил Бовенар, повернувшись к Анжелике. — Я этого никак не мог понять.

— А я — тем более, — сказала Анжелика.

Ей показалось, что она и теперь слышит душераздирающий крик Амбруазины. Она выпила большой бокал вина, чтобы прийти в себя.

— ...Я не знаю, почему я это сделала. Может быть, потому, что на пляже мы были единственными женщинами. Будьте милосердны, перемените тему.

— Ах, женщины! — воскликнул Виль д'Эвре. — Что представлял бы собой мир без вас? Он был бы лишен нежности, благодушия, очарования, капризов, неожиданных алогичных поворотов, в которых заключается секрет их обаяния.

— Этьен! Я обожаю вас, — сказала Анжелика, обнимая его.

— Это вино пьянит, — комментировал Карлон, рассматривая свой бокал на свет. — Я полагаю, что мы захмелели.

— И это в тот момент, когда истина должна была появиться на дне вашего бокала! — сказал Виль д'Эвре.

— Да... — Карлон хранил мрачный вид. — По правде говоря, герцогиню убили мы, поэтому нас и мучает совесть. Вы правы, Виль д'Эвре. Вопреки своему желанию я признаю себя соучастником преступления.

— Двух! — отрезал маркиз.

— Двух?! — подскочил интендант.

— Да. Одно — то, в котором упрекает вас совесть — убийство герцогини де Бодрикур. Второе, вы пьете вместе с нами весь вечер вино, предназначенное губернатору и епископу.

— Я не знал его происхождения, когда садился за стол.

— Это не помешало вам пить и хвалить его.

Глава 3

Несколько мгновений интендант Карлон оставался удрученным. Видно было, что он пытается разобраться, как выйти из такой деликатной ситуации.

Была засада англичан на берегу Сен-Жана, вмешательство де Пейрака спасло его от плена в Новой Англии; затем Тидмагоуч, суд на пляже, где он должен был выступить официальным свидетелем и где ему пришлось выслушать обвинительную речь.

В ужасных преступлениях обвинялись свидетели. Абсолютно безумная авантюра. Он спрашивал себя, каким образом его втянули в это дело. Он больше никогда не поедет в Акадию.

— Ах, зачем я пустился в это путешествие в Акадию?
— простонал он.

— Да, почему? — спросил насмешливо Виль д'Эвре.
—

Это могу сказать вам я. Вы хотели сунуть нос в мои дела, помешать мне получить мои дивиденды. Вы представляли, что совершите турне в Акадию, как вы совершали турне в провинцию, чтобы поприжать бедняков. А Акадия — это совсем другое дело. Там не то обращение. Акадия вас потрепала, вы просто жалкий человек.

— Но не забывайте о границах дозволенного, — запротестовала Анжелика, приходя на помощь несчастному. — Этьен, вы очень злы. Не слушайте его,

интендант. Мы выпили лишнее. Завтра вы протрезвеете и снова наберетесь смелости.

— Но вы не забудете, что здесь было сказано, — настаивал Виль д'Эвре. — Забыть? Забыть Акадию! Бели вы забудете, то я напомню вам, я!

— Вы слишком строги с ним, Этьен.

— Э-э. Он строг тоже. Если бы вы могли знать его в Квебеке. Ведь он действует только по чьей-нибудь указке. Я не упущу случая взять реванш. Вы не знаете меня. Я, я могу быть очень, очень злым.

Мысли Анжелики блуждали, Бардань. Ла-Рошель. Сон, грезы. Но сегодня жизнь начинается вновь. Она теперь в безопасности. Она под защитой человека, которого ничто не пугает. И он оградил ее своей любовью от всех бед. Почувствовав магическое притяжение, она поискала его глазами на том конце стола и, обнаружив Жоффрея, успокоилась. Колесо судьбы повернулось. Ей выпало счастье.

А он, воздавая ей должное, медленно поднял свой бокал в ее сторону и, казалось, повторял издали: «Давайте выпьем, выпьем! За здоровье короля Франции!» Она выпила и почувствовала, как по всему телу вместе с этим божественным нектаром растекается радость и уверенность в триумфе. Анжелика пила медленно. Она испытывала жажду, а вино было восхитительным. Его теплые волны ощущались в горле как бесконечный поцелуй. Она утоляла жажду и не могла утолить.

«Почему этот поцелуй?» — спрашивала она себя. Это казалось ей ненормальным, но она не жалела об этом. Она испытывала бесконечное удовольствие. Видение Ла-Рошели. Боли и радости, которые принадлежали только ей.

Эти губы напомнили ей о минувших переживаниях. Она словно бы поцеловала привидение или пропавшую сестру, которую нашла израненной и обессиленной

погоней, похожей на нее самое, после того как злые чары потеряли над ней власть и она почувствовала, что прощена...

Рядом с ней Виль д'Эвре продолжая разговаривать сам с собой.

— ...Еще опаснее Карлона военный губернатор. Один из ваших злейших врагов.

— Однако он гасконец, как Фронтенак, как мой муж.

— Да, но он тип мрачный, скрытный. Он примкнул к партии отца д'Оржеваля, как когда-то его предки, во время Реформы.

— Разве он мог быть протестантом? Ведь он занимал такой высокий пост!

— Нет. Но он был сыном обращенного. А это хуже. Вот Сабина де Кастель-Морга — это другое дело. Она царила в городе, так как держала в руках массу дел. В меру благочестивая, она занималась благотворительностью, бывала в светском обществе. Милосердие и интрига были одинаково свойственны ее натуре. Находились и такие, кто считал ее злой и некрасивой. Я же — нет — так не считаю. Я люблю ее, как свою сестру.

Но мы поспорили, даже поссорились из-за ее сына Анн-Франсуа. Д'Оржеваль отсылал его на охоту с капканами на нагорье. Я возражал. Но она полностью подчинялась Себастьяну д'Оржевалю. Поговаривали, что она была его любовницей.

— Но ведь он иезуит! — возмутилась Анжелика.

— О! Знаете ли, эти иезуиты...

— Молчите, вы слишком много выпили. Вы злословите.

Она выпила еще. Вино было приятным и полностью утоляло жажду, не опьяняя человека. Оно постепенно растекалось по языку, изо рта проникало во внутренности, и тело начинало гореть, снедаемое особого рода жаждой. Каждый глоток разливался по

жилам радостной теплотой, и рука невольно снова тянулась к бокалу. Требовалось снова и снова примешивать к собственной крови животворящий пурпур божественного напитка. Жар багряного вина наполнял все существо силой соков земли, пробуждал прилив желаний, о жизнь представлялась прекрасной и исполненной чувственной прелести.

Анжелика почувствовала, как тепло расходится по телу и пожаром воспламеняет все ее существо.

Она должна была выйти. Свежий воздух охватил ее, успокаивая и опьяняя больше, чем вино. Во тьме покачивание корабля на волнах вызывало головокружение. Угли в жаровне горели в ночи красными и золотыми огоньками, как отблеск вина. От жаровни поднимался запах жареного мяса.

Около батареи слышался смех. Там Кантор и Ванно развлекали девушек короля. Пели матросы. Каждый понимал, что и часовые могут рассчитывать на глоток бургундского. Она сделала несколько шагов среди света и тени. Она была здесь одна, в чудесной компании с собственной тенью. Этого двойника подарило ей опьянение.

«Кто может одержать верх над тобой? — спрашивала Анжелику ее тень. — Что рассказывает этот Карлон? Будущее принадлежит тебе! Ты обладаешь Любовью, ты обладаешь Красотой... Молодость еще продолжается. Бодрость, вкус к жизни, умение наслаждаться красивыми вещами, защита и покровительство мужчины, который тебя обожает... Стоит тебе только появиться в Квебеке, и ты его покоришь».

Какая-то рука окружила ее железным обручем, привлекла, запрокинула ее лицо.

— Они все совершенно пьяны, — сказал голос де Пейрака. — Любовь моя! Любовь моя!

В этом тумане головокружения его руки, лаская ее, опьяняли еще больше.

— Любовь моя! Любовь моя! — Он обнял ее еще крепче, а его губы произнесли: — Шайтан! Шайтан!

И это напомнило ей персидского принца. Он тоже говорил: «Шайтан! Дьяволица!»

— Пойдемте, душечка, метрдотель несет фазана, украшенного перьями... и пирог...

Он повел ее.

— Вы отведаете лакомые закуски. Это поможет вам справиться с головокружением. Вы будете чаровать нас своим присутствием. Когда вы удалаетесь, меркнет свет. Мы всего лишь грубые бедолаги, заброшенные на окраину света.

Глава 4

На этот раз у интенданта двоилось в глазах. Он видел двух борцов за правду за тем концом стола, где уселся де Пейрак.

— Вы оказываете сильное влияние на нас, — сказал он, еле ворочая языком. — Я понимаю, что король сметет вас со своего пути. Я знаю только одного человека, равного вам по власти над людьми. Это Себастьян д'Оржеваль. Но у него нет вашего золота, чтобы восторжествовать.

— У него есть небесные легионы и даже сатанинские, когда это ему нужно.

Интендант не прореагировал на эти слова. Он продолжал пристально вглядываться в Жоффрея де Пейрака, который сквозь хмельной туман казался ему Мефистофелем.

— Вы слишком много знаете обо мне, обо всех нас.

— Нет, ошибаетесь, мсье интендант, — сказал де Пейрак, внезапно воодушевляясь. — Вы для меня — незнакомец, так как я знаю о вас только то, что вы изволило показать. Только ничтожно малую часть. Мы

все тоже стремимся прятать, скрывать свое «я», выставляя себя наивными простачками.

И однако признайтесь, мсье интендант, не приходилось ли вам разрушать тот образ, который сложился у других? Мы привязаны к этому образу.

Я предлагаю вам в этот вечер игру. Разрушим свой образ, пойдем с другой карты, с той, которую мы прячем в рукаве. Это очень ценная карта, ведь мы знаем, что она еще не была в игре. Именно она будет истинной сущностью вас самих. Так мы окажемся среди друзей, а не среди врагов, мы будем смотреть в лицо друг другу без уверток. Все мы здесь, на этом корабле.

Впрочем, сейчас ночь. Кругом пусто. Мир выключен, стерт. Ночь располагает к доверию, к откровенности. Давайте заглянем в себя и откроемся без колебаний... не стыдясь ничего... Кем бы вы хотели быть, мсье Карлон, если бы вы не сделали административной карьеры?

Игра, предложенная де Пейраком, сразу изменила климат. Лица приподнялись, глаза искали в кольцах дыма видения забытой мечты.

— Мсье интендант, вам честь начать игру, — сказал тихо де Пейрак.

— Нет, никогда! Ни в коем случае. Я вам сказал. — И в пьяном угаре он несколько раз стукнул кулаком по столу. — Я не играю. Я больше не играю. Я ухожу. — Но он не смог сделать ни шага и вновь упал на свое сиденье.

— Ну что же. Хорошо. Я подам пример, — сказал Пейрак. — Я начинаю.

Он повернул свое лицо. Свет свечей резче обозначил его шрамы и морщины, но одновременно подчеркнул силу и прелесть, которую придавали ему восхитительно очерченные чувственные губы. Этот нежный рот скрашивал обычно малопривлекательное выражение этого лица. Оно внушало страх, может быть, из-за

шрамов? А возможно, такой оттенок придавал ему острый пронзительный взгляд очень черных глаз? Его смуглая кожа обветрилась. Можно было предположить, что в его жилах течет и мавританская кровь. Когда этот живой рот трогала насмешливая улыбка, обнажались ослепительно белые зубы. Для Анжелики эта улыбка заключала всю прелесть мира, улыбка предназначалась ей и давала ей умопомрачительную радость. Показалось, что он старался рассмотреть на брусках потолка воплощение своей грезы.

— Прежде чем стать бродягой в этом мире, — начал де Пейрак, — я тысячу раз начинал рискованную игру, предлагаемую жизнью. Бывало, что удача сама шла в руки, а затем я терял все. Я покорял земли, чтобы защищать их. Я находился в состоянии, которое, с одной стороны, полностью соответствует моей натуре авантюриста, врага монотонности. Все же я испытывал чувство неудовлетворенности, мне казалось, что я сбился о пути, что меня насильно отталкивают от предназначенной мне судьбы. Прежде чем снова стать принцем, властелином целой провинции, каким я и был некогда, унаследовав земли и власть со всеми обязанностями и почестями, которые соответствуют этому положению, я долго был человеком, обреченным на продолжение научных поисков — хотя у меня были обширные познания.

Я работал в лаборатории на свой страх и риск. Если бы какой-нибудь меценат снабжал мою лабораторию новейшими аппаратами, приборами, освобождая мне время для чисто научных занятий! Если ученому приходится заниматься вопросами снабжения, он уподобляется птице с подрезанными крыльями. Он хочет устремиться вперед, он видит, он знает, но не может. Ему не хватает средств... времени... покоя... Его гонят, преследуют, ссылают из страны в страну. Ах! Вехи бы можно было укрыться как в келье, стать

невидимкой. Не замечать ни дня, ни ночи, быть свидетелем чудесных открытий, бесконечного обновления! Знать, что у тебя есть власть, идти вперед, как можно дальше отодвигать границы человеческого познания.

— Я не верю вам, — прервал его Виль д'Эвре. — Вы в большей степени эпикуреец, чем ученый человек. Вам нравится подобная деятельность. А слава? А имя?

— Пустяки!

— А женщины, мой дорогой? Вы что же, спокойно проходили мимо них?

— Я никогда не говорил, что ученый, увлеченный любимой работой и сложными научными задачами, должен отказаться от радостей жизни.

— Живя среди реторт, можно и засохнуть, — сказал Грандбуа.

— Что составляет радость жизни для увлеченного человека, объяснить очень трудно. Мулей Исмаил, султан Марокко, кровожадный, привыкший к роскоши и сладострастию, сказал мне однажды, что его самое любимое занятие — творить молитвы. Если бы он не был королем Марокко, он стал бы самым ярым аскетом-пустынником.

— Вы хотите сказать, что наука тоже таит в себе тайные соблазны?

— Да!

И улыбка, которую так любила Анжелика, тронула губы Рескатора.

— Бассомпье, смелее! Ваш черед.

Бывший пират Золотой Бороды покраснел. Это был еще молодой человек, красивый, любезный, получивший воспитание кавалера, ловкий дуэлянт, отличный наездник. Одним словом, образцовый младший отпрыск знатного семейства, перед которым нет иного выбора, кроме армейской службы, сутаны или странствий в поисках приключений, которые позволили бы ему вести

тот образ жизни, к которому он приучен с детства. Он выбрал путь приключений. Он не видел большой разницы между сражениями корсаров или королевских моряков. Поэтому и устремился туда, где был большой шанс овладеть фортуной. Смерть его невесты Мари-ла-Дюс омрачила его характер, наложила отпечаток горечи на его лицо.

Он решил, что в грядущем ничто более не имеет цены, ему уже нечего ожидать от жизни, и образумился.

— Я хотел бы быть старшим братом в семье не столько из-за желанья богатства и почестей, сколько из желанья владеть имением, где мы живем. Я хотел бы его улучшить, украсить, чтобы устраивать там роскошные праздники. Как Фуке в Во-ле-Викомия. Я хотел бы иметь небольшую свиту из писателей и артистов; я занялся бы классическим образованием, у меня ведь вкус к возвышенному. Вот мой брат живет при дворе, душит налогами своих крестьян, чтобы поддерживать свой престиж в обществе. Я хотел бы забыть это.

— А какова разница в возрасте между вами?

— Мы — близнецы.

Подобная игра судьбы необычайно поразила слушавших, коих беспрестанные возлияния и без того толкали к бурному выражению своих чувств.

— Почему вы его не убьете? — спросил простодушно Виль д'Эвре.

— Чтобы не убить его, я и убежал из дома!

— Кто знает, может быть, уже недалеко то время, когда он уступит тебе место, — заметил Гран Фонтэн.

— У него есть сыновья.

— Не стоит сокрушаться, мсье Бассомпье, — вмешалась в беседу Анжелика. — Сегодня осталось не так уж много земель, которыми владеют принцы, король этого не терпит».

Рано или поздно вы лишились бы королевских милостей и попали бы в опалу. Только нося за королем подсвечник, когда тот отходит ко сну, или его ночную рубашку, можно заслужить снисхождение двора и заработать средства на починку прохудившейся крыши родового гнезда.

Затем заговорил Эриксон. Он удивил всех, заявив, что хотел бы быть польским королем.

— Почему королем Польши? — спросил Виль д'Эвре.

— Так.

— Мечта сама по себе недурна. Но где взять сил и власти ее воплотить?

— Но теперешний король сложил: с себя корону и удалился в монастырь.

— Не таким надо быть... Другим.

Впрочем, среди присутствующих не оказалось знатоков и любителей польской истории. Ознакомление с генеалогией тамошних монархов отложили на иное, более благоприятное время, хотя Эриксон, похоже, готов был дать подробнейшие разъяснения.

Фальеру его будущая карьера долго представлялась в виде службы королевского мушкетера. Но он не был гасконцем, а вдобавок к тому его скудные средства не позволяли ему вести роскошную жизнь и тем снискать к себе внимание представителей этой замкнутой и неохотно пропускавшей в свои ряды чужаков касты. К тому же в фехтования он был не слишком силен. После долгих занятий он унаследовал должность своего отца и впоследствии продвинулся до звания старшего геометра.

Мысли расплывались, вино циркулировало в крови. Люди забывали о еде, слушая саморазоблачения. Один говорил о том, о чем слушатель никогда и не мечтал, другой рассказывал о жизни, которая промчалась перед его носом. Кое-кто почесывал затылок, уверяя, что он все же победит судьбу и что будет жить лучше, но не

знал, когда это произойдет. Грандбуа признался, что у него была только одна мечта: стать очень богатым, носить парик, ездить в карете, иметь слуг и служанок и никогда не уезжать из своего жилища. В Академии он проводил все время в горах и лесах, плавал на лодке по рекам, ходил на яхте во Французскую бухту. Но, к несчастью, его карманы всегда были пусты. Там не задерживалось ни одного экю. Прощай замок, карета, спокойная жизнь!

— Но что бы вы делали каждый день в своей сеньории? — спросила Анжелика.

— Я играл бы в карты, наказывал слуг, выращивал бы розы, лечил бы свою подагру и каждый вечер находил бы в своей постели женщину...

— Разных женщин?

— Нет, всегда одну и ту же. Женщину, которая принадлежала бы только мне. Я не люблю спать один, мне бывает холодно и страшно. Жизнь на реке Сен-Жан не была для меня удачной. Мне не везло. Индеанки... Тьфу! О, извините, мадам, я увлекся... Конечно, я теперь не беден. Но у меня недостаточно денег, чтобы возвратиться на родину...

— Почини свои карманы! — воскликнул Виль д'Эвре.

— Говори, теперь твоя очередь, — проворчал ему в ответ Грандбуа. — Меньше будешь смеяться над другими!

Бовенар замолчал и призадумался.

— Я вижу себя священником, — сказал он наконец, — и даже иезуитом.

Это резкое заявление, произнесенное весьма серьезным тоном, произвело совершенно неожиданное действие. То, что оно прозвучало из уст зажиточного, хотя и не слишком знатного, но прочно устроившегося в жизни дворянина, чья любезные плотоядные ухватки, предприимчивость, диковатая страстность в воинских предприятиях бросались в глаза всякому, так мало

гармонировало с представлением о постной святости, что все неудержимо расхохотались. Бовенар и не подумал обидеться. Он переждал, пока всеобщее оживление стихнет.

— Да, я хотел бы стать иезуитом, — повторил он. — Я хочу повелевать.

— Что ж! Этот род власти ничем не хуже остальных, — произнес Пейрак.

— Вот-вот. А я бы смог ею воспользоваться. У меня хороший герб. Я преуспевал в занятиях. Я даже провел один год в семинарии.

— Неужто? Обязательно потом расскажи об этом, — попросил ошарашенный подобной новостью Грандбуа.

— И что же случилось? — раздался чей-то нетерпеливый вопрос.

— Я испугался. Я почувствовал... Необходимо было переступить какую-то невидимую черту, отделяющую мир поэту и ту сторону могилы. Мне прекрасно удавалось ненадолго отрываться от земли, поднять ногу, но сделать решительный шаг... Хотя ожидание этого очень волнует кровь, но страх силен. Вот д'Оржевалю это так же нетрудно, как чихнуть. Однажды я видел, как он во время молитвы на полтуазе поднялся над землей. Подобно святому Игнацию. Но на меня это произвело огромное впечатление... Он мне говорил: «Вы созданы для подобных деяний. В вас развит мистический дар». Думаю, он был прав. Но я ушел. Теперь, когда я гляжу, как индейцы созывают своих демонов и общаются с духами предков, я говорю себе, что все это не так страшно, я смог бы привыкнуть, приспособиться. Потому-то мне временами кажется, что жизнь не удалась...

— А ты, случаем, не хватил лишку? — осведомился Грандбуа. — Может, ты смеешься над нами?

— Разве это тебя удивило? Такие вещи случаются. Когда возвратится Кавелье де ла Саль (а он сейчас

слоняется по лесам около Миссисипи, ища выход к Китайскому морю), ты спроси у него. Он тоже был иезуитом.

— Я лучше о тебе думал, — произнес Грандбуа. — Ведь у всех нас будет достаточно времени узнать все это после смерти. Я говорил тебе, что раньше очень боялся темноты... А что, бочонок пуст? Эй, кто там есть! Вина сюда!

— А сейчас мой черед вас удивить, — с очаровательной наивностью произнес Виль д'Эвре. — Мне когда-то хотелось стать женщиной. Я завидовал той веселости, что всегда остается как бы исключительным достоянием этих прекрасных созданий; подумать только: им достаточно найти мужа, и они могут начать жить в свое удовольствие, делать траты, покупать наряды и порхать с цветка на цветок, не думая, как получить должность или как достойно исполнить свои неблагодарные обязанности. Но впоследствии я довольно удачно распорядился своим наследством и, уяснив все преимущества, которые связаны с жизнью мужчины, отбросил прежние сожаления.

— Мсье интендант, теперь очередь за вами.

— Мне не в чем признаваться.

— Скажите мне, — взмолилась Анжелика, беря его за руку.

Этот жест сломил сопротивление Жана Карлона.

— Ну, ладно! Когда мне исполнилось восемнадцать лет, у меня была встреча.

— Она была красива?

— Нет.

— Тогда?

— Речь не о женщине!

— Ах! А кто же это был? — спросила она тихо.

— Мольер, — почти неслышно произнес Карлой. Затем он оживился. — Его звали тогда Покленом. Мы

вместе с ним занимались юриспруденцией, готовясь стать адвокатами. Жан-Батист часто сочинял трагедия и ставил спектакли. Следуя его примеру, я решил посвятить себя театральному искусству. Но мой отец поколотил меня. Сказал, что я буду предан проклятию, что меня похоронят без покаяния, как собаку, вне кладбища. Его можно понять. И я нашел по пути, начертанному отцом.

— И вы имели успех на этом поприще, — заметила Анжелика. — А Мольер — на своем. Однако я скажу вам, мсье Карлон, не жалеете ни о чем. У комедиантов безумная жизнь. Ваш соученик знает, какой дорогой ценой приходится смешить двор. Лучше быть в партере, чем на сцене.

— Итак, мы все удовлетворены своей судьбой, — заключил Пейрак, поднимая свой бокал. — Мсье Карлон, вы не преданы проклятию. Что касается меня, я благодарен своему тернистому пути, который привел меня к встрече с вами в этот вечер, в Канаде. Выпьем же за наши жизненные пути! За ваши успехи! За наши мечты! За Мольера! — обернулся он к Карлону.

— За Мольера! — тихим голосом отозвался тот, и его глаза увлажнились.

Когда были подняты бокалы с красным вином, послышались далекие аккорды гитары Кантора, ей аккомпанировали флейты и арфы. Чистые голоса пели: «Жаворонок, славный жаворонок!»

— Молодость не знает того, что знаем мы, — сказал Валь д'Эвре. — Эти юноши не знают, что в их рукаве спрятана, карта, которая никогда не будет в игре.

Они долго еще пили. В глубине бокалов сверкало солнце, прослывали тени, виноградные гроздья мерцали в тени виноградников.

— За Бургундию! За французское вино! За короля Франции! — предложил Виль д'Эвре, с каждым тостом повышая голос.

И он заплакал, говоря, что Франция так далеко, что о них там забыли, что тоскливо жить в здешних краях. Все были бы рады, если бы они здесь перемерли, лишались собственных скальпов, положили бы свои жизни на алтарь нации и старшей дочери матери-церкви — любезной Франции, Мрачно-торжественные думы о принесенных жертвах и горечь изгнанничества переполняли его сердце. Непонятно было, чего больше в его слезах: горечи или нежности.

Карлон тоже заплакал, думая о Мольере.

Анжелика поднялась. Ноги плохо повиновались ей. Эти господа сейчас пойдут курить, а она заснет сном праведника в своей постели.

— Мадам! А вы ничего не рассказали о себе, — запротестовал кто-то.

— О, это правда! Но что я могу сказать после таких серьезных исповедей. Уже давно я мечтала побывать в Америке. Но я тогда была еще ребенком. А позже, пережив множество жизненных случайностей, я стала мечтать о надежном убежище. Я хотела бы обрести элегантное комфортабельное жилье. Я жила бы там с любимым мужчиной, который тоже любил бы меня. Я готовила бы вкусные пирожные своим детям.

— В общем, скромные мечты, как у Грандбуа. Разве вам не приходилось никогда мечтать, как любой женщине, о больших почестях, о Версале, о дворе?.. Не хотелось понравиться королю?

— Я могла бы понравиться королю, но предпочитаю не нравиться...

— Какое безумие! — воскликнули мужчины. — Не хотите же вы заставить нас поверить, что вы презираете двор... Этот рай для избранных, достойных персон.

Резко повернувшись к ним, она спросила:

— А отравители?

Но ее заявление вопреки логике вызвало взрыв смеха. Все развеселились. Отравители?! В Версале?! Анжелика сделала заключение:

— Вот почему я здесь.

— В руках пирата, — шепнул Жоффрей, который закурил свою длинную сигару.

— Значит, это правда, она и вас пленила, мсье?

— Не совсем... но почти.

— Когда же?

Анжелика скользнула к Пейраку и приложила пальцы к его губам, потому что ей показалось, что он намерен дать объяснения.

— Нет, дорогой, молчите! Вы запутаете всех этих господ! Это слишком долгая история.

Пейрак поймал на лету ее длинные тонкие пальцы и жадно поднес к губам, а она ласково погладила его взлохмаченную черную шевелюру.

Вино разорвало цепи, которые иногда возникали между ними.

Подойдя к ним, Виль д'Эвре потянул Анжелику за платье, она попятилась и повернулась к нему.

— Вы расскажете мне все, не правда ли? Историю вашей любви с этой таинственной личностью, мсье де Пейраком». Когда мы будем в Квебеке...

— А мы туда когда-нибудь попадем? Вы слышали, что говорил интендант? Что меня оттуда прогонят, забросают камнями, сожгут живьем. Я подозреваю, что и он подбросит хвороста в костер.

— Мадам, что вы говорите! Господь уберезет меня от подобного, — воскликнул Карлон, направляясь к Анжелике нетвердым шагом. — Вы меня не поняли. Я говорил... чтобы вас предостеречь.

— Жители Квебека не идиоты. Я уверен, что вы очаруете их... Они преклонят колени.

— Я не прошу этого, — рассмеялась Анжелика. — Мсье Карлон, я прощаю вам все за такие слова. Не

забудьте этого завтра, когда вы протрезвеете.

Очень трудным делом оказалось найти дверь, глотнуть чистого воздуха и пересечь палубу, чтобы попасть в свою каюту.

Пейрак тоже смеялся, услышав издалека диалог между интендантом и своей женой. Все они были абсолютно пьяны.

Карлон, холодный и уравновешенный старый холостяк, и тот поддался чарам Анжелики. Опасность этой женщины в том, что она всегда остается самой собой, а еще больше, когда вино заставляет пылать ее щеки, зажигает свет в ее глазах. Зубы ее сверкают, когда она смеется. Очень редко ему приходилось видеть, как она смеется. Новым был и образ несравненной спасительницы. Она была... Она была воплощением соблазна.

Анжелика в Версале... Анжелика, смеющаяся перед королем. Какой мужчина может устоять перед этим? Будь то король, бродяга, финансовый чиновник. Куда она их заведет? Весь город покорится ей, «преклонит колени». К его счастью постоянно примешивалась боль и сжимала сердце. Ему трудно было видеть, что она доступна всем и что ей приятно сознавать свою власть над мужчинами; вызывать в них обожание.

Пейрак подошел к двери, за которой скрылась Анжелика, и заметил Виль д'Эвре. Лицо маркиза было озабочено. Казалось, он испытывает горе. Внезапно он заявил:

— Это несправедливо.

— Что именно?

— Но она вас любит, — возмутился Виль д'Эвре, — она вас действительно любит. Она без ума от вас. Только вы можете рассчитывать...

— Вы уверены?

— Это ясно... это бросается в глаза!

— В чем это проявляется, маркиз?

И маркиз сделал удивительное заявление, в котором не было логики. Но в этот вечер никто из них не мыслил логично.

— Вы — единственный, кто может заставить ее страдать, — сказал он.

На мгновение де Пейраку показалось, что мысли маркиза витают где-то далеко отсюда. Он поднес сигару к губам, выпустил голубоватые кольца дыма. Слова де Виль д'Эвре пробудили в нем безотчетную радость.

«Она действительно вас любит... Она без ума от вас». И потом еще: «Вы единственный, кто может заставить ее страдать».

Вот здесь — как это он раньше не замечал! — именно здесь таится подлинное проявление всякого любовного чувства. Оно — в способности заставить страдать, вызвать слезы на прекрасные очах. И вот когда сердце разрывается на части, то понимаешь, что любишь, чувствуешь всю силу страсти... Странное откровение. Вот способ понять, что ты отмечен истинным даром.

Жоффрей де Пейрак вспомнил, как услышал ее рыдания за дверью. Она плакала как ребенок в тот вечер, когда он ударил ее. Он был тогда взволнован, не пожелав узнать объяснение, что все это значило. Она одна имела власть разрывать его сердце, приводить в отчаяние, унижить или возвысить одним только взглядом своих изумрудных глаз. Этот взгляд для других становился неумолимым. Он почувствовал, что ничуть не завидует своим соперникам: ни королю, ни Мулею Исмаилу... Бедняги!.. Он один из всех ее любовников мог вызвать слезы из ее глаз. Он видел ее на коленях у своих ног.

Полузакрыв глаза, он медленно и глубоко втянул в себя воздух. В свое соображение он, еще не осмеливаясь до конца поверить в очевидность того, что

ему открылось, как бы пробовал на ощупь остроту нового оружия, не лишая себя неясного, но чрезвычайно мощного, почти чувственного удовольствия от сознания, что получил в свои руки такую власть над существом, всецело отданным на его милость.

Но не надо было слишком увлекаться. С Анжеликой нужно быть осторожным, очень осторожным. А то можно переусердствовать, слишком часто применяя данную ему власти, чтобы лишний раз добиться, как признания в любви, покорного взгляда, увидеть, как склоняется перед ним та нежная головка с изящным темечком, добиться полного отречения от себя... Но если имеешь дело с ней... Бдительность и еще раз бдительность! Он разразился смехом. Кому, как не ему, было знать, что она способна платить той же монетой...

Не беспокоясь о впечатлении, какое могут произвести па графа его слова, Виль д'Эвре продолжал тоскливым, разочарованным тоном:

— Но почему вы? Только вы? Вот в чем тайна! Вот несправедливость. Вы — не красавец. Вы даже пугающе страшны... Конечно, вы богаты... Но все мы здесь... тоже богаты. Впрочем, не богатство привлекает ее к вам, вы «окружил» ее роскошью, но судьба авантюриста может ли понравиться такой женщине? Ей полагалось бы блистать в Версале!

Что ж. Тем хуже. За неимением Версаля я сделаю ее здесь королевой Квебека.

Он искоса взглянул на Пейрака.

— Вы ревнивы?

— Могу быть таким. Лицо маркиза осветилось.

— Значит, грешны? Но это замечательно! Решительно, вы — настоящий мужчина. Вы даже можете быть ревнивым. У вас все козыри. Я понимаю, что она вас любит. Но я не представляю, как, когда могло произойти сближение таких различных, непохожих друг на друга людей.

Пейрак приблизил лицо к маркизу, чтобы сделать признание:

— Слушайте: я купил ее, когда ей было семнадцать лет, вместе с серебряным рудником. Ее отец, мелкопоместный дворянин, уступал мне рудник при условии, что я возьму в придачу и его дочь. Я заключил сделку, хотя не видел ребенка, которого продавали.

— И это была она?

— Это была она.

— Вам всегда везет, мсье де Пейрак!

— Нет, не всегда. Смотря по обстоятельствам. Это была Любовь, но нас разлучили.

— Кто у вас ее отобрал?

— Король.

— Значит, король — ваш соперник?

— Нет, это слишком. Это я — его соперник.

— Ай, да! Этим вы хотите сказать, что король любит ее, а она любит вас?

— Да.

Виль д'Эвре казался озабоченным.

— Это так серьезно. Будем надеяться... Может быть, король ее забыл?

— Вы считаете, что сам король может ее забыть?

Виль д'Эвре отрицательно покачал головой. Конфиденциальные речи Жоффрея де Пейрака, неожиданные и сенсационные, очень его утешили. Он потирал руки.

— Хо, хо! Мне кажется, обстановка усложняется. Это великолепно! Жизнь прекрасна!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ПРИЕЗДЫ И ОТЪЕЗДЫ

Глава 1

Бардань ждал... ждал.

Анжелика видела, как он прогуливается по берегу. Какие-то люди в манти и фетровых шляпах с перьями держались поодаль. Иногда они бросали взгляды в сторону Анжелики, не подозревая, что сами являются

причиной ее интереса. Очевидно, это были люди из его свиты, пассажиры «Сен-Жан-Баптиста».

При взгляде издалека, например, когда смотришь на сушу с борта судна, иногда все, что видишь, выстраивается с такой явственной взаимосообразностью, в расположении вещей и предметов обнаруживаются такие порядок и связь, что это поражает, подобно откровению.

То, что замечает глаз в подзорную трубу, не может лгать, и нередко открываешь истины, незаметные вблизи.

Никола де Бардань на пляже Тадуссака ожидал свою прелестную служанку из Ла-Рошели. Даже походка выдавала влюбленного, озабоченного только одним предметом: придет ли она? Увидит ли он ее вновь? Это невероятно, что она здесь?

Анжелика зорко всматривалась в подзорную трубу, чтобы убедиться, в каком он состоянии. Она должна была признать очевидное. Это был он, и он ждал ее.

После ночи возлияний, как бы стерших в памяти все, пережитое во время их вечернего свидания, она вынуждена была признаться себе самой, что все, случившееся тогда, не было сном.

На ее пути встал призрак. Лишь только они проникли в воды Сен-Лорана, у нее появилось впечатление, что они движутся по неведомым краям, чтобы встретить безымянные тени. И вот одна из теней появилась из тумана: Никола Бардань. А за его спиной встали полицейский Дегре, мсье де ла Рейни — лейтенант королевской полиции, а затем и сам король. Король тоже как призрак. Его приглушенный голос звал ее: «Моя незабвенная?»

Вчера вечером Никола Бардань держал ее в своих объятиях, а она, прильнув к его губам, целовала все эти забытые лица. Радостный вечер. Чудесное бургундское вино, выпитое на борту «Голдсборо», словно пробило

огромную отдушину между этим мрачным моментом и новым днем. Она вспомнила каждого гостя на «Голдсборо».

Застолье закончилось на заре. Анжелика погрузилась в глубокий сон, едва добравшись до своего ложа. Сон ее был светлым и легким. Она ощущала рядом Жоффрея, крепко обнимавшего ее. Прелестная, опьяняющая ночь подарила впечатление осуществленной мечты. Утром казалось, что драмы и безрассудства — в прошлом.

Новое утро в Канаде. Ледяной воздух, чистый как хрусталь, тускло серебрится отблесками река. Нужно опомниться. Бардань здесь, а с ним неясная тоска. Нужно же было, чтобы для слежки за самозванным владельцем «Голдсборо» король выбрал именно его.

Жоффрей видит в этом случайное совпадение. Однако король, должно быть, не знал, что Никола де Бардань встречал Анжелику в Ла-Рошели. Точно так же губернатор этого города не подозревал, что она бывала в Версале. Ведь для него Анжелика — бедная служанка в семье буржуа-гугенота.

. — Служанка, без сомнения, достойная восхищения, — сказал Жоффрей, смеясь. Но взгляд его при этом был жестким. И она вспомнила его ревность по отношению к Берну, а затем конфликт с Коленом Патюрелем. Он убил на дуэли лейтенанта де Пон-Бриана, который посмел ее пожелать.

«Ну вот, дождалась, — сказала она себе. — Этот слух совершенно невозможен. Он и всегда был таким. Никогда не понимал, как надо со мной говорить, чтобы добиться моего согласия. И насколько мало значат для меня подобные слова. Как ни гони его прочь, он всегда возвращается и начинает все сначала».

Анжелика должна была признаться, что, несмотря на отвращение, которое она в то время испытывала к мужским ухаживаниям, постоянство и упорство его

вулканического желания взволновали ее. А теперь Бардань в Канаде. Направляется в Квебек, чтобы зимовать там. Можно ожидать вспышек...

Что таится за всем этим?

Вознамерившись сойти на берег, чтобы днем вновь встретиться с влюбленным Барданем, Анжелика все-таки заколебалась. Она рассматривала его в кружке подзорной трубы. А где был Жоффрей? Она бы предпочла, чтобы вторая встреча состоялась в присутствии мужа. Тогда бы она приближалась к посланцу короля, как чужая жена, послушно следующая за своим супругом, связанная с ним нерасторжимым обетом. Все свидетельствовало бы о том, что между нею и Барданем не существует никаких обязательств, не может быть никаких отношений, в которых не играл бы заметной роли тот, кого королевский гонец называл «пиратом».

Вдруг она заметила, что граф де Пейрак, сойдя на берег, сразу же направился к де Барданю. Его сопровождала испанская гвардия. Ее сердце громко забилося.

Но напрасно она потеряла голову. Она имела дело с мужчинами, которые прежде всего хотели избегать конфликта. Сознание собственной ответственности было слишком серьезно в каждом из них. Они не могли выставлять на первый план личные амбиции.

Она увидела, как церемонно они подошли друг к другу и, приветствуя один другого глубоким поклоном, сняли шляпы, и перья, украшавшие их дворянский головной убор, взметнули пыль с земли. Затем они приблизились друг к другу и обменялись несколькими фразами, как того требовала обычная вежливость. Казалось, что оба стойко выдержали удар. Никола де Бардань оказался немного ниже ростом, чем Жоффрей де Пейрак. Но ни один не выказывал высокомерия. Они

вели себя, как персоны высокого ранга на дипломатической встрече.

Анжелика отложила подзорную трубу и устремилась к шлюпке, чтобы присоединиться к двум собеседникам. Приближаясь к берегу, она заметила, что Жоффрей де Пейрак оставил представителя короля одного, а сам удалился. Граф де Бардань стоял неподвижно, пристально глядя в сторону «Голдсборо». Он искал ее силуэт на палубе отдаленного корабля, не замечая, что она в шлюпке приближается к берегу. Она посылала ему дружеские знаки, внимательно рассматривая его в утреннем свете. Действительно, в нем было что-то от Филиппа. У Барданя была более благородная внешность. Без усов он выглядел моложе. У него была матовая кожа лица, что характерно для жителей Западной Франции. Это приятно соответствовало сероголубому цвету глаз. Нельзя было отрицать, что у него хорошая выправка. Он был из тех дворян, которые умеют носить мантию, что стало редкостью, как заметила язвительная Амбруазина в тот день, когда Жоффрей де Пейрак так галантно приветствовал ее на берегах Голдсборо.

Поверх парика Бардань носил круглую шляпу с перьями, по последней моде. Вся его персона дышала изысканностью. Решительно усы, вернее, отсутствие усов, совершенно изменили его внешность. Она не могла сказать, что именно изменилось в лице, которое она знала два года тому назад. Словно облачко окутало физиономию.

Он заметил Анжелику только тогда, когда она сошла на берег. Она увидела, как сверкнули его зубы в улыбке. Он поспешно кинулся ей навстречу, затем остановился в нескольких шагах, чтобы приветствовать ее.

— Какая богиня приближается ко мне! — воскликнул он. — Дорогая Анжелика! Я вижу вас при свете дня и

знаю, что это не сон, не греза. Я вижу, что вы такая, какой я представлял вас себе вчера в потемках. Даже еще красивее. Какое чудо! Не буду от вас ничего скрывать. Я был так взволнован, расстроен, боялся обольщаться. Я был на грани безумия, я потерял сон.

«А мы упивались до смерти вином, — подумала Анжелика, — его бургундским вином. Это нечестно».

Как бы искупая ату несправедливость, Анжелика ласково протянула ему руку. Он с восторгом поцеловал ее.

— Я увидела, как вы сейчас встретились с моим супругом, — сказала она.

Де Бардань нахмурился.

— Увы! Тяжкий момент для моего раненого сердца. Однако я должен сознаться, что он проявил большую любезность по отношению ко мне. Завидя его издали в окружении иностранной гвардии, я сразу понял, с кем имею дело. Испанская гвардия! Короче, очень жаль, что этот господин с повадками кондотьера — ваш супруг.

Его лицо внушает страх. Однако он дружелюбно подошел ко мне с любезными словами. Он заверил меня в своей преданности королю Франции, в которой я сильно сомневаюсь, и в том, что я располагаю полной свободой. Это заверение запоздало, ведь мы подверглись аресту, как только прибыли в Тадуссак. Не вам ли я обязан избавлением? Он утверждает, что мы сможем завтра продолжить свой путь, так как ремонт корабля закончен. Словом, я не могу пожаловаться на его обхождение. Но я еще не скоро отделаюсь от горького впечатления, которое осталось от его внешнего вида.

Он помолчал минуту, затем продолжал:

— Я подумал, если он Рескатор, то, значит, именно с этим пиратом вы бежали из Ла-Рошели. Можно сомневаться в этом, но я помню, что тогда часто произносилось имя Рескатора. Его маневры под стенами

Ла-Рошели, чтобы укрыться от пушечных ядер, вполне в его стиле. Теперь я понимаю все. Именно там вы его и встретили.

«Это не так!!» — хотела сказать Анжелика, но он продолжал свою мысль.

— Конечно, я понимаю, вы обязаны ему и считаете его своим спасителем. Вы хотели выразить ему свою признательность. Но зачем же было выходить за него замуж, бедное дитя? Какая беда! Почему вы не дождались меня?!

— Я не могла предугадать, что вы приедете в Канаду.

— Нет, я хотел сказать, почему вы не дождались моего возвращения в Ла-Рошель вместо того, чтобы очертя голову броситься прочь.

— Вскоре нас всех бы арестовали. У Бомье был список. Кроме того, мне сообщили, что вы не вернетесь, так как впали в немилость.

Бардань щелкнул зубами.

— Болван! Жалею, что не проткнул его шпагой, как вонючую крысу.

— Это ничего не изменило бы.

— Оставим эту несчастную историю, — предложил со вздохом мсье де Бардань. — И вот теперь вы стали мадам де Пейрак.

— Теперь — сегодня и вчера.

Анжелика была готова объяснить, что вышла замуж за Пейрака давно, что они прожили пятнадцать лет в разлуке, что благодаря чудесной случайности вновь встретились у Ла-Рошели. Эта задача показалась ей слишком тяжелой. Он уже привык считать ее милой обманщицей. Он начнет ее расспрашивать, чтобы выведать все до конца. Этот человек не желал слушать того, что причиняло ему неприятности, что разрушало его иллюзии и надежды. Так зачем же исповедоваться перед ним? Он же может разболтать все в Квебеке и

этим усилить позиции их врагов. Что знают о них в этом городе? Какие-то слухи уже кое-где бродят. Придет время, когда их узнают и в Квебеке. Но не следует лить воду на мельницу враждебно настроенных людей.

Она не забывала, что в глазах двора остается Мятежницей из Пуату, поднявшей оружие против законного монарха. А значит, подсудна законам Франции, где за ее голову назначена немалая сумма. И ее положение чревато большим риском, нежели положение Жоффрея, которого король тайно помиловал. Ко всем опасностям, поджидавшим их в Квебеке, Анжелика, отмеченная клеймом-лилией, добавляла опасность быть узнанной и арестованной.

Круг замыкался. Рассказать всю свою историю значило связать себя по рукам и ногам и сдаться этому представителю короля. Даже если он и влюблен в нее, разве он удержится от насмешки? Она никогда не должна забывать об его миссии. Ведь Людовик XIV поручил ему собрать сведения о странной паре, разузнать, не является ли женщина, сопровождающая графа де Пейрака, Мятежницей из Пуату. Это будет нелегко.

Когда она слышала его рассказ о короле, когда он описывал, как почтительно сидел он напротив короля — а она, именно она, побывала в объятиях этого короля, — о том, как Его Величество, давая инструкции, проводил его до двери; когда он описывал несравненную красоту дворца, залитого июньским солнцем, ей хотелось прервать его, сказав «да, я знаю», и спросить его: «Построили ли новую оранжерею? Закончили ли левое крыло дворца? Какие пьесы в этот сезон показывал Мольер принцам?» Она вовремя удержалась и переменяла тему разговора.

— Я все время забываю спросить вас, вы женаты?

— Женат! — вздохнул де Бардань. — Как вы это себе представляете?

— Почему бы и нет? Мне кажется, что за два года вы могли бы решиться.

— За два адских года, да! Вы не отдаете себе отчета, сколько я вытерпел за эти два года. Отчаяние, когда я вас потерял, а затем впал в немилость.

Когда-то он был доволен собой и своей жизнью, а тут почувствовал себя сраженным и принял это как трагедию. «Неужели я и вправду нанесла ему такой удар?» — спросила себя Анжелика.

Он поведал ей, что, несмотря на протекцию Дегре, он был брошен в тюрьму. Главный лейтенант полиции мсье де ла Рейни вызволил его оттуда.

Анжелика, воспользовавшись случаем, задала ему вопрос, который жег ей язык:

— Как могли вас, после стольких неудач, рекомендовать королю для подобной миссии? Ведь это весьма ответственное поручение?!

— Меня рекомендовал как раз мсье де ла Рейни. Я предполагаю, что дело обстояло так. Король искал, кому бы доверить миссию в Канаде. Я знаю, что он привык обращаться за советом к лейтенанту полиции мсье де ла Рейни, который располагает полными сведениями о населении королевства, о каждом подданном короля. А Дегре не расставался с лейтенантом полиции, Дегре — его правая рука. Видя, что мсье де ла Рейни старается услужить Его Величеству, он рассказал ему обо мне, напомнил, что именно лейтенант помог мне выйти из Бастилии и уладить мои дела. Именно поэтому, хотя проклятый Дегре заставил меня страдать, я должен быть ему признательным.

— Да, я понимаю. Так, значит, по вашим словам, это Дегре рекомендовал вас на королевскую службу — в Канаде. И поручили вам проследить за графом де Пейраком. Вы так мне говорили.

— Да, именно ему, Дегре, мсье де ла Рейни поручил сопровождать меня в Версаль. Убедившись, что король действительно беседовал со мной, он стал очень низко кланяться, приветствуя меня. Больше я не слышал от него даже намеков на злключения в Ла-Рошели. Видите, как сложились дела.

Да, она это очень хорошо видела. И разве ошибался Жоффрей, разгадав, что за кулисами этого назначения затаился шутник — дьявол. Он дергает веревочки по своей прихоти и навел несчастного Барданя на след той, которую он так любил. Король величественно восседает под люстрами Версаля и наставляет Никола де Барданя, стараясь скрыть дрожь в голосе:

«Извольте также, мсье, когда будете в Канаде, разузнать о женщине, которая живет с графом де Пейраком. Не та ли это особа, которой мы некогда нанесли поражение в провинции, но имени Мятежница Пуату? Она исчезла. И вот уже в течение двух лет моя полиция не может ее разыскать. Она так же опасна, как и граф де Пейрак».

А полицейский Дегре, укывшись за голубой занавеской с королевскими лилиями, подслушивает эти речи и прячет под маской безразлично насмешливую улыбку.

Дегре, должно быть, здорово забавлялся, плетя сеть этой интриги. Она представила, как зажигаются огоньки в его зрачках цвета красноватой чешуи. Случайно ли целью его плана было разыскать именно ее, Маркизу Ангелов, снова найти ее...

«Дегре, мой друг Дегре», — подумала она, внезапно охваченная ностальгией.

— Вы думаете о Дегре, — с горечью заметил граф де Бардань, — Нет, не отрицайте, это очевидно. Ваш взгляд смягчился. Но я был бы злопамятным негодяем, если бы сердился на него. Хотя он мне и неприятен, я не должен забывать, что именно благодаря Дегре я

свободен и сегодня нахожусь в Канаде, рядом с вами. А ведь я мог томиться на гнилой соломе в тюрьме.

Невинный Бардань!

Рассуждая так, он сделал несколько шагов, не обращая внимания на обычную сутолоку. Канадцы поглядывали на них. Эти двое отличались от других людей. Они были знакомы давно, еще там, откуда прибыли — в Европе, в Ла-Рошели. У них были общие воспоминания.

— Как я любил Ла-Рошель! — вздохнул он.

— Я тоже.

— Я часто мечтаю о Ла-Рошели. Мне кажется, что это был лучший период в моей жизни. Я тогда испытывал вдохновение, готов был решать любые проблемы. Этот город имел неповторимый характер. И там я встретил вас. Я любил даже несносных гугенотов. Мне импонировал их семейный уклад. Их женщины — серьезные, рассудительные. Кстати, вы говорили о женитьбе. Был момент, когда я хотел сочетаться законным браком со старшей дочерью мсье Маниголя, красавицей Женни. Но одно только слово об этом вызвало неопишуемый страх в этой кальвинистской семье. Я для них был чертом. Мне предпочли какого-то глупого офицеришку. Зато он был гугенотом.

Упоминание о Женни взволновало Анжелику. Бедняжка Женни! Ее похитили дикари. Она исчезла в чаще американского леса. Это жестокая страна.

Бардань не расспрашивал ни о ней, и она решила не сообщать ему, что произошло с Женни, прелестной жительницей Ла-Рошели.

— ...Ведь чего я от них добивался? — продолжал королевский посланец. — Всего лишь отречения и перехода в другую веру... А они отнеслись к этому с таким ожесточением. Меж тем все это не так уж и страшно. Бели эти люди желают оставаться французами, им следует подчиниться законам. Нельзя

позволить хаосу воцариться на всей земле. Иначе пришлось бы разделить королевство на два государства, одно из которых допускало бы, что на его земле королевские указы не действуют. Если не удастся свергнуть монарха в ничтожество, кем его заменишь? В подобных же обстоятельствах англичане своему королю отрубили голову. И посмотрите, к чему теперь это их привело... К тому, чтобы вскоре предложить трон другому. Я так старался убедить этих меднолобых гугенотов. Они коснели в тупом упрямстве. Предпочитали бросить все свое добро, но только не склонить головы перед законом. И эти-то дубиноголовые упрямцы почитали себя образцовыми подданными Его Величества!

Я не забыл, что вы тогда держали их сторону, проявляя то самое женское непостоянство, о котором нам, мужчинам, следует помнить всегда. Теперь вы можете убедиться, что ошиблись в ваших расчетах. Тогда вы были полностью под влиянием этого Берна, вашего хозяина. Человека несдержанного, алчного, плотоядного, это сразу бросалось в глаза... Он страстно желал вас. В вашем присутствии он боялся поднять на вас глаза. Знаю эти штучки. Я сомневаюсь, что он мог сопротивляться искушению.

— Когда же вы оставите в покое несчастного Берна?
— вздохнула она. — Его здесь нет, и вы рискуете с ним никогда не встретиться. Напоминаю еще раз, что я больше не служанка Берна.

— Правда, вы супруга этого пирата, высокомерного сеньора. Он соблазнил вас своей фортуной. Это само собой разумеется. Но это несправедливо, и я никогда с этим не соглашусь. Вы должны принадлежать мне, должны стать моей любовницей.

— Здесь? Сейчас? — спросила она, указывая на сельскую площадь, посреди которой они остановились. Затем она рассмеялась, видя его растерянность.

— Дорогой мсье де Бардань, взвешивайте ваши слова, пожалуйста. Они тешат меня, но будьте благоразумны. Вы находитесь перед супругой графа де Пейрака, и, как бы неприятен он вам ни был, я обязана быть верной ему. Думаю, что я не обижу вас, если напомню, что мужчины такого характера очень высоко ставят честь. И вы ведь не из числа тех, кого страх перед дуэлью заставит отступить. Будьте любезны сохранить дружбу, которую вы мне внушаете, и не обижайтесь на то, что я вас огорчаю.

Анжелика заметила, что Бардань слушает ее с мечтательным видом, как будто он больше обращает внимания на модуляцию голоса, чем на значение слов. Он страдал, но испытывал при этом восторг.

— Я снова вишу всю вашу женственность, вспоминаю, как умело вы вели семейное хозяйство в доме Берна. Как вы умеете обращаться с детьми! Дело доходило до того, что я ревновал вас к детям Берна. Я мечтал быть ребенком, которого вы ласково взяли бы на руки, побранив с нежностью: «Я браню вас».

Но я не в ваших руках, увы, и вы не ласкаете меня. Они расслабились, и оба дружески рассмеялись. Граф де Бардань взял Анжелику под руку.

— Не бойтесь ничего. Мне, конечно, очень трудно, но вы настолько очаровательны, что я не могу на вас долго сердиться. Мое злопамятство по отношению к вам было бы несправедливым. Вы впрыснули яд в мою кровь, но вы же и подарили большое счастье. Я обещаю впредь быть благоразумным. Но не улетайте больше!

— Куда же я улечу, мой бедный друг? — спросила она смеясь. — Хочешь не хочешь, а жизнь толкает нас к Квебеку, где мы обречены зимовать все вместе.

— Тогда я вас увижу... я вас увижу, — прошептал он, как бы боясь поверить подобному счастью. — Я предчувствовал вчера вечером, что при этой встрече произойдет что-то чудесное.

Анжелика не испытывала подобного восторга. Она видела на втором плане ироническое лицо Дегре. Если она и рассматривала проживание в Квебеке как ловушку, неожиданное появление де Барданя вносило новый элемент, скорее благоприятный.

Если он действительно любит ее до такой степени, когда страсть ослепляет, и он готов на все, чтобы удовлетворить страсть, то она сохранит власть над ним. Он может принести ей пользу, как это было в Ла-Рошели.

В конце концов, даже сам мсье де Фронтенак должен выказывать послушание посланцу короля.

Поскольку тот в своей роли посланца и бдительного ока короля, надзирающего за порядком в колонии, был наделен почти мистической, ничем не ограниченной властью, все наперебой добивались его милости и внимания, опасаясь, что несколько суровых слов в его отчете могут навлечь на них высочайшую немилость.

Взяв на себя труд разрешить загадку, каковой являлась для всех здешняя и прошлая жизнь Анжелики и ее супруга, он, видимо, будет склонен высказаться в их пользу, чтобы не вызвать ее неудовольствия.

Если учесть все это одновременно, можно согласиться с его заверениями в том, что для нее и Жоффрея его приезд в качестве монаршьего посла пришелся как нельзя более кстати.

Когда эта мысль утвердилась в ее сознании, она испытала облегчение и невольно прижала к себе руку де Барданя, на которую опиралась. Граф с удивлением посмотрел на нее счастливыми глазами.

В этот момент глаза Анжелики, блуждающие по горизонту, различили белое пятно, которое постепенно увеличивалось в размерах: в верховьях реки парус.

Стая мальчишек побежала к воде с криками: «Мирабель»!»

Глава 2

— «Мирабель»! — воскликнул Никола де Бардань. — Ведь это королевский корабль, который должен прийти из Квебека, чтобы спасти меня!

— Но на вас никто не нападал, — гневно возразила она. Она отдернула руку, которую он нежно пожимал. — Прекратите толковать об опасности. Вам никто не угрожает. И объясните этому слабоумному, что нелепо применять здесь пушки. От этого ваше положение станет незавидным. Относительно меня запомните раз и навсегда: все, что касается графа де Пейрака, моего супруга, касается также и меня. Напрасны будут ваши надежды остаться моим другом, если вы окажетесь на стороне его врагов.

Она оставила его, рассерженного и огорченного, и побежала к берегу, где ее ждали дети и телохранители.

Она почти столкнулась с Маргаритой Бургуа. Женщины обменялись быстрым взглядом. Они не виделись два дня. Анжелика быстро сказала:

— . Не надейтесь, что прибытие этого корабля может что-нибудь изменить. Мы пришли сюда не для того, чтобы сражаться.

— Я целиком разделяю вашу надежду, — подтвердила Маргарита Бургуа.

Но население поселка было в недоумении. Среди безучастных наблюдателей стали появляться группы вооруженных матросов. Постепенно пляж становился черным от людей.

Люди де Пейрака не проявляли враждебности, но их поведение обескураживало канадцев. Взглянув на рейд, Анжелика заметила, что корабли изменили свою позицию. Те, которые охраняли фланги утром, поднимали паруса и разворачивались в маневре. Корабль, которым командовал Бассомпье, подошел поближе к «Голдсборо». Небольшие яхты и самое тяжелое судно образовали каре. Как и в тот день, когда они окружили «Сен-Жан-Баптиста», направив его в

Тадуссак, корабли расположились полукругом, перекрыв путь из реки, блокировали пролив с севера. Прибывающему кораблю не оставалось ничего другого, как сделать остановку в Тадуссаке. Пока Анжелика вела шутивную беседу с посланником короля, Жоффрей де Пейрак и его корабли быстро заняли свои места и позаботились о защите. Оставалось надеяться, что во имя чести «Мирабель» не станет причинять непоправимого зла.

— Мне было бы очень неприятно открыть огонь по кораблю Его Величества, — прошептал де Пейрак.

Анжелика заметила, что он стоит позади со своими старшими офицерами.

— Не желаете ли вы вернуться со мной на борт «Голдсборо»? — спросил он ее. — Возможно, именно там мы примем командира «Мирабель», и ваше присутствие будет полезным в наших переговорах.

Он галантно приветствовал Никола де Бардана, который держался на некотором расстоянии, и помог Анжелике, детям и Иоланде с Адемаром занять места в шлюпке. Анжелика была так встревожена, что даже не взглянула на посланца короля.

Когда они подплывали к «Голдсборо», то прошли очень близко от «Мирабель». Им были слышны даже команды капитана на мостике. Было видно, как матросы поднимаются по лестницам, расчаливают ванты, другие заняты парусами. Тяжелый корабль поворачивал вбок.

— Он возвращается в Квебек, — воскликнула Анжелика.

Все, кто был в шлюпке, заинтриговано смотрели на «Мирабель». Но судно просто повернулось к устью Сегеней и постепенно удалилось вверх по реке.

— Если они высадутся там, они не смогут обойти Тадуссак с тыла и напасть неожиданно? — вполголоса спросила Анжелика.

— Оба берега Сегенея под надежной охраной, — ответил Пейрак. — А наши люди уже заняли порт.

Корабль почти скрылся из глаз, были видны только верхушки его мачт, выступавшие из-за мыса, за которым он остановился. Затем его силуэт снова возник перед глазами, но гораздо дальше. Он почти приблизился к противоположному берегу устья. Видимо, на судне решили, что первоначально выбранная позиция не столь удобна для того, чтобы причалить.

Оно все удалялось, удалялось, и вот послышался слабый скрежет выпущенной из клюза якорной цепи, звук этот эхом отразился от громоздившихся над водой высоких береговых известковых круч.

— Оказывается, это осторожный корабль!

— Я не думал, что эти господа из королевского мореходства будут так сдержанно вести себя.

Они поднялись на борт «Голдсборо» и продолжали издали следить за маневрами прибывшего судна. Корабль Бассомпье держался поблизости, готовый вступить в дело, если возникнет такая необходимость.

Было видно, как от прибывшего корабля отделилась бортовая шлюпка, затем направилась к «Голдсборо».

— Разве я не предсказал этот визит? — спросил де Пейрак.

Виль д'Эвре попытался рассмотреть, что там происходит.

— Эти молокососы из королевского мореходства... Они только и годны, чтобы шнырять по побежденным морям. А «Мирабель»? Я вас спрашиваю, разве это подходящее название для корабля? Такое возможно только в Англии.

— А как бы вы назвали свой корабль, мсье де Виль д'Эвре? — спросила Онорина.

— Я еще не знаю, дитя мое. Я подумаю...

В лодке с гребцами сидел очень солидный крепкий мужчина. Ворот его мантио был поднят и скрывал «голицо». На голове — высокая меховая шапка.

— Это не командир «Мирабель», — пояснил Виль д'Эвре. — Обычно они носят пеструю одежду, расшитую золотом и украшенную галунами, на голове — роскошный парик.

Человек проворно поднялся по висячей лестнице, которая была спущена для него, и взошел на палубу. Он был обут в огромные сапоги из моржовой кожи. Его кружевное жабо было завязано черт знает как, но он носил шпагу.

— Мсье барон д'Арребу! — воскликнули все, узнав президента квебекского синдиката, который был их гостем в Вапассу прошлой зимой. Он остановился, посмотрел на Пейрака, затем на Анжелику, и его суровая физиономия просветлела. Он направился к ним с протянутой рукой. С явным удовольствием поцеловал руку Анжелики, выражая мимикой, как приятно удивлен вновь встретить здесь гранд-даму. Он знал ее раньше в суровой атмосфере форта.

Он остановился при виде де Виль д'Эвре и интенданта, не ожидая увидеть их в качестве гостей де Пейрака на борту «Голдсборо», затем повернулся к графу. И барон увидел ее в новом качестве. Граф стоял на капитанском мостике корабля, управляя своим флотом с многочисленным экипажем. Он проявил себя хозяином Тадуссака.

— Добро пожаловать на борт «Голдсборо», — сказал граф, приближаясь к барону. — Вы посланы как представитель командира «Мирабель»?

— Нет, а почему вы так думаете? — спросил, выказывая удивление, барон д'Арребу.

Он бросил взгляд в сторону «Мирабель».

— Этот олух де Люппе поклялся своим спасением, что добьется повышения по службе. Меня это не

касается. Но я потребовал, чтобы в мое распоряжение передали одну шлюпку, чтобы я мог приветствовать вас и предостеречь.

— От чего?

Барон д'Арребу отступил на шаг. На его физиономии отразился ужас: «Над Квебеком проплыли пылающие лодки».

Глава 3

«Над Квебеком проплыли пылающие лодки».

Перед ними стоит мсье д'Арребу. Торжественно-трагическим тоном сделал он это заявление: «Над Квебеком проплыли пылающие лодки». Затем замолчал.

За ними вдали у розового утеса Сен-Лорана находится корабль. Он вынырнул из зимнего тумана и теперь четко вырисовывается своими тремя мачтами. Больше ничего. Этот корабль прибыл сюда напрасно. Что он может сделать? Разве дождется он, чтобы пять кораблей ни с того ни с сего сдали свои позиции? Он и сделал, что мог — направил к «Голдсборо» шлюпку с человеком горячим и крепким, с любезной физиономией. И человек этот искренне обрадовался, неожиданно увидевшись с ними.

Мсье д'Арребу был искренним другом.

Появление «Мирабель» само по себе не было трагедией. Трагедию предвещало только что сделанное президентом синдиката заявление: «Над Квебеком проплыли пылающие лодки». Анжелике показалось, что барон хотел добавить: «Поверните! Поверните назад! Вы прокляты!» Она огляделась, чтобы увидеть, как окружающие восприняли эту новость. Анжелика угадывала в этом дурное предзнаменование, ведь она была родом из Пуату, где народ суеверен. В ее провинции рассказывали об охотнике со сворой собак. Когда он в огне пересекал небо, это предвещало чуму и всяческие беды — смерть. Но большинство офицеров и компаньонов де Пейрака отнеслись к этому

равнодушно. Они даже не поняли, о чем идет речь. Граф де Пейрак выслушал эту новость спокойно и иронично. Он не боялся знаков, предвещавших неприятности. Карпова охватил страх, а Виль д'Эвре новость позабавила.

— Предвестие неотвратимых бедствий: мора, вторжения, военного разгрома, — с мрачным видом возвестил интендант.

— Эти народные легенды прелестны, не правда ли? — восхитился маркиз.

— Да, знаете ли, моя дорогая, — обратился он к Анжелике, — здесь рассказывают, что время от времени по небу проплывает огненное каноэ, это то же, что лодки в Канаде. А во Франции по небу гуляет огненный охотник со сворой собак. Это нормально. Мы находимся в Канаде. Воображение разных народов не очень-то разнится между собой. Оно нуждается в чудесах. Народ верит, что небо посылает ему знак. Я сам видел. В 1660 году, в момент землетрясения, помните, д'Арребу?

— Да, я помою, — подтвердил барон. — Поэтому я хочу вас предостеречь, мсье де Пейрак. Огненные лодки проплыли над Квебеком несколько дней тому назад. Тому много свидетелей. Часть очевидцев утверждает, что видели далекую флотилию, пересекавшую небо в направлении Виль-Мари де Монреаль.

Но кто-то из местных жителей, еще позавчера отправившийся проверить западни на медведя, рассказывает, что на обратном пути, выходя из леса, он заметил близко от себя такую лодку. Она в полной тишине проплыла у него над головой.

— А кто был на борту? — спросил Виль д'Эвре.

— Мученики-иезуиты: отцы Бревеф, Лалеман, а также охотники, но их трудно было разглядеть в пламени. Наверное, там был Никола Пари.

— Никола Пари? — воскликнула Анжелика. Ее это взволновало так, как будто ей только что сообщили о смерти ее дорогого друга-канадца. — Не говорите мне, что с ним произошло несчастье.

— Прекратите рассказы! — потерял терпение Карлон. — Мы все хорошо понимаем, что это вздор суеверных бродяг.

— Полегче, мой друг! — прервал его Виль д'Эвре. — Я сам видел, своими глазами.

— О, вы! Вы всегда все видите. А вот я «Их» никогда не видел. Впрочем, это неважно. Видел ли их кто-нибудь или не видел, но ясно, что город охвачен волнениями. Уверен, что половина горожан в церкви, а другая половина — на крепостном валу. Держу пари.

— Ваше пари справедливо. Урсулинки уже начали молиться о том, чтобы корабли мсье де Пейрака повернули обратно.

— Это не облегчает никоим образом ваше прибытие в Квебек, граф.

— Вы прибыли к нам посланцем от перепуганного народа, барон? — спросил де Пейрак, обернувшись к д'Арребу. — Чтобы заклинать меня ретироваться, подобно Атилле, отступившему от стен Парижа, вняв увещеваниям Святой Женевьевы?

Д'Арребу задумался над вопросом, затем помрачнел и тяжело склонил голову.

— Нет, нет, напротив, никем не уполномочен.

— Что вы хотите сказать этим «напротив»?

Барон опустил голову.

— Я возвращаюсь во Францию, — сказал он, — вот почему я оказался на борту «Мирабель». — Он казался очень опечаленным. — Я был арестован, — сказал он.

Одно восклицание вырвалось у всех.

— Из-за чего? — спросила Анжелика. — По одной причине?

— Из-за вас, — ответил барон, пристально взглянув на нее.

Все замерли в молчании. Мсье д'Арребу был почти основателем Канады. Казалось невероятным, что с ним могут обойтись подобным образом. Никто не понимал, как Анжелика оказалась причиной его неприятностей.

— Но когда я говорю «вы», то имею в виду и мсье де Пейрака. Мадам, извините меня. Короче, я был горячим приверженцем вас обоих.

— Так вот что нас ожидает! — изрек с горечью интендант Карлон.

Граф де Пейрак обратил внимание барона на корабль.

— Вы думаете, что господа на «Мирабель» считают нас врагами?

— Я так не думаю. Командир корабля мсье де Люппе, — мой родственник, — молодой человек, заинтересованный в том, чтобы не ссориться с канадцами. На борту его корабля я был заключенным, взятым на поруки. Не настроены ли вы переговорить с ним?

— Конечно!

— В таком случае нет ли у вас белого шарфа или фонарика, чтобы я мог подать ему сигнал?

— Видите, вы выполняете миссию...

Виль д'Эвре предложил барону свой белый шарф, и д'Арребу взмахнул им несколько раз, прикрепив к шпаге.

— Я успокаивал его, уверяя в чистоте ваших помыслов, но он продолжает сомневаться в моих словах. Про вас рассказывают столько небылиц, а тут еще дурные предзнаменования. После появления над Квебеком летающих лодок всеобщее возбуждение дошло до предела, и к тому времени, когда мы снимались с якоря, все будто с ума посходили.

Мсье де Люппе оказался молодым офицером, высоким, хорошо сложенным. У него был гордый, высокомерный вид. Это был довольно распространенный тип куртизана. Он был похож на маркиза де Варда или на брата Луизы де Лавальер. Избалованное дитя светского общества. Его сопровождали шесть моряков с мушкетами.

— Мсье, — сказал он, едва ступив на палубу «Голдсборо», обращаясь к Пейраку, — питаете ли вы враждебные чувства к нам?

— Это я вас об этом спрашиваю, — ответил де Пейрак. Маркиз де Люппе посмотрел вокруг, отмечая парусники, маневрирующие поблизости:

— Я умею видеть, мсье, и умею считать. Я один против пяти кораблей. Мне не дали приказа свыше о вас. Вы на меня не нападали. Франция не воюет с вашей нацией. Почему я должен питать к вам враждебные чувства?

— Тогда мы квиты, мсье, вы можете продолжать свой путь!

— Я хотел бы остаться на два дня в Тадуссаке, чтобы запастись питьевой водой и дровами.

— Как вам угодно, но при условии, что ваши люди будут уважительно относиться к нам и не будут проявлять враждебности.

— Подождите-ка, славный молодец, — вмешался в разговор Жан Карлон, выступая вперед. — Нужно, чтобы вы погрузили мои мачты и древесный уголь для Гавра.

— Но мой трюм загружен полностью, — воскликнул офицер, краснея. — И кто вы такой, чтобы разговаривать со мной таким тоном?

— Кто я такой? Вы сейчас узнаете, мой мальчик! — воскликнул интендант Новой Франции.

Анжелика не стала дожидаться конца этого бурного диалога. Видя, что их дела налаживаются, она увела

барона д'Арребу к кабинету для карточной игры. Она очень хотела поговорить с ним и выяснить, каким образом из-за нее он впал в немилость.

Глава 4

— Что произошло? — спросила она, когда они удобно устроились за столиком, где стояли бокалы бургундского вина.

— Вы об этом спрашиваете, — вздохнул он. — Увы, это вы, еще вы... Мы, Ломени и я, прикинулись дурачками. Когда мы вернулась из Вапассу, то оба наперебой повторяли, что мы влюблены в Даму Серебряного Озера, то есть в вас.

— Я не представляю себе, как мсье де Ломени делал такие заявления, — рассмеялась Анжелика. — Это не в его стиле. Разве он не священнослужитель? Кавалер Мальтийского ордена?

— Совершенно верно! Его поведение шокировало еще больше, чем мое. Вы плохо знаете его, мсье де Ломени — человек легкомысленный и вспыльчивый. Когда рассказывает о своих победах, не зная меры.

Итак, нас послали к вам, чтобы воочию все увидеть и сообщить свое мнение, что мы и сделали. По наивности я предполагал, что нас избрали, руководствуясь тем, что мы внушаем доверие нашим согражданам, а потому к нашему суждению прислушиваются. Слишком поздно я понял, что от нас ожидали лишь такого ответа, который бы во всем согласовывался с их собственными ожиданиями. Одним словом, мы должны были бы вас обличить, объявить врагами и призвать всех на борьбу с вами.

Поскольку наш ответ оказался иным, нам тотчас выразили недоверие и объявили подозрительными и опасными людьми. Нас обвинили в том, что мы позволили обвести себя вокруг пальца, поддались щедрым посулам или каким-то колдовским чарам. Но мы

не могли сперва уразуметь, в чем причина этих нападок.

Мы-то думали, что как только правда будет сказана, все горячие головы утихомятятся. Да, мы вели себя как сумасшедшие, — угрюмо повторил он, — По возвращении от вас мы еще некоторое время пребывали в счастливом возбуждении, страшном в наши-то годы. Как будто мир переменялся, стал иным, — так нам тогда чудилось. Надо опасаться тех флюидов, что разносятся зимними ветерками, когда воздух чист и прозрачен, и вызывают самое настоящее головокружение от неведомой откуда взявшегося ощущения полного счастья. Не надо доверять себе в такие минуты. Но что бы там ни было, говорили-то мы истинную правду и вполне разумные вещи, даже когда шутили. А разве позволительно шутить я Новой Франции? Судя по тому, что случилось с нами, это довольно опасное занятие.

— Выпейте капельку вина, — предложила она, видя, что его нервы натянуты до предела. Где же тот уравновешенный и спокойный человек, каким он был в прошлом году в Вапассу? — Это вино из Бургундии.

— Оно действительно очень хорошее. Настоящий нектар. Я чувствую себя лучше.

— Успокойтесь. Теперь вы с нами. Мы вам поможем.

— Это исключено. Я не могу успокоиться: я человек, впавший в немилость. Во Франции меня ждет только Бастилия.

В этот момент дверь распахнулась, и появился маркиз де Виль д'Эвре, потирая руки.

— Ха, ха! Хорошенькое дело! Прибытие «Мирабель» позволяет мне написать мадам де Понтарвиль и попросить уступить мне одного из ее арапчат. Он будет моим пажа».

Он присел рядом с ними и налил вина в бокал.

— Вы говорили о Бастилии, барон. Не беспокойтесь. Кто не побывал в Бастилии? Даже я сам, как и лее. Но я, например, привел туда своего слугу и повара. Насчет обслуживания вы не сомневайтесь. Там можно все это уладить.

— Благодарю вас за совет, — сказал д'Арребу.

— Уверяю, что нам будет не хватать вас, когда зимними вечерами мы будем собираться за карточным столом в Квебеке.

Жизнерадостная улыбка маленького маркиза не могла не «давать раздражения у барона д'Арребу, и он охладил его пыл:

— Не веселитесь заранее. Вас тоже могут вымести метлой из Квебека.

— Меня? Меня никто не посмеет тронуть!

— Я тоже точно так же говорил еще несколько месяцев назад. Но вы видите, — обратился он к Анжелике, — как плохо обернулось дело помимо вашей воли. Наши речи, Ломени и мои, помимо нашей воли стали преградой всеобщей тяге к большим беспорядкам. Все хотят, а иные страстно желают, чтобы произошло что-то непоправимое. Тогда станет спокойнее на душе, ибо будет понятно, где враг, кого проклинать. Неизъяснимый, близкий к мистическому страх укрепляет веру, придает смысл храбрости и цену усилиям и переносимым тяготам.

Лишив их повода считать себя отмеченными особой печатью небес, мы как бы выступили на стороне сил ада. Слишком поздно я понял, что происходит, ибо не придал значение поветрию, которое отвечало многим чаяниям, навязчивой идее, для торжества коей трудились столь многие. И действительно, разве не хватает нам одних ирокезов, чтобы всегда быть начеку, думал я?

Люди сошли с ума! Мы тоже обезумели... И вот итог: однажды утром ко мне явились жандармы, чтобы меня

арестовать. Арестовать меня, президента-синдика Квебека!

— Жандармы?! — вытаращил глаза Виль д'Эвре. — Никогда я не поверю, что Фронтенак отдал такой приказ.

— Нет, но он позволил Кастель-Моргу опередить себя. Это военный губернатор города, не будем забывать об атом. Да, пожалуй, он является и военным губернатором всей Новой Франции. Это он послал стражу.

— А ваша жена? — спросил Виль д'Эвре, как бы охваченный внезапной мыслью. — Она тоже возвращается с вами во Францию? Вы до сих пор не сказали мне, что она на борту «Мирабель». Скорее в шлюпку, я еду к ней с визитом, к этой обожаемой подруге.

— Нет, ее нет на борту «Мирабель», — проворчал д'Арребу и, вскочив на ноги, повлек маркиза к двери. — Ее нет со мной. Вы отлично знаете, что она находится в заключения в Монреале.

— В заключении! В заключении! — повторил Виль д'Эвре, как будто не понимая. — Заключение... Это все равно что замурована. И вы позволили сделать это? И вы можете уехать в Европу, покинув ее здесь? Вы — чудовище. Я на вашем месте разбил бы ее камеру киркой. Люси — в заключение... Такая чарующая красота... Куколка... У нее самая совершенная в мире грудь, а вы пренебрегли...

— Замолчите! Замолчите сейчас же! — д'Арребу покраснел и схватил его за галстук. — Замолчите, несчастный! Вы вонзаете нож в мою рану...

Он так покраснел, что впору было применить кровопускание. Оба мужчины так внезапно вцепились друг в друга, что Анжелика не успела вмешаться. Она не знала, как их разнять. Они заметили, что поступили

как дикари, прервали ссору и попросили извинения у нее.

— Извините меня, мадам, — сказал д'Арребу. — Все это и так меня сокрушило, а мсье де Виль д'Эвре меня распалил.

Виль д'Эвре привел себя в порядок. Он был раздосадован, особенно его поразила новость о Люси д'Арребу.

— Что ж, вы увели от меня Люси и хотите, чтобы я вас поздравлял! Убирайтесь, уезжайте! И пусть вас упрячут в Бастилию... Я буду рад.

И он удалился, чтобы написать письмо мадам де Понтарвиль.

— Он прав, — сказал барон д'Арребу. — Если я уеду, то уже никогда не увижу Люси. Я это чувствую. Она замурована здесь, в Вилль-Мари, а я тоже буду замурован — я Бастилии. Кто о нас позаботится? Ах, как много бурь и бедствий обрушилось на меня за такое короткое время!

— Нужно что-нибудь сделать для мсье д'Арребу, — с такими словами Анжелика устремилась навстречу Жоффрею де Пейраку. — Его разлучают с женой.

Она объяснила мужу все, что только что поведал ей барон: как он скомпрометировал себя, проявив лояльность в дружбу по отношению к ним.

— Если он уедет в Европу, то, возможно, больше никогда не увидит ее вновь. А кто вызволит его из Бастилии? Пройдут годы, Я предложила ему остаться на борту «Голдсборо», но он говорит, что дал слово дворянина Люппе.

Жоффрей де Пейрак посмотрел на командира «Мирабель», который отправлялся уже в обратный путь на свой корабль. Граф спросил его о бароне. Командир ответил, что его арестовал не Фронтенак, что командиру безразлично, где будет мсье д'Арребу — в Канаде или в Бастилии.

— Тогда есть решение этого вопроса, — сказал де Пейрак, входя с женой в комнату для игр.

— Мсье, хотели бы вы остаться в Канаде?

— Конечно! Сто раз да! Ведь здесь находится мое сердце и моя жизнь. Но меня изгнал Великий Совет. Теперь мне нет места в Новой Франции. И я дал слово чести мсье де Люппе, что не убегу.

— Неважно, барон! Что можно сделать с пиратом? Вы попали в мои руки. Мне нужен заложник. Мсье де Люппе вынужден уступить требованиям флибустьера.

— Что вы хотите сказать?

— Вы — мой пленник! Это очень просто.

Глава 5

«Этот Дегре — негодяй». Это словечко, вынесенное из Двора Чудес, Анжелика вспомнила, думая об истории с Барданем. Во Дворе Чудес слово это произносили с восторгом:

— Негодяй!

«Негодяй» значило малец, который всегда себе на уме. Или, как говаривали во Дворе Чудес, — тот, у кого часто заводятся мыслишки «неизвестно откуда», притом довольно кровожадного свойства. Это гений недобрых проделок. Скрытный, непредсказуемый. Но при всем том о нем нельзя было сказать, что он нападает из-за угла, ведет подлую игру. Негодяй — это парень, умеющий постоять за себя и использовать в схватке все, что попадет под руку, превратив это в смертоносное оружие.

Она была одна в салоне «Голдсборо». Стоя у своего письменного столика, она думала о Дегре. Дело было вечером. Лампа, заправленная моржовым жиром, излучала мягкий желтый свет. Эскимосы выменивали такие светильники на соль и жемчуг. Лампа освещала и обогревала. Языки огня были мягкого медового цвета, вокруг них, как широкий нимб, стояло такое уютное

мерцающее пятно. В этом сиянии лицо Анжелики выглядело задумчивым и мечтательным.

Она в этот день не сходила на берег. Пленение мсье д'Арребу доставило ей много забот. И видеть вновь Барданя ей уже вовсе не хотелось. Все, что требовалось, она у него уже выпытала. Поговаривали, что на следующий день назначено отплытие «Сен-Жан-Баптиста».

Что ж, в добрый путь! Ей еще достанет времени слушать в Квебеке, как этот безутешный влюбленный изнывает от неразделенной страсти. Сейчас ее мысли были заняты иным персонажем, полностью заслонившим Барданя: она думала о Дегре. Он смотрел на нее из темноты и говорил: «Вот и я, Маркиза Ангелов».

Это привело к следующим рассуждениям: если в дело вмешается Дегре, это будет к лучшему. Дегре удачлив. В то же время Дегре всегда появляется в опасных ситуациях. Он может вмешаться в дело, чтобы навредить де Барданю. Ведь тот думает, что Дегре позаботился о важной миссии, оценив его качества.

Но через голову Барданя он обращается к Анжелике. Ведь это он послал к ней человека, который для нее вовсе не опасен. К тому же человека, готового слепо выполнять его приказы, ибо неповиновение грозит ему заключением в тюрьму, откуда его вызволили.

Итак, карты сданы, козыри у нее на руках, и вдобавок ей ходить. Здесь и сейчас!

Вот факты: д'Арребу был арестован, Ломени-Шамбор попал в немилость, угроза нависла над Виль д'Эвре и интендантом Карлоном — и только потому, что они оказали им помощь в Акадии. Была еще Амбруазина — символ, квинтэссенция враждебных сил. Она как бы связывала заговоры двух миров. Ее предназначением было сражаться против Анжелики и Пейрака. Она

исчезла. Но возникли другие, как стоголовая гидра. Почему?

Вновь появляется Дегре. Он снова занял свое место. Нет, он никогда не покидал этого круга.

Анжелика напрягла свою память.

Амбруазина когда-то рассказала ей, что Дегре усердно преследовал ее подругу, маркизу Бренвилье, отравительницу. Амбруазина сказала: «Я сбежала из-за него. Он был слишком любопытен, он наступал мне на пятки».

Анжелика вскочила.

Зашевелился кто-то невидимый, как будто живое существо осторожно приближалось к ней, коснувшись ее платья. Анжелика отскочила назад. Она уже открыла рот, чтобы закричать от страха. Она стала очень нервной после истории с Демоном.

— Ах, это ты... ты меня здорово испугала. Иди сюда, моя кошечка.

Кошка привыкла к ее апартаментам. Может быть, даже я спала на ее постели? Кошка удивилась, что Анжелика стоит неподвижно, прыгнула на стол и теперь была совсем близко; она слегка коснулась щеки Анжелики своей мордочкой. Золотистые глаза кошки заглянули в лицо Анжелики. Казалось, она спрашивала: «Что случилось? Ты больна? Не хочешь ли ты поиграть?» Анжелика рассмеялась: «Идя ко мне, моя кошечка!» Она взяла ее на руки, всматриваясь в ее загадочные зрачки.

«... Вот ты ее видела! — подумала она. — Ты заметила сатанинский огонь, струившийся вокруг ее лица. От него ты шипела и плевалась, заходясь от ярости, со вставшей дыбом шерстью. Да, кошечка моя, ты видела само Зло во плоти!..

И тот индеец видел тоже. Он говорил о ней: «Женщина, в которой много демонов». И бросился бежать, крикнув мне: «Помолись!»

Найдет ли она этого индейца в Канаде? Неужто он не поможет ей и оставит на милость демонов?

Она погладила кошку. Как успокаивало прикосновение к нежной шерстке! Кошачий мех был длинным и шелковистым. Став крупным, хорошо кормленным зверем и не имея иных забот, кроме забот о чистоте, это маленькое чудо проводило большую часть времени в вылизывании себя. Сейчас кошка выглядела спокойной, уверенной в будущем. Она свернулась у лампы в комочек и приготовилась к долгой дремоте без всяких сновидений.

А еще так недавно, обнаружив ночью в Голдсборо окровавленного зверька с обожженными лапками и следами истязаний, будто его пытали невидимые демоны, она почувствовала, что Зло бродит где-то поблизости... Зло, готовое наброситься на свою невинную жертву.

В одном из будуаров Версаля когда-то, тоже ночью, она увидела, как при свете свечей новорожденному проткнули горло спицей. «Не заглядывайте в корзину!» — говорил стражам ужасный глухой голос колдуна, который на рассвете вынес из дворца неподвижный трупик. Она вновь испытала тошнотворный ужас той ночи.

Анжелика уселась перед секретером, Подобрал под себя лапки, прищутив глаза, кошка с интересом следила за необычными приготовлениями.

Шелковистые веленевые листы, чернильница, хорошо отточенное гусиное перо, скребок, перочинный ножик, восковая палочка, золотая коробочка с мелким песком. Этот последний предмет как раз и интересовал кошку. При случае она совала туда свой любопытный нос.

Анжелика редко присаживалась к своему секретеру. Узнав о решении Виль д'Эвре отослать в Европу почту, она подумала, что стоит последовать его примеру.

Где-то в недрах «Голдсборо» Виль д'Эвре с жаром царапал бумагу, не упуская случая еще раз пустить через океан несколько изящно закругленных фраз, чье предназначение — доставить ему множество чаемых благ: пажа-арапчонка, изящную безделицу, редкий ликер. Друзья, его французские приятели будут вынуждены лишь чуть-чуть обеспокоиться, чтобы утолить его прихоти. А впрочем, чем еще им себя занять?

Туман темной ватой окутал все вокруг и задерживал отъезд «Мирабель».

Поколебавшись, Анжелика принялась писать письмо. Всего, что она знала, достаточно для того, чтобы заставить замолчать эти змеиные языки, этих желчных сластолюбцев, этих ревнивых святош, всегда готовых разрушать.

«Дегре, мой друг Дегре, я вам пишу из далекой страны. Вы знаете из какой. Вы должны это знать. Вы всегда знали все, что касается меня...»

Ей вспомнилось давнее. То время, когда он отправил ее в парильни мэтра Жоржа на улице Сен-Никола. То время, когда он гонялся за ней по улицам со своей собакой Сорбонной. Глубокой парижской ночью к его ногам упал кинжал. Ее кинжал... Полицейский убежал, растаяв во тьме. Дегре напал на ее след, повсюду возникая и исчезая. А в Ла-Рошели он дал ей убежать.

«Дегре, мой друг Дегре! Вот что я хочу вам сказать. Шесть или семь лет тому назад вы хотели узнать некоторые секреты относительно знатных лиц, которых подозревали в преступлении. Сегодня я их вам выдам. Я знаю маленький домик на углу улицы Блан-Манто, на площади Трике. Живет там, по крайней мере тогда жила, гадалка по имени Дезай-Монвуазен. У нее есть в Гравуа, со стороны предместья Сен-Дени хорошенькое жилище, есть и другие притоны, где она готовит свои снадобья и яды. Там же душили и детей».

Перо легко скользило по бумаге. Кошка следила за этим белым перышком в пальцах Анжелики. Когда она касалась его лапкой, перо падало, но Анжелика не замечала этого. Она полностью ушла в воспоминания. В те годы мсье де ла Рейни и Франсуа Дегре пытались заполучить от нее секретные сведения. И вот сегодня она их выдает. В то время то, что она знала, могло разрушить все, весь двор отдать на поругание толпе, многих подвести под топор палача или предать инквизитору, сослать в ссылку, исковеркать карьеру, поразить в сердце самого короля. Полицейские знали, что ей известны тайны, и умоляли выдать их.

«Скажите, мадам, — настаивал мсье де ла Рейни. — Какова она, ваша женщина-враг, кто она — колдунья, подкупленная ею?» Она молчала... Но сегодня...

Но сегодня поединок разгорелся снова, вернее, дошел до своего решающего момента. В ход пущены предательские намеки и умолчания, в своем злобном желании отлучить ее от мира живых противник прибегает к тайным уловкам, раскрывает ее секреты и делает всеобщим достоянием, пользуется прошлым, чтобы отравить настоящее, отваживается на губительную ложь только для того, чтобы сжить ее со света, вновь отбросить назад к мучительной борьбе за выживание, наконец, нанести последний удар и прикончить. Но и она располагает средством заставить недруга замолкнуть. И она заговорит, дабы вырвать жало у незримых врагов.

«Эта женщина, Вуазен, имеет пропуск в Версаль. Если вы приметесь за некую мадемуазель Дезойе...»

Дегре долго дожидался этого часа. Он не мог сам, не имея доноса, проникнуть в Версаль, чтобы арестовать преступников. Он знал, что придется брать высокопоставленных лиц.

«Благодаря этой девице вы получите конец клубка. Эта особа — горничная одной из самых знатных дам в

окружении короля. Искать нужно именно там».

Она остановилась и вызвала в памяти образ мадам де Монтеспан (которая когда-то была ее подругой), постоянно торжествующей любовницы короля, той, которая, считая Анжелику своей соперницей, попыталась ее убить. Она добавила:

«Именно эта высокопоставленная дама велела вышеупомянутой Монвуазен приготовить мне «рубашку».

Она поколебалась и не написала огненного имени: «Атенаис де Монтеспан»... Довольно! Дегре поймет. Если же письмо попадет в чужие руки, то лучше, чтобы ничего нельзя было понять.

Мсье д'Арребу сказал: «Мой слуга продолжит путешествие. Он хочет вернуться в Европу. Думаю, что он выполнит ваши поручения».

Дегре наконец получит ключ, который поможет ему приоткрыть дверь в этот оплот преступлений. Крепость хорошо охраняется. При дворе люди спесивые, аморальные, надменные, уверенные в своих привилегиях, гордящиеся своими пороками, готовые на все ради удовлетворения своих прихотей; слуги, камеристки, горничные, идут по стопам своих господ. Черные грифы де ла Рейни не доводили дела до верхов. В Сене вылавливали пронзенные насквозь трупы; бродили слухи по поводу внезапной смерти, а они наспех проводили расследование, не смея доводить дело до конца. Во всяком случае, даже самые ловкие полицейские и те гонялись за ветром.

Герцогиня де Бодрикур была примером такой крупной дичи, которую тщетно пытались преследовать. Анжелика вспомнила, что прибывшая в Голдсборо Амбруазина знала многое из ее прошлого: что она бывала при дворе, что там она носила имя мадам дю Плесси-Белльер, что Атенаис ее всегда ненавидела. Дегре по этой ниточке сможет даже добраться до

мадам де Бренвилье. Но отравительница — только мелкая рыбешка. Она действовала как персонаж за сценой, в узком кругу своих близких и любовников, ради собственного удовольствия. Мышьяком ее снабжал Глазер. Этот простак не любил болтать о своем товаре, он был скромнее, чем расторопная Монвуазен, которая снабжала ядами весь Париж. Приведя маркизу де Бренвилье к эшафоту, полицейский рисковал остаться не у дел. Другая птичка, Амбруазина, улетела, в крупные преступники остаются неуловимыми.

Как довести дело до решительной победы? Надо начинать не с нижних звеньев цепочки, а с верхнего, главного звена. Иначе кто поручится, что Монвуазен, даже под пыткой, заговорит?

Неожиданно Анжелика вспомнила одну деталь. Ее порыв заставил вздрогнуть кошку, мирно мурлыкавшую в дреме. Она схватила перо и написала:

«Чтобы узнать все, откройте пакет, который я оставила мсье де ла Рейни, попросив вскрыть его только после моей смерти. Я не умерла, но сегодня я вам говорю: сорвите печати с этого моего заявления. В нем вы найдете все сведения, необходимые вам, относительно покушения, жертвой которого я должна была стать в Версале.

Там вы прочтете также имена, знание которых позволит вам успешно расследовать деяния презренных, которые безнаказанно готовят покушения на жизнь других людей и отдались Сатане».

Она вычеркнула конец этой фразы. Переписала ее на другой странице, остановившись на словах «все, что вам необходимо узнать». Комментарии не нужны. Она вспомнила, что в записке, которая находилась у де ла Рейни, говорится о мадемуазель Дезенте, камеристке мадам де Монтеспан. Камеристка по приказу своей госпожи приносила во дворец таблетки для короля, возбуждающие его чувственность. Стража получила

приказ пропускать во дворец Вуазен в любое время дня и ночи. Они знали, что она носила в корзине новорожденных, которых через некоторое время задушат у жертвенника Сатаны.

Как только черная месса совершалась, гадалка приходила с той же корзиной, в которой лежал маленький трупик. Привратники и стража получали плату звонкой монетой.

Сколько задушенных детей, столько загубленных жизней, любви, красоты, молодости. Так злодеи платили Сатане за свое благополучие. Сотни флаконов с ядом таились в складках одежды.

Анжелика глубоко вздохнула. Когда в Париже и его окрестностях появлялись слухи о злодеяниях, их встречали смехом: «Вы говорите — отравители во дворце? И вы верите этим сплетням?»

Только упрямый в суровый Дегре ног положить конец этим глупым насмешкам, обратить этот смех в слезы.

«Мой друг, отнеситесь благосклонно к моим разоблачениям, Я заклинаю вас: будьте внимательны к тому, что будут говорить о нас. — Он догадается, что она говорит о себе и Жоффрее. — Отыщите врагов, которые теперь занимают высокое положение и стремятся погубить нас, хотя мы далеко от них. Будьте любезны, в меру ваших возможностей, защитите наши интересы перед королем».

Ода зачеркнула и эту фразу. Дегре и сан догадается защитить их интересы перед королем. Ведь их судьба в руках короля. Поколебавшись, Анжелика подписала: «Маркиза Ангелов».

Он увидит ее, почти ребенка, бегущую по грязным улицам Парижа в гнилую ночную пору. Ее преследует собака.

«Сорбонна», — говорит Анжелика вполголоса. Она, должно быть, уже померла, собака по имени Сорбонна.

А как Анжелика боялась ее! Как только тогда не разорвалось ее сердце от этого бега! Сорбонна... Сорбонна...

Такой вновь ее увидит Дегре...

Она подняла глаза от письма и встретила глазами со взглядом кошки.

— Нам хорошо здесь, моя крошка. Жизнь прошла. Мы уже перебрались через ее вершину и спускаемся по склону. Но даже сюда, на этот корабль, мы принесли с собой весь груз пережитого. Так и живем, ты понимаешь меня!

В ответ кошка заурчала.

— Может быть, мы добежим до конца? До самой вершины, до победы?

Она кинула взгляд на письмо, кое-где испещренное подарками.

Это послание дойдет до Дегре и поставит на ноги весь Парижский двор. Оно вытащит на свет Божий темные преступления, еще ждущие развязки, от которой ныне зависит судьба ее и ее мужа.

Анжелика посыпала письмо песком, а потом добавила внизу: «Может случиться так, что нам понадобятся сведения относительно герцогини де Бодрикур. Не сможете ли вы сообщить их? Сообщите, что вы знаете о ней достоверно. Если в вашем распоряжении есть надежный курьер, пошлите его к нам».

Герцогиня де Бодрикур мертва, но если однажды найдет кто-то, кто потребует у них отчета об ее исчезновении, к этому надо быть готовой. Нужно с доказательствами в руках явить миру подноготную той, что заставила всех называть ее «наша благодетельница».

Ведь в этой схватке удары наносятся из-за угла. Противники действуют с помощью раскрытых тайн, доносов, секретных дознаний. Что ж! И она пороется в

своих сундучках, где достаточно улик, чтобы смутить тех, кто на этом свете узурпировал славу непогрешимых праведников. Их же собственным оружием она поразит их. На то и существуют корабли, чтобы огромные расстояния стали вдруг малыми в этой гонке, где навстречу друг другу летят разоблачения, готовые взорвать покой городов и стран.

Глава 6

Вошел Жоффрей и через плечо Анжелики взглянул, чем она занимается. Он был удивлен при виде того, с каким увлечением она пишет. Такое случалось редко. «Но могу же я проверять счета и посылки, ведь я занимаюсь торговлей в Париже?»

— Кому вы пишете во Францию?

— Полицейскому Франсуа Дегре. Она встала, протянув ему письмо.

— Хотите почитать?

Он молча пробежал глазами по строчкам. Жоффрей не спросил, почему она именно теперь решила обратиться к своему далекому другу. Он знал, что она обладает сильной интуицией. Ее тонкая рука сейчас готовится поразить короля Франции в самое сердце.

Он понял, что подтверждаются его давние подозрения. Действительно, в глазах некоторых людей эта женщина может выглядеть опасной и даже беспощадной соперницей и противником. Когда-то давно, оставшись одна, она сумела защитить своих детей. Теперь она поднялась, чтобы защитить его, ее — их.

Он глядел на нее, а она ловила в его взгляде одобрение. На него с надеждой устремились ее глаза, светлые, как драгоценные камни чистой воды. Под густыми темными ресницами они лучились мягкой и чуть мечтательной истомой.

Она была решительно прекрасна. Особенно здесь, при свете этих масляных ламп. От ее очарования

перехватывало горло. Это гладкое открытое лицо с утончившимися от перенесенных мук благородными чертами стало с приходом женской зрелости еще более загадочным. Все в нем свидетельствовало о спокойном, ровном совершенстве ума и тела.

Но при всем том изгиб бровей стал еще более изысканным, переносица еще более изящной, а очертания рта волновали сильнее, нежели прежде.

И над всем этим — взгляд огромных глаз, обладательница которых словно бы обещала почтительно раскрыть все тайники своей души — только загляни в их безмятежную глубину!

Лицо богини, а подчас — мадонны. На этом зеркале совершенной женственности не оставили следов ужасы и пытки, перенесенные в прошлом, не говоря уже о былых унижениях. Напротив, все претворилось в живом воплощении возвышенного покоя. И каждая черточка свидетельствовала о несокрушимости человеческого естества, способного сохранить весь блеск, всю обворожительность, даже побывав в адском пекле.

Он громко сказал:

— Король получит удар в самое сердце.

— А разве он колебался, когда нанес удар мне? И преследует меня поныне! — Она продолжала прерывающийся голосом: — Он преследует меня всевозможными способами. Он требовал, чтобы я в черных одеждах принесла публичное покаяние. Он требовал моей безоговорочной капитуляции». Чтобы я легла... в его постель. Он всеми силами, используя свою власть, стремился загнать меня в безвыходное положение, заставить меня уступить...

Она прервала свою речь и спросила:

— Что вы об этом думаете?

— О чем? Об этом письме? О вашем решении написать?

— И то, и другое.

— Я думаю, что это послание подобно дрейфующей mine. Когда она подплывет под корабль, то может разбить его вдребезги.

— Если она не будет дрейфовать слишком долго и попадет прямо в цель.

— А кто этот Дегре, который подожжет шнур и обеспечит взрыв?

— Дегре — единственный наш сообщник там, во Франции.

Она встала, положила руку на его камзол, поглаживая бархат на том месте, где слышались толчки его сердца. — Вы вспоминаете о нем? Он был вашим адвокатом. — Я вспоминаю его. Он здорово бился на процессе.

Он чувствовал робкое прикосновение ее теплой руки сквозь ткань одежды. Хрупкая, нежная женская рука имела такую силу. Он вздрогнул от прилива любви.

— После этого процесса Дегре грозила смерть, и он исчез. Я только что поняла, что мы с вами прожили долгую общую жизнь — вы и я, — потому что в прошлом у нас был общий друг... Он, Дегре. Когда я позже с ним вновь встретилась, он был уволенным со службы полицейским, а я — преследуемой, гонимой женщиной. Он узнал меня. Так мы стали встречаться.

— Разумеется, он был без ума от вас.

— Дегре ни от кого и ни от чего не теряет голову.

— Но для вас он сделал маленькое исключение, не так ли?

— Может быть, но дело никогда не доходило до безумия.

— Он действовал, в обход закона. Это уже много значит! Он помог вам бежать из Ла-Рошели. Для полицейского высокого ранга это не так уж плохо.

— Я у него в долгу и теперь собираюсь расплатиться сполна.

Анжелика объяснила ему, какие свидетельства заключены в записке, доверенной ею мсье де ла Рейни.

Слушая ее, Жоффрей думал о бесконечной борьбе, которую ведут люди, и высокопоставленные, и те, кто живет на дне. Всюду вражда. Чтобы запрещать, требовать, брать. На вершине один человек — король. Его власть направлена только на то, чтобы разрушать единство людей, сеять рознь и вражду. Его жертвами становятся даже женщины. Чтобы служить принцу, мадемуазель Лавальер предпочитает оскорбить Бога. Чтобы закрепить свою власть над ним, мадам де Монтеспан убивает своих соперниц, отдавшись Дьяволу. Защищаясь, Анжелика приняла много ударов, которые должны были показать его силу и победить ее окончательно. Нет ничего удивительного, что она так измотана, что так искалечена ее душа в этой ужасной игре.

— Мне на память пришла одна деталь, — сказала она.

— Что? Расскажи! Я хочу знать все.

— Это... После всего, я все-таки выразила свою покорность королю. Это произошло в Плесси, где я вела жизнь затворницы. Я написала письмо о капитуляции. Я говорила в этом письме, что склоняюсь перед ним. Если меня пустят в Версаль, я приму публичное покаяние перед лицом всего двора... Я обещала пасть перед ним на колени, как женщина-рабыня. Я вспоминаю, что действительно написала такое письмо... потому что я не могла больше... я больше не могла видеть, как солдаты грабят мою провинцию, как «миссионеры в сапогах» издеваются над крестьянами-гугенотами.

Особенно страдал ваш сын Флоримон. Он был рядом. Он видел это разорение. Однажды он спросил меня: «Что же я получу в наследство?» Мне пришлось ответить ему: «Ничего, сын мой!» Как могла я его защитить? Я, бессильная женщина, заключенная в

тюрьму в собственном доме, напевала королю, Молин, мой старый управитель, отправился с письмом в Версаль. Но было уже поздно!

Она смотрят на него, подумал он, как на исповедника, который вот-вот вынесет окончательный вердикт.

Поэтому он слушал ее, стараясь ничем — ни словом, ни жестом — не выдать каких-либо собственных душевных движений: волнения или ярости. Ибо свершилось: наконец она заговорила! Теперь его забота — не спугнуть ее и чем-либо не утратить. Ему казалось, что ее душа с трудом удерживается в зыбком равновесии. Обращаясь к нему, она через его голову взывает к чему-то большему и более опасному: к самому мужскому началу. Женщина просила поддержки у мужчины. Своего противника от века и на веки вечные. Какой хрупкой она показалась ему сейчас! Анжелика меж тем продолжала свою скорбную повесть:

— К счастью, Флоримону удалось вовремя бежать... У него была мечта. Он увидел вас с Кантором здесь, в Америке.

Ее голос пресекся. Она молчала, глядя в пустоту.

— Затем? — прошептал он.

— Затем... Вы это знаете. Нет? Разве я не говорила вам раньше об этом? Потом... «Они» явились вечером того же дня, когда Молин повез мое послание королю. Они предали огню замок, они задушили моего младшего сына, моих слуг, они... все разграбили, разорили, устроили ужасную бойню... Понимаете?

Так как он безмолвствовал, она продолжала:

— У них не было приказа, они действовали исходя из ситуации. Но мы стали жертвами этого. То, что произошло той ночью, эта пылающая ярость, было последним ударом, который король нанес мне. Я расценила это как покушение тирана. И я стала

Мятежницей Пуату, я повела свои отряды против короля.

Однако я вспомнила сейчас об этом письме, в котором свидетельствовала свою покорность. Оно могло бы перевесить на весах, когда король будет судить Мятежницу Пуату и Рескатора.

Анжелика почувствовала облегчение, сбросив тяжелый груз.

— ...Я сейчас напишу Дегре, чтобы он связался со стариком Молином, если тот еще жив.

Перо снова забегало по бумаге. Прическа Анжелики была слегка растрепана, поскольку на палубе, откуда она недавно спустилась, волосы потревожил сильный ветер, а здесь, в каюте, она не позаботилась привести их в порядок. Поэтому белокурые пряди с обеих сторон упали на ее виски, лоб и щеки, и это предавало ее облику девическую непосредственность, так сильно контрастировавшую с повадкой и движениями деловой женщины, привычной к заполнению приходно-расходных квот. Он обнаружил, что пишет она очень бегло, уверенным почерком, четко и без особых помарок, и пришел в изумление и восторг от того, с какой решимостью она повела дело, пускаясь в эту отчаянную схватку. Он сам не повел бы себя иначе. Воистину, они достойны друг Друга.

Оторвав взгляд от лица Анжелики, граф увидел устремленные на него кошачьи глаза. Животное казалось всепонимающим и даже было настроено чуть-чуть иронично.

«Вот так-то, мессир кот, — мысленно обратился он к пушистому зверьку, — как-то мы все выгядим под пристальным взглядом некоторых женщин?..»

Она посыпала песком только что написанные строки, сложила послание в конверт и запечатала воском. Мысленно она была в Париже, рядом с Дегре.

Пейрак с нежностью рассматривал ее. Она была далеко, но рядом с ним. Он мог бы обнять ее, прижать к своей груди.

Она оторвала глаза от бумаги и взглянула на него.

— Дело сделано, Дегре предупрежден. А мы здесь предпримем все для нашей защиты, в то время как он там сразится за нашу жизнь.

Помолчав немного, Анжелика продолжала:

— Трудность заключается в том, что мы должны сражаться против теней. Да, я знаю... Это — заговор теней. Так было в прошлом. Так и теперь. Они преследовали меня в королевстве, они подстерегают меня и в Квебеке. Каждого из этих врагов нужно разоружать по отдельности. Сначала пересчитать их, потом разоблачить, вывести на свет божий. Каждому лицу дать имя. Ведь с тенями не воюют. Нужно сорвать маски. Поэтому я и боюсь, особенно иезуита д'Оржеваля, который так враждебно ко мне настроен, хотя никогда меня и не видел. Он — тоже тень. Почти миф. Я даже стала спрашивать себя — существует ли Он на самом деле. Но нужно идти до конца.

Она говорила все это возбужденно, глаза ее сияли. Наклонившись к ней, де Пейрак очень внимательно вглядывался в ее зрачки, пытаясь разгадать их волнующее выражение, которое очаровывало и манило его сильнее, чем в молодости.

Внезапно Анжелика заметила:

— Вы, как Никола де Бардань. Он слушает только мой голос, а не то, что я ему говорю. А вы?

Пейрак страстно обнял ее.

— Я? Я теряюсь перед красотой ваших глаз, особенно, когда вы пугаетесь. Нет ничего более очаровательного.

— Мужчина, вы меня гневите!

И они оба рассмеялись, Он нежно поцеловал ее волосы.

— Моя дорогая, я не сомневаюсь в верности ваших предчувствий. Но для меня, как мужчины, открыты другие горизонты. Я могу успокоить вас: положитесь на меня, есть много светлых умов, которые могли бы разделить с нами мечты о братстве. Но пока нужно держать их в секрете, У меня и в Квебеке есть единомышленники, особенно одно очень влиятельное лицо. Это мой надежный друг.

— Фронтенак?

Граф отрицательно качнул головой.

— Я не назову имени, пока мы не прибудем в Квебек. Это может навлечь на него опасность. Но я вас познакомлю.

— И все-таки мне тоскливо.

— А знаете, почему? Я могу сказать, что является причиной вашей тоски. Вы встревожены потому, что до сих пор не выбрали платья для вашего появления в Квебеке.

— Платье? — спросила она. — А ведь правда, я совсем: не подумала, в каком платье я приеду в Квебек!

— Платья? Все они здесь. Какое выбрать? Есть три: одно светло-лазурное, цвета льда, другое золотистое, похожее на то, которое вы носили в Биарице, третье — из пурпурного бархата. Лазурь из Парижа, золото из Англии, пурпур из Италии.

Анжелика раскрыла рот.

— Как! Вы подумали об этом? Когда? — воскликнула она.

— Всегда, Потому что в любой момент в мыслях я вижу вас красивой, счастливой, в толпе поклонников... даже в лесной глуши!

— О, вы восхитительны!

Анжелика бросилась ему на шею. Он был прав... и па сердце сразу стало легче... Она будет красивой. Она затмит всех... Снискать восторг толпы. Опрокинуть все предубеждения. Что лучше поможет управиться с этим

скоплением праздношатающихся бездельников? Она наполнит их сердца счастливым обожанием, насытит их тягу к новым зрелищам, к никогда не виданным вещам и поступкам, одним словом — к красоте.

Действовать она будет на холодную голову и с безупречным расчетом. А значит, квебекские обыватели получают то, чего ожидают.

— Вы все угадываете, мой дорогой сеньор. Я же перед вами просто ребенок.

— Конечно. Разве вы этого не знали? — спросил Пейрак и поцеловал ее в губы.

Глава 7

Анжелика торопливо шла в густом тумане, окутавшем берег. За ней едва поспевали Дельфина, Морис и Куасси-Ба, который нес корзины.

Заря едва занималась, но Анжелика боялась опоздать к отплытию «Сен-Жан-Баптиста».

«Мирабель» отправится утром: ее капитан еще не закончил ивой покупки. Анжелика встретила со слугой барона д'Арребу, передала ему секретный пакет и щедро оплатила услугу. Слуга ей понравился. Он производил впечатление человека серьезного и преданного. Ведь он готов был последовать за своим господином в Бастилию. Анжелика дала ему массу наказов, а полный луидоров кошелек, врученный ему графом де Шираком, в конце убедил его исполнить трудное дело, на которое тот сперва согласился из одной преданности своему хозяину. Несколько лишних экю позволят ему плыть с большими удобствами и уверенней держаться в Гавре, где ему предстоит нанять лошадь, чтобы добраться до Парижа быстрее, чем это можно сделать в телеге какого-нибудь возницы или на одном из тихоходных суденышек, что перевозят путников по Сене. А если нужно, он сможет и нанять провожатых или добровольных помощников. Ведь по приезде в метрополию ему придется избегать

бдительного ока тамошних святош, которым известно, как обстоит дело с мсье д'Арребу. Люди из Братства Святых Даров умеют действовать с поразительной ловкостью и быстротой, когда их интересы или всевластие, а главное — то влияние, коим они в равной мере пользуются во всех слоях общества, могут потерпеть какой-либо урон. Было известно, что неугодные им люди тихо и незаметно исчезали, они умели выкрадывать свою жертву под самым безобидным предлогом. Анжелика немало знала об их уловках. Ее пути часто перекрещивались с их тропами; однажды она даже угодила в монастырь, откуда ей было совсем нелегко выбраться. Вот почему она, предвидя все это, снабдила верного слугу множеством советов и ценных сведений. Слуга должен наизусть знать адрес Дегре, некоторые имена и названия мест, где он может рассказать о документах, если они погибнут в пути. Ни в коем случае письмо не должно попасть в руки врагов.

«Сен-Жан-Баптист» наконец подготовился к отплытию. Де Пейрак радовался, что удаляется посланник короля.

— Вы раньше нас отправляетесь в Квебек. Сообщите о нас, — сказал он Никола де Барданю и капитану, который немного опомнился после запоя.

К счастью, очень густой туман, опустившийся в то утро, затруднил приготовления к отплытию, которое в любом случае не обещало быть особенно легким.

Выйдя к молу, от которого лодки перевозили на судно пассажиров, Анжелика увидела мадемуазель Бургуа и ее девиц в сопровождении нескольких жителей деревеньки и, конечно же, Катрин-Гертруду, у которой они остановились.

Им доверяли письма и посылка, которые нужно было довести до Квебека и Монреалья. Местные жители были

слишком бедны и не посылали продукты на продажу в более богато обеспеченные провизией города.

— Я принесла вам немного провизии и кое-какие лекарства. Вот пузырь с моржовым жиром, которым спасают обмороженных рыбаков, но его можно давать и ослабевши» детям. Я надеюсь, что мы скоро встретимся вновь. Хотя «Сен-Жан-Баптист» отправляется раньше нас, но мы не намного отстанем от него. Мы увидимся скоро, не правда ли?

Монашка казалась сдержанной и холодной. Анжелика этого ждала.

Туман был столь густ, что очень близко стоявшие люди выглядели бледными тенями. Шаг в сторону — и они исчезали с глаз. Анжелика увлекла свою собеседницу в сторону и спросила:

— Маргарита, что произошло? Вы больше не хотите быть ноны другом? Я знаю, что вас занимает. Вы услышали о лодках, которые проплыли над Квебеком. Не так ли?

— Послушайте, — сказала мадемуазель Бургуа, — это важное предупреждение. Ведь мы пережили столько ужасных часов в этих местах. Столько раз мы глядели смерти в лицо! Как часто нам угрожали тяжелейшие бедствия! Подчас все население оказывалось под угрозой полного истребления, когда нас окружали ирокезы. Нередко все, что мы построили и создали, грозило превратиться в прах. И перед каждым предвестием беды страх терзал наши сердца, и преодолев напасть, мы спрашивали себя, какие еще опасности таит в себе ближайшее будущее и в чем нам видится перст Провидения? Может, Господь желает нас покарать за то, что мы мало противимся проискам Лукавого, его искушениям и соблазнам?

Не столь давно воздушные лодки пролетали над Квебеком. Тогда свирепствовала война с ирокезами, и все мы были на вершок от гибели. Индейцы захватили

даже остров Орлеан и вырезали всех его обитателей. А чуть ранее случилось землетрясение в Монреале. Тогда жалобные голоса разносились в воздухе над Тремя Реками и те же самые лодки, объятые пламенем, появились и закружились в облаках недалеко от Квебека. Только потом мы поняли значение этого предвестия. Мы уразумели, что землетрясение несло весть о скором нашествии ирокезов, а жалобные стоны — о стенаниях наших соотечественников, взятых в плен и уведенных к становищам Пяти Наций. А лодки предупреждали о появлении вражеских каноэ, индейцы все лето опустошали наши берега, поджигая дома и бросая в огонь их несчастных обитателей, предварительно подвергнув их тысячам изощреннейших пыток.

А что несет нам новая череда призраков? Пришествие какого грозного бедствия? Против какой опасности небеса желают нас предостеречь на пороге новой зимы, в течение которой мы, как обычно, будем вынуждены искать опоры только в собственных слабых душах? Мы вправе спросить себя: что несут нам эти чужеземцы? Кто приближается к Квебеку со столь хорошо вооруженными кораблями? Силы Добра или Зла?

— Боже милостивый! — простонала Анжелика. — Неужто мы должны перебить друг друга ради каких-то призраков? Ради всего святого, Маргарита, вы, само воплощение здравомыслия, посмотрите на нас. Разве мы похожи на ирокезов? Напротив, все подтвердят вам, что в этом году рейды наших врагов были буквально сведены на нет, и я знаю, что это плоды нашего влияния на Уттаке, верховного вождя Пяти Наций. Это мы пригасили его мечтания об отмщении за прошлые неудачи. Вот наши суда у ваших берегов. Разве мы бросали кого-нибудь в горящие хижины. Напротив, Зло, которого нужно бояться, заключено в душах тех, кто, не

раскрывая своего имени и лица, умело пускает эти страшные слухи с целью привести к неудаче все наши попытки добиться, чтобы на этой земле воцарились мир и дружелюбие. Разве не так?

— Туман рассеивается, — произнес невдалеке чей-то голос.

Действительно, вокруг посветлело, влага висела в воздухе редющей беловатой дымкой, вновь стали видимыми контуры корабля, и пассажиры, собиравшиеся отплыть, сгрудились у края мола.

Анжелика боялась, что вот-вот объявится граф де Бар-дань и, заметив ее, не преминет напоследок расточить перед ней целыми пригоршнями жаркие заверения и жалобные сожаления о скорой разлуке. А у нее сейчас душа вовсе не лежала к светской болтовне. Приближался миг, когда они появятся перед стенами Квебека, и нужно было пользоваться любой минутой, чтобы обеспечить там себе новых надежных друзей.

Главное, не играть с огнем. Если их встретят пушечной пальбой, они будут вынуждены обороняться. Начало великой бойни зависит от пустяка. Все висит на волоске, и в предвидении этого любое доброе слово в их поддержку, которое бы умерило панический страх тамошних обитателей, — на вес золота.

Мадемуазель Бургуа, которую здесь очень любили и слушали, могла бы успокоить горячие головы.

— Послушайте, Маргарита, — торопливо сказала она ей. — Я вас умоляю, расскажите о нас в Квебеке, верните нам доверие обезумевшего города. Я не прошу вас кривить душой, говорите только то, что вы видели.

. Маргарита Бургуа повернула голову, давая понять, что она не имеет влияния в Квебеке. Ее владения — это Вилль-Мари, то есть Монреаль, куда она и торопится попасть. Ее предупредили, что там творятся невеселые вещи.

Анжелика заметила, что лицо бедной монашенки приобрело землистый оттенок, и подумала, что и сама она сейчас выглядит не лучше. Одинаковые тяжелые мысли томили их обеих.

Произнеся такую длинную и горячую речь, она выбилась из сил, но что-то подсказывало ей, что Бургуа изменила отношение к ней. Ее первоначальное доброжелательное отношение исчезло, как только появилась «Мирабель». Причиной этого, как догадывалась Анжелика, была не только история с лодками.

Туман расплывался клочьями, касаясь их лиц.

— Еще нельзя отчаливать, — сказал кто-то.

— Слава Богу, у меня есть время побыть с вами. Я не хочу отпускать вас в таком состоянии. Маргарита, скажите мне все. Вас что-то тревожит, волнует. И это не только предзнаменование. Расскажите, заклинаю вас.

— Я узнала, что епископ готов вот-вот распустить мою общину в Монреале, — призналась монахиня. — Боюсь, что я застану только обломки моего творения.

Она добавила, что ее сместили с поста старшей, заменили монашкой из Квебека. И еще, мсье де Ломени-Шамбор потерял рассудок.

— Ломени-Шамбор! Но это невозможно, — воскликнула Анжелика.

Она не видела, какое отношение имеет несчастье обители Вилль-Мари к кавалеру Мальтийского ордена. Но она начала понимать, что это очень сложные отношения.

— Что же произошло?

— Он влюблен в вас, — с болью в голосе бросила мадемуазель Бургуа и закрыла лицо руками. — Такой праведник, само совершенство. О, боже мой! Это ужасно.

— Но это неправда, — запротестовала Анжелика. — Вы прекрасно знаете, как и я, что мсье де Ломени-

Шамбор очень далек от подобных страстей.

Мадемуазель Бургуа уныло покачала головой.

— ...Как Пон-Бриан, как другие, которых вы довели до гибели. После нескольких встреч с вами они готовы были нарушить свои обеты, оставить своих друзей и переметнуться в стан врагов Бога и короля.

— Но это ни в какие ворота не лезет... Ах! Мы ведь во Франции... Я забыла... Любовь царит повсюду, Маргарита, возьмите себя в руки. Дождитесь, пока придете в Квебек, там вы вновь встретите мсье де Ломени и надежда вернется к вам. Не отчаивайтесь. Все это только сплетни. Он принимал нас дважды за городом, в Кеннебеке, и все.

Будучи разумным человеком, он, как я предполагаю, считает, что все может обойтись без кровопролития. А это далеко не всем нравится, ибо есть и те, кто жаждет крови.

Порывистым движением она схватила бедную монашку за руку и заставила ее посмотреть в глаза.

— Умоляю, только не пытайтесь уйти в сторону. Кто угодно, только не вы! Я знаю, вы умели смотреть в лицо гораздо большим опасностям. Я уверена, что в глубине души вы предчувствуете, на чьей стороне справедливость, кто прав.

— Если говорить искренно, разве между нами не может быть другого отношения, как только бойня, убийство, месть; око за око, зуб за зуб? О, Маргарита, я знаю и Священное Писание и Евангелие. Я была воспитана урсулинками в Пуатье. Я знаю, там сказано: «Мир на земле людям и добрая воля».

Следует ли поверить, что в действительной жизни за всем этим таится только не признаваемая вслух страсть к насилию, порабощению ближнего, к тому, чтобы лишиться его воли и сил, и ничего другого? Что истина только жажда крови, которая мила и самому Сатане?

Скажите же, скажите мне, Маргарита, вы действительно убеждены, что между нами не может быть другого, как только война и пушечная канонада?

— Вы взволновали меня, — сказала Маргарита Бургуа. Она наклонилась, чтобы отодвинуть корзины с провизией, принесенной Анжеликой.

— Оставьте, — сказала Анжелика, — возьмите корзины с собой. Вы вернете их нам в Квебеке. И подумайте о том, что я вам сказала: «Мир на земле людям и добрая воля». Если мы, женщины, откажемся хранить порядок, то чего же нам ждать от мужчин, которые только и мечтают о поводе для ссоры.

Стали загружать шлюпки, помогали женщинам и детям занять тан места.

— Могу я попросить вас присмотреть за бедным англичанином? — продолжала Анжелика. — Он не может оставить медведя, а экипаж настроен к ним враждебно.

Маргарита Бургуа искоса взглянула на нее.

— Разве вы не знаете?

— О чем?

— Я слышала, что мсье де Пейрак направил на борт «Сен-Жан-Баптиста» несколько человек из своего экипажа, чтобы они сопровождали нас до Квебека. Может быть, они будут помогать команде корабля, а, возможно, им поручено охранять нас как пленников, во всяком случае, при них никто не посмеет обидеть англичанина.

— Ах, так. Вот приятная новость. Это хорошо и для англичанина, и для всех путешественников. Значит, Жоффрей так решил... Он ничего не сказал мне об этом. Теперь непокойна.

— Я тоже. Уверяю вас, — сказала Бургуа.

Настроение у нее улучшилось. На какое-то время выведенная из равновесия жестокостью того, что с нею произошло, она вновь обрела уверенность в

собственных силах, чему не в малой степени способствовали и слова, сказанные Анжеликой.

— ...Разумеется, нужно сначала подождать, посмотреть, как все обернется, а уж потом думать, что с этим делать.

Снова она окинула Анжелику испытывающим цепким взглядом, но та не опустила глаз.

Тут женщин попросили взойти на корабль. Мадемуазель Бургуа заняла место в лодке, и ей подали ребенка, о котором она заботилась. Она не дала никаких обещаний, но Анжелика втайне надеялась, что ее слова услышаны.

Пока матросы суетились, сталкивая лодку на глубину, Маргарита сделала Анжелике знак приблизиться, как будто она забыла сказать ей что-то важное. Анжелика устремилась к насыпи и склонилась к путешественнице.

— Вы мастерски сделали выговор, мадам. Я благодарна вам. В свою очередь, обращаюсь к вам с просьбой.

— Я вас слушаю.

— Помните, вы когда-то высказали мне такую мысль, говоря о других и о ложных образах, которые создают люди, вы сказали: «очень часто видят страшилище, а не человеческое существо. У страха глаза велики».

— Да, действительно.

— Постарайтесь вспомнить об этом, когда вы встретитесь лицом к лицу с отцом д'Оржевалем.

Глава 8

Анжелика избегала мыслей об отце д'Оржевале. Но мадемуазель Бургуа попала в точку. В течение этого года, думая об иезуите, Анжелика испытывала безотчетное чувство Страх, горечи, злобы, даже отвращения. Особенно с тех пор, как она связала его имя с именами Амбруазины и Залила. Слова Демона во

время бреда приоткрыли завесу над детством человека, который сегодня был духовным господином Канады.

«Мы трое были проклятьями детьми, сорванцами: он, Залил и я. О, мое прекрасное детство! У него небесно-голубые глаза и окровавленные руки. Он и Залил промокли от человеческой крови».

Анжелика продрогла в тумане. Она сделала усилие, чтобы стряхнуть воспоминание об этом безумном голосе. Она должна будет спокойно посмотреть в лицо мужчины, в которого превратился этот ребенок, когда его представят Анжелике, он будет одет в сутану и во все черное — одежду своего ордена. Она должна спокойно встретить его голубой взгляд, о котором все говорят. Может, в конце концов, человеческое, гуманное начало в нем восторжествует и он выскажется в пользу Добра. Ведь все необдуманные стычки или вспышки взаимной вражды могут окончиться миром.

«Он меня никогда не видел». Именно в это мгновение мысль, промелькнувшая в ее мозгу, вызвала к жизни длинную цепочку воспоминаний о некоторых событиях, видимо, связанных строгой логической связью, которая ранее была для нее далеко не так очевидна. Теперь она уразумела нечто, что до этой поры ускользало от ее понимания.

В ней проснулось неопределенное чувство, лицо покраснело, ее жгла мысль, которая зашевелилась в сознании. Ей сказали, что «некто» из Канады видел, как она, обнаженная, купалась в Менском озере, однажды осенью. Отсюда и исходит легенда о нечестивой и роковой женщине.

Она спросила себя: «Кто меня видел?» Теперь она знала, у нее было внутреннее убеждение. «Это он меня видел. Он видел меня, когда я купалась в озере. И за это он меня ненавидит».

Только через минуту она вновь обрела равновесие. Она решила, что это неважно, правда это или нет. У нее

будет еще время подумать об этом, когда она окажется перед отцом д'Оржевалем. Или скорее нет, она предпочла бы вообще не думать об этом моменте.

Вдруг она прыснула от смеха. Люди полны противоречий, неожиданностей, страстей, фантазий. Нет людей одинаковых. Человек, наводящий страх, вдруг внушает жалость и нежность. Она не одна. Рядом с ней Жоффрей.

Глава 9

Корабль «Сен-Жан-Баптист» потащился к верховьям Сен-Лорана, а «Мирабель», распустив паруса, направилась вниз, устремившись к морю Мрака. Анжелика им не завидовала. Она будет продолжать путь со своим небольшим флотом к Квебеку, который теперь уже близко. И слава Богу! Трудные моменты уже в прошлом. Скоро они попадут в теплые дома, окажутся среди людей.

А пока что «Мирабель» продолжала свой полный превратностей путь по студеным океанским водам. На этом пути ее подстерегали чудища, зияющие провалы, грозящие гибелью льды, ревущие бури, черные потоки воды, низвергающейся с небес, пенные гребни огромных волн... и среди хаоса разбушевавших стихий, покачиваясь на верхушках океанских валов или ныряя в пропасти между ними, легкое и хрупкое, словно ореховая скорлупка, суденышко, пропитанное сыростью и солью, продолжало плыть вперед. А в чреве его жили, болели, мучились, истекали кровью, пытались выжить или, поддавшись слабости, испускали последний вздох люди, которым предстояло погибнуть или победить в схватке с самими собой, с другими людьми и природой, одинаково суровой и к друзьям, и к врагам.

Но судно плывет! Скрипят доски и скрежещут канаты. Любой из тех, кто вступил на его борт, отдается на волю мечтаниям, надеждам, оставаясь наедине со своею особой судьбой, такой же незаметной и

скромной, как тот огонек, что теплится в душе каждого, согревая усталые кости, осунувшиеся лица и истощенные тела в промокших жалких одеждах.

Жизнь, существование, страсти, желание одержать верх, заботы и мечты — все это отдано на произвол волн. Все, что дышит и питает надеждой ослабевшее тело. Будущее, слава, достаток, успех, победа, вечное спасение, бессмертие — все это никуда не девается, как бы жестоко ни тряс океан бедную плоть человеческую, жалкое и ненадежное вместилище всех сокровищ духа.

«На углу улицы Бланманто вы найдете тайный притон, где душат младенцев...»

«Королю Франции!.. Справедливости! Справедливости!..»

«Мадам, не могли бы вы мне уступить одного из ваших арапчат, ибо здесь, в Квебеке, я весьма нуждаюсь в паже...»

Но от волны к волне Европа приближается! С кишением множества племен, с городами, раскинувшимися по всему ее пространству, с колоколами на колокольнях, крепостными стенами и домами, с трубами над крышами, флюгерами, вечерним церковным звоном... Она возникает вдруг, словно видение, горящая красками картина, спущенная прямо с небес. А где-то вдали Париж, но это еще мечта, миф, далекий от действительной жизни.

А в жизни действительной к Дегре и королю посланы гонцы, и они спешат. Меж тем в Канаде никуда не исчезли ни могучая река, ни пустыня, и величественные горы все так же высятся в своих облачных уборах, а оттуда видны острова, кишацие непуганой птицей. И в самой глуши — затерянный городок.

Протекшие два дня были так наполнены событиями, всем, кто их пережил, так трудно дышалось, что теперь, по наступлении нового утра, можно не торопясь

распутать этот тутой клубок и перевести дух. Так что же произошло?

Пленные мсье д'Арребу, и переговоры на сей предмет с мсье де Люппе, стремительное явление мсье Барданя, следовавшего в Квебек, отплытие судна «Мирабель» с письмом к Дегре на борту. Все это протекало одновременно или последовательно, независимо одно от другого или перекрещиваясь между собой на фоне корабельной суеты, зычных команд, шлепанья весел, шумной перегрузки товаров, ругательств, жалоб (поскольку из трюмов «Мирабели» пришлось высыпать половину балласта и погрузить то, что отправлял в Европу хлопотливый интендант).

В свою очередь, флот де Пейрака готовился к отплытию. На кораблях кипела работа. На палубу вытащили рулоны ярко-красного фриза, отороченного золотым галуном. Такие «дорожки», закрепленные колышками, украли балюстраду. Ими выстлали палубу и украшали корабль, когда он входил в гавань в праздничные дни. В последний вечер совершили прощальную прогулку.

В сопровождении местных жителей пассажиры «Голдсборо» спустились к Сагенею, чтобы полюбоваться рекой. В приближающихся сумерках она казалась неподвижной золотой скатертью.

Река сияла в закатных сумерках. Те, кто взбирался на высокую кручу около креста, могли наблюдать, как шевелятся ее воды, когда, взбивая пену, из них поднимаются огромные гладкие спины, изящно изгибаются и вновь уходят на глубину, словно отлитые из расплавленного золота, и над поверхностью вздымается хвост, распростертый, словно гигантское крыло.

Дети принялась бегать по отмели, крича от восхищения:

— Мама, мама! Иди посмотреть на китов! — восклицала Онорина.

Уже много лет назад изгнанные из этих мест киты редко подходили к здешним берегам. Лишь изредка по пути от северных мелководий к более теплым морям они ненадолго заплывали в реку, резвясь в ее водах и оживляя в своей памяти какие-то обрывки воспоминаний о былых спокойных временах.

Так произошло и в этот вечер. В стаде выделялся один очень крупный кит и три поменьше. Один из них был совсем мал, но с лихостью повторял все кульбиты своих более взрослых собратьев и матери, за которой следовал неотвязно.

Эти античные чудовища блуждали по устью Сагеня и выделяли нечто, похожее на несказанно грациозные балетные па.

— Они пришли поиграть с нами! Они приплыли ради нас! — кричали дети, подпрыгивая от радости.

Маленький Нильс поднес к своим губам флейту Пана, и раздалась мелодия. Она лилась на одной ноте, долгая, чистая, исполненная внутреннего тепла и похожая на заклинание. Ее подхватил Кантор, подыграв на гитаре, и она сделалась радостной и переливчатой, словно бы следуя за движениями резвящихся китов.

Зачарованные музыкой, дети сбились в кучку и взялись за руки, образовав круг.

— Посмотрите! — закричала Катрин-Гертруда. — Дети танцуют!

Ее бабка, приехавшая из Перигора с поселенцами 1630 года, всегда говорила ей, что это очень дурная примета, когда дети принимаются танцевать. Она сулит немалые беды. В Перигоре с его величественными дубами и густым лесным мохон, в котором прятались трюфели, древние языческие поверья все еще властвовали над умами. Там нередко можно было видеть, как дети, которых внезапно «попутал бес»,

стайками устремлялись к лесу. Тогда взрослые бежали за ними и находили их раскрасневшимися, скачущими, пританцовывая, словно расшалившиеся домовые, вокруг какого-нибудь толстого дуба.

Катрин-Гертруда бросилась в дом за святой водой. Анжелика, вначале не уразумев, что ее так смутило и заставило повернуть назад, продолжала спускаться к берегу.

А дети танцевали. Но они приплясывала от радости я веселья. Они прыгали под звуки флейты и гитары, опьяненные закатным солнцем и музыкой, подражая китам, которые весело кружились в золоте вод, и любуясь этим незабываемым зрелищем.

«Мы одержим победу», — сказала сана себе Анжелика, пораженная красотой этого мига. Казалось, само Провидение дарит им это счастье в залог будущих благодеяний.

Настала ночь, один за другим погасли все огни и в небе, и на воде. Но на смену им зажглись рукотворные светочи и по пляжу замелькали огоньки. Обернувшись к реке Сагеной, где уже копилась тыла, Анжелика различила, или, вернее, угадала силуэты индейской флотилии. Она приближалась, вынырнув из-под мрачных, нависших над водой утесов. Последний луч солнца позволил ей различить Жоффрея де Пейрака, который шел по узкой песчаной косе, двигаясь так стремительно, как если бы скользил на одном из этих каноэ. Она вздрогнула, поскольку лишь недавно рассталась с ним у дальнего конца деревушки. Стало не по себе, как если бы ей пришлось признать существование оборотня, засвидетельствованное каким-нибудь ученым светилом, или поверить, что она только что грезила наяву.

— Неужели я тоже схожу с ума?.. Катрин-Гертруда снова оказалась рядом с ней. Дети тем временем перестали танцевать и занимались тем, что им было

позволено: искали раковины. Почтенная фермерша в наказание за свое суеверие вынуждена была теперь нести в руках флягу со святой водой.

Она тоже посмотрела в ту сторону, куда было обращено задумчивое, отрешенное лицо Анжелики.

— Говорят, скоро придут лесные охотники с озера Мистассин и даже с верховий. У них есть хорошие куньи шкурки. Мне нужно туда. Может быть, мой племянник Евсей среди них.

Посмотрев на корабль, Анжелика увидела там графа де Пейрака. Вместе с боцманом и помощником он изучал «роспись судовых грузов» и отдавал приказания извлечь из трюмов сундуки, многочисленные ящики и ящички, в которых хранились товары на обмен, подарки, одежда, приготовленная с расчетом на те времена, когда они обоснуются в Канаде, и особенно для обмена в Квебекском порту.

Тут было множество самых разнообразных предметов, от дорогих часов (дары офицерам) до малюсенькой часовенки, которую можно носить с процессией во время крестного хода. Все эти предметы были тщательно расставлены и оклеены надписанными ярлычками. Беспорядок на палубе свидетельствовал, что суета здесь продолжается уже довольно долгое время.

— Вы не были только что на берегах Сагенея? — обратилась она с вопросом к мужу.

Он удивленно посмотрел на нее и сказал, что, покончив с делами в порту, он приплыл на шлюпке на «Голдсборо» и никуда не уходил.

— Однако мне показалось, что я видела вас внизу, около Сагенея.

«Решительно, я теряю голову», — сказала она себе.

Вскоре после этого Кантор явился за кошкой: на его корабле завелись мыши и крысы, а его росомаха

Вольверина куда-то исчезла. Это случилось и раньше, но умное животное всегда возвращалось к хозяину.

— Плохо, если она появится некстати, во время официального кортежа в Квебеке. Канадцы и индейцы считают, что в росомаху вселился нечистый дух. На деле же, это самое хитрое животное.

Юноша поднялся на борт корабля и поймал кошку. Онорина обрадовалась этому случаю, ей не хотелось спать. Она изъявила желание проводить своего друга-кошку и брата до каюты. Таким образом, вся семья собралась вместе. Здесь были граф и графиня де Пейрак, Кантор, Онорина, кошка, плюс мсье де Виль д'Эвре.

На поверхности воды отражались огоньки. Приближалась какая-то лодка. Индейцы, которые ее вели, подняли факелы.

— Ох, посмотрите! Что значит этот карнавал? — воскликнул Кантор.

Из темноты появилась ужасная косматая маска не то вепря, не то бизона. Рога ее были выкрашены красной краской, глаза из белых камней выходили из орбит. На плечах ее восседала особа, одетая в замшу и меха. Приплыли они на маленькой лодке.

— Колдун! Что ему нужно от нас?

Эта лодка подошла к шлюпке Кантора, которую тот оставил у борта «Голдсборо». Прибывших сначала приняли за индейцев. Послышался чистый голос:

— О ля! Европейцы, хотите иметь самые красивые в мире меха? Мы их везем с Великого Севера, с самого поста Рюер.

При звуке этого голоса Виль д'Эвре испустил восклицание и наклонился через борт.

— Но это Анн-Франсуа де Кастель-Морга!

— Он самый. Кто меня окликнул?

— Виль д'Эвре.

— Рад вас вновь увидеть, маркиз. Какой счастливый случай привел вас в Тадуссак?

— А вас, милый друг?

— Я спускаюсь от Гудзона и везу превосходные меха.

— Вам могут предложить только водку. Какая жалость, мой милый паж!

Ответом ему был раскатистый смех охотника, эхом повторенный маской.

— А кто эта постная рожа, сопровождающая вас я забавляющаяся за ваш счет?

— Тот, кто хочет приблизиться к вам, чтобы познакомиться. Угадайте!

Особа с маской бизона на голове поднялась на корабль.

Анжелика сразу узнала того, кого она видела недавно издали и которого приняла за Жоффрея.

Тут раздался решительный голосок Онорины.

— Я знаю...

Вскарабкавшись на один из ящиков, она не переставая смотрела через открытый пушечный порт на маску бизона с красными рогами и зубами, которая ее буквально зачаровала.

— Я знаю, кто это, — подтвердила она, — я узнала его по рукам и ножу. Это Флоримон!..

Глава 10

Остров Де-Орлеан растянулся по левому берегу, словно огромная акула с черным бугристым хребтом, перекрывая горизонт, и река засверкала чешуей. Судну пришлось лавировать, преодолевая неблагоприятные течения. За отдаленным мысом пастью чудовища открывался Квебек. Низкое и тяжелое небо спускало бахрому тумана на возвышающиеся берега. Вода была сине-зеленого цвета. Приближалась зима, тоскливое время, когда все замирает, когда кажется, что люди и весь мир копошатся в ледяных потемках.

Ночь настигала вас среди дня.

На кораблях шли приготовления к прибытию в Квебек. Ажиотаж, царивший на них, контрастировал с застывшей природой окрестных берегов.

Нужно было позаботиться об униформах, о параде, о туалетах, приготовить барабаны и трубы, которые должны будут возвестить о прибытии сеньора де Пейрака. Нужно было сшить новую униформу для Адемара и научить Онорину и Керубино делать реверансы перед мсье губернатором Фронтенаком.

Эта подготовка праздников и кортежей занимала умы больше, чем плохая погода. Из открытых сундуков извлекали сокровища. Маркиз де Виль д'Эвре был одним из первых, кто охотно их перебирал.

«Забытым Богом и миром на этой земле все позволено, — бормотал он. — Никто не волен запретить им танцевать среди этих неприступных льдов...»

Приезд Флоримона и его друга Анн-Франсуа де Кастель-Морга придал экспедиции торжественную тональность. Кто бы мог сохранить кислую мину при виде этих добрых молодцев. Они были больше канадцами, чем сами канадцы. По своим манерам и остроумию они были французами в большей степени, чем те французы, которые ждали их в Квебеке. Они были благородными кавалерами, совершавшими подвиги не менее славные, чем герои «Романа о Розе» или герои Круглого Стола.

Обстоятельства, которые свели их вместе на Севере, оставались неясными. Флоримон не мог приступить к подробному рассказу о своих приключениях, так как все внимание было обращено на путь к Квебеку.

На самом деле они встретились случайно на посту у берега Теплых Морей, они узнали друг в друге гасконцев и отправились вместе в кругосветное путешествие. И тот и другой совершенно не ведали о том, что готовится в Новой Франции. Жизнь для них

сохраняла цвета и запахи леса, пряный привкус бродяжничества, воспоминания о холоде зимней ночи, дыме костра и прозорливости индейцев. Но столь же охотно они меняли свои одежды из оленьих шкур на придворное платье и после нескольких месяцев жизни среди дикарей с такой же пылкостью были готовы танцевать с квебекскими девицами на выданье. Втроем с Кантором они часто напевали модные в здешних местах песенки, когда маневрирование и переукладывание парусов на их судне позволяло его весьма немногочисленному экипажу хоть чуть-чуть перевести дух.

У меня есть три корабля на прекрасном море.

Один нагружен золотом, другой — драгоценными камнями.

Мальбрук идет на войну...

Миронтон — миронтон...

Так неожиданно вновь найдя Флоримона, Анжелика испытала ни с чем не сравнимую радость. Этот случай утвердил мнение многих о том, что Канада необычная страна. Ее посещают святые и ангелы.

Со времени своего появления в Канаде Анжелика испытывала беспокойство, думая о Флоримоне, пропадавшем в лесной глуши, где он бродил в обществе своего компаньона, француза Кавелье де ла Саля.

Несмотря на веру, что к ее старшему сыну благоволит само Провидение, ее часто терзали мысли о подстерегавших МО опасностях.

Жан Ле Куеннек возвратился в Вапассу почти тотчас после того, как экспедиция отправилась в путь, поскольку он упал и сильно поранился. Он рассказывал, что весьма непросто договориться с Флоримонем и его предводителем, и потому-то он отказался идти с ними

дальше. Вот почему экспедиция по реке Миссисипи продвигалась с такой медлительностью.

Что касается графа де Пейрака, весьма довольного тем, что ему удалось повидать сына, он повторял себе, что если имеешь детей, похожих на себя, то трудно набежать того, чтобы они тебе и не подражали.

Слушая о странствиях Флоримона, отправившегося на юг, чтобы дойти до Миссисипи и Китайского моря, и, возвратившись с севера, разведавшего окрестности Гудзонова залива, граф де Пейрак не мог не заключить, что скитания сына весьма напоминают ту тягу к бродяжничеству, которой он сам отдал должное во времена отрочества, исколесив почти весь свет. Против объяснений Флоримона, что тот покинул экспедицию Кавелье де ла Сая, потому что последний «ничего в этом не понимал» и не лучше его самого разбирался в картографии и множестве иных вещей, отец пока не имел возражений, допуская, что в них есть зерно истины и откладывая подробную беседу на эту тему до более спокойных времен. Он и сам в свои семнадцать-двадцать лет был способен на подобные выходки и всегда откровенно наслаждался всеми перипетиями своих злоключений, при этом, как и сын, отнюдь не ропща на судьбу. Главное же было в том, что самым удачным завершением той авантюры стало возвращение в Новую Францию, да еще вдобавок с заметками и картами, сделанными при исследовании северных земель.

Глава 11

— Они склонят голову перед вами, и вы увидите мир по-новому. Красота! Неувядаемая красота, которая очаровывает и примиряет с несправедливостью жизни.

— Разве я так красива? Откуда эта легенда?

— Она идет от вас, — прошептал он. — Нужно оправдать их ожидания.

Она улыбнулась его словам и его отражению в зеркале.

— При такой щедрости это нетрудно!

Он помог ей надеть платье. Все ее платья были великолепны. Анжелика выбрала пурпурное. Бархатные складки подчеркивали ее фигуру и придавали величественный вид.

Жоффрей подошел сзади и положил ей на плечи бриллиантовое украшение. Это был пластрон из бриллиантов и рубинов. Жоффрей рассматривал ее в зеркале. Анжелика вспомнила, как Жоффрей, когда ей исполнилось семнадцать лет, надел ей на шею свой первый подарок.

Она вздрогнула от ласкового прикосновения его теплых рук. Он остался таким же — Лагедокский Трубадур. То же пламя светилось в его взгляде, «После стольких лет мы вернулись туда, откуда ушли».

Жить с Жоффреем де Пейраком значило участвовать в приключении, которое нельзя было бы испытать, не будь его рядом.

Благодаря Жоффрею де Пейраку сглаживается реальность, все неприятное отступает назад, смягчается горечь предзнаменования и мир становится не таким враждебным.

Повсюду были разбросаны подарки: для губернатора, дам, карлиц, сирот, богатых и бедных, добродетельных и грешных.

Она не обращала внимания на всю эту возню с ящиками и тюками. Она все еще находилась под впечатлением недавней драмы и не была способна сосредоточиться на сиюминутных развлечениях и заботах. А у него нашлось время и на это. Еще не просохла кровь на берегу Тидмагоуча, а она уже видела, как он вместе с Ванрейком склонялся над сундуками, перебирая дорогие вещицы, картины...

Сколько подарков! Она не понимала, как он смог сохранить безупречность вкуса и пристрастие к красивым вещам. И как ему удастся выкраивать время среди стольких превратностей, чтобы продолжать охоту, полную тонкой, рафинированной изысканности и призванную украсить жизнь, сделать ее более легкой и счастливой. Она сама подчас не думала о существовании иначе, как о тяжелом труде с привкусом земли, слез и горя. А он вдруг раскрывал ладонь, в которой мирно дремала какая-нибудь драгоценная вещь, или внезапно решался повеселить окружающих, выставить дно у пары-тройки бочонков. А то вдруг дарил бедным иммигранткам по зеркалу, чтобы они не теряли присутствия духа.

Легкость, с какой он впадал в восторг или отдавался наслаждению, не притупилась даже после стольких испытаний, выпавших на его долю. Напротив, можно было заметить, что с годами он стал гораздо больше ценить все блага этого мира и даже испытывать к ним особого рода уважение и нежность. Он никогда не уставал восхищаться, созерцая работу какого-нибудь ремесленника, если тот вложил в свой труд, не скупясь, все свое дарование.

Тот же огонек восхищения и счастья разгорался в его обычно суровых глазах, когда он скользил взглядом по изящному вырезу или изысканной линии дамского туалета, когда пурпурное платье облекало стройный стан его супруги, делая ее королевой, достойной луврского дворца.

Он желал вычислить, какую власть над душами может получить та, что появится в столь совершенном обличий.

В этот час множество людей в Квебеке «чертили планы», укрепляли форты и батареи, но их заботила только защита города, меж тем как сердца их оставались беззащитны.

Они совершенно не представляли, что выпадет им на долю.

И его разбирал смех.

— Вы похожи на кота, который облизывается.

— Пожалуй. Я думаю о наших врагах.

— Вы намерены быть очень злым?

— Едва ли.

— Так ли я сильна, чтобы оправдать ваши надежды? Смогу ли я помочь вам восторжествовать?

— Вы давно были такой. Что для вас какой-то город? Вы сумели покорить двор, короля. Если вы захотите, то все склонятся к вашим ногам.

— Сейчас это не одно и те же. Я другая. Менее... менее дикая, может быть. Любовь ослабеем. Больше всего меня страшит встреча с отцом д'Оржевалем.

— Я буду рядом, — сказал он с нежностью в голосе.

И ее опасения рассеялись. Он будет там. Он будет ее оплотом. Человек, наделенный умом и силой, доблестный и справедливый, он любит ее» а она, его жена, любит его больше всего на свете.

Она наклонила голову вбок и коснулась щекой его руки, лежащей на ее плече. Он склонился над ней и долгим поцелуем приник к ее затылку.

— Я хочу, чтобы они были у ваших ног, — прошептал он. — Они все полюбят вас, И он тоже. Я хочу видеть его побежденным, вашего врага. Охваченный фанатичной верой, он осмелился напасть на вас и оклеветать. Наступит день, когда он узнает власть Любви.

«Однажды он тоже полюбит вас. И это будет ему наказанием».

Глава 12

В тот вечер они бросили якорь у крайней точки Орлеанского острова. На борт корабля поднялись два человека: Мопертюи и его сын Пьер-Андре.

Верность этих добрых людей, которые наверняка немало выстрадали из-за того, что блюли свои

обязательства по отношению к ней и графу, вселяли некое чувство уверенности. В последний раз Анжелика видела их в одной из английских деревушек незадолго до того, как ее взяли приступом канадцы-французы. Их земляки почти что силой привезли их в Новую Францию. Конечно, у них были большие неприятности, но все как-то устроилось. В Канаде с родней никогда не живут в ссоре долго, всегда мирятся.

Узнав о прибытии де Пейрака, город взбудоражился, и Мопертюи мудро рассудил, что об этом стоит предупредить заранее. Он приехал на Орлеанский остров, где жила его семья. Население на острове совсем не такое, как в Квебеке. Многие считают этот остров необитаемым. Он покрыт непроницаемой мглой, но его массивный силуэт вырисовывается на фоне ночного неба.

Жоффрей. де > Пейрак расспрашивал о подробностях квебекской жизни, Мопертюи сказал, что в городе готовят праздник по поводу их прибытия. Хотят встретить их с почетом. Особенно об этом заботится мсье де Фронтенак. Большая часть, наиболее важных представителей Большого Совета хотят проявить любезность могущественному визитеру. Но епископ колеблется. Иезуиты? Неизвестно. Мсье де Кастель-Морга рекомендует сопротивление. До сих пор он молчал. Но когда появились в небе огненные лодки, сторонников военного губернатора стало гораздо больше. За городом, на плато, большое скопление диких племен. Они взбудоражены пугающими небесными знаменами. Если Кастель-Морга, который имеет на них большое влияние, возьмет их под свою команду, дело примет худой оборот.

— А Пиксарет? Где он? — спросила Анжелика.

— Неизвестно. Возможно, среди них. Но дикари непостоянны. На них нельзя положиться, мадам.

Анжелика покачала головой:

— Нет, Пиксарет меня не предаст.

Мсье д'Арребу, присутствовавший при этом, с любопытством посмотрел на нее.

— Это так. После Уттаке-ирокеза вы приручили его врага абенака Пиксарета. Невероятно... На это понадобилось всего несколько месяцев. Как вам удастся расположить к себе этих... неприступных бродяг. Это подозрительно.

Им известно, что вы провалили кампанию против англичан, вовлекая в борьбу вождя патсуикетов, изменившего своему роду. Какими словами смогли вы его убедить? Это далеко не простофиля, я его знаю. Он подчиняется только отцу д'Оржевалю, он и его племя. Но на этот раз он отбилсЯ от рук. Чем вы его пленили? Околдовали? Сглазили?

— Конечно же, нет. Мы с ним просто друзья, вот и все.

— Друзья? Это не просто. Вам только кажется. Это все! А ты, Мопертюи, говоришь, что за городом собрались дикари. Гуроны и абенаки ненавидят друг друга.

Не хватает только вашего появления в Квебеке — это послужит причиной грандиозной суматохи. — Виль д'Эвре отвел Анжелику в сторону.

— Покажите мне его! — прошептал он.

— Что?

— Колье Вампум Уттаке, которое он отдал вам в знак союза. Это самое дорогое украшение, каким только владели индейцы.

— Когда-нибудь я вам его покажу, но знайте, что я никогда его вам не отдам. Мне предсказала, что я не должна расставаться с этим колье. Я велю положить его в мой гроб, когда меня проводят в последний путь.

— Может быть, именно поэтому нас преследовали несчастья в Пале-Руале и в других местах.

Маркиз огорченно надул губы. Он был ненасытным коллекционером редких драгоценностей. И он отомстил Анжелике:

— Моя дорогая, не стоит говорить, как вы заполучила эту вещь... Нужно быть хоть в определенной степени... колдуньей.

Имя, произнесенное в этот момент Мопертюи, привлекло внимание Анжелики. Она живо подошла к беседающим.

— Вы говорили о Никола Перро?

— Да, я видел его два дня тому назад.

— О, какое счастье! Я так боялась за него. Когда я узнала, что бравый канадец видел Никола Перро в огненной лодке, у меня возникло нехорошее предчувствие на его счет.

Жоффрей де Пейрак посмотрел на нее, улыбнувшись уголками губ.

— Вы ведете себя, как какая-нибудь суеверная девчонка аз Пуату! — воскликнул он, когда остался с ней наедине.

— Признаюсь, что я напрасно и глупо извожу себя. Здесь в конце концов начинаешь пугаться всего, о чем тебе рассказывают. Эти мужчины и женщины так привыкли коротать век на самом краю света и подчас в ужасающем одиночестве, что нет ничего удивительного, если они во всем видят следы присутствия высших сил. Все это напоминает мне сказки моей кормилицы, от которых мы — моя сестренка и я — потом стучали зубами от страха по ночам... А кроме того, иногда что-то заставляет нас думать, что мир гораздо более обширен и таинствен, нежели то, что могут видеть ваши глаза.

— Я тоже не отрицаю всего разом, — заметил Пейрак, — и Новый Свет богат необъяснимыми явлениями, которые науки когда-нибудь познает. Я хочу сказать, что их не следует бояться. Я сам видел... На

полях Флориды светились огоньки... Люди были напуганы. Логического объяснения мы не находили. Нам дан мир со всеми его тайнами и загадками. Пока мы вынуждены мириться с ним. Наука не объясняет подобных вещей...

Вспомните только! В предыдущие века навигаторы, отваживавшиеся пускаться в плавание по Морю Тьмы, полагали, что океан плоский и кончается огромным провалом, в который можно упасть. И все же, содрогаясь, они отправлялись навстречу бездне, движимые лишь внутренним чувством, которое подсказывало им, что существует еще нечто, достойное открытия. И, меняя тему разговора, спросил:

— Вы уже решили с вашими горничными, в какой платье вы приедете в Квебек?

— Нет еще, — вздохнула она. — Тем более что у меня нет горничных.

— Однако сейчас это более важная тема, чем обсуждение таинственных явлений.

Анжелика отправилась к Дельфине. Она предложит ей добыть ее служанкой. Это наилучшее решение. Она попросят ее сохранить ее тайну о позорном клейме на плече — будь проклят король Франции и этот ужасный обычай клеймить людей каленым железом. У нее всегда возникает гнев против Людовика XIV, так как это клеймо не позволяет носить открытое платье. Анжелика уверена: Дельфина не использует во зло ее доверие.

Перед орудийными портами она услышала молитвы дочерей короля и повернула назад, желая пройтись по палубе.

Она шла, широко ступая. Ночь была темна, и при всем том казалось, что в этой темноте разлит какой-то фосфорический свет. Эта ночь не походила на другие. Она была наполнена непривычными звуками и странными запахами. За спиной она ощущала присутствие Орлеанского острова, высившегося,

подобно стене, а перед ней расстилалось бесконечное ночное пространство, нависшее над лесами и водами. Она чувствовала, что мысли ее блуждают в каком-то тупике. Это не вселяло в нее страха, но мозг, душа требовали иной пищи. Нужно было что-то сделать с собой и с новыми силами начать все сначала.

Она стала перебирать в памяти все, что случилось с ней в жизни. Воспоминания текли неторопливо, как река, по которой плыло судно. Да, она подошла к какой-то цели, подобно реке, вливающейся в море. И в душе ее воцарилась особого рода прозорливая ясность, хотя она и не понимала, как это произошло. Где она оставила или позабыла часть своего сердца, на каких колючках лоскутами повисла часть ее естества? Нет, это бред, она такая же, какой и была. Она знает, кто она, почему оказалась здесь и что за роль ей предстоит сыграть в здешней драме.

Воздух казался странно неподвижным под защитой берегов Орлеанского острова. И качки не ощущалось. Зыбь на реке не походит на морскую. Это соображение пришло ей на ум, потому что даже это чуть заметное подрагивание под ногами показалось ей непривычным. Она повернулась и почувствовала, что над ней кто-то парит в воздухе. Она подняла глаза и увидела на темном пространстве неба огромное светящееся пятно продолговатой формы. Пятно сразу же стало уменьшаться, сокращаться, таять с невероятной скоростью. Это было похоже на свечу, которую задувают со страшной силой. Она окаменела.

Что это было? Какой-то свет? Молния? Взглянув направо, она увидела, как Жоффрей де Пейрак поднимается по лестнице. Она сделала усилие, чтобы выйти из шокового состояния, и подошла к мужу. Только теперь она ощутила ледяное дыхание ночи. Она бросилась к нему и крепко вцепилась в него, пытаясь объяснить ему, что она только что видела.

— Значит, вы получили крещение морем. Это удел всех мореплавателей. Сколько уже моряков видели этот феномен. Но морякам обычно не верят. Вы лучше молчите об этом, Я видел такое явление во Флориде. Это раскаленные частицы света борются против солнечного света. До мен» их видел генуэзец Колумб, и его команда, придя в ужас, привезла своего капитана в Португалию в цепях...

— А почему судно движется? Неужели мы, несмотря на ночь, снялись с якоря?

— Простая предосторожность. Часто с этим явлением связывают возникновение мертвой зыби, шквальных порывов ветра, внезапно бросающих судно на скалы. Потому лучше сейчас удалиться от берега. Но что касается меня, я никогда не сталкивался ни с чем подобным. Успокойтесь. Ничего не случится. — Он обнял ее за плечи.

Несмотря на его спокойствие, она продолжала чувствовать, что происходит что-то невероятное. Она стучала зубами и дрожала от холода. Он укрыл ее своим манто.

— Ах! Вот снова, — воскликнула она, — и здесь, и там!

— Нет, глупышка.

— Тогда что значат эти неподвижные светящиеся точки, которые рядами располагаются в небе?

— Посмотрите получше и вы поймете. Мы дрейфовали и подошли к Квебеку. То, что вы здесь наблюдаете, — это огни города.

Она поняла, что на время забыла об этом мире. Здесь, во тьме, существовал город, поднимаясь к небесному своду. От нижнего города до верхнего все было усыпано огнями. И за каждым окном живые существа, которые чего-то ждут. Семьи. Дети, уложенные спать. Женщины, убирающие со стола деревянные плоские, оставшиеся после ужина

немытыми. Старики, раскуривающие последнюю трубку. Говорят ли они о том, что может произойти завтра? О чужаках, которые собираются высадиться?

Понемногу из глубокой тьмы проступали контуры отдельных строений. Ей показалось, что она различает белесые пятна крыш, присыпанных тонким слоем снега и прилепившихся ярусами к бокам высившейся посередине скалы.

Виднелись красные колеблющиеся точки костров, разложенных на береговой отмели, и покачивающиеся на ветру фонари порта. До их корабля уже доносился едкий запах дыма.

Ей показалось, что она слышит собачий лай. То были псы, бродящие по городским улицам, дворовые и одичавшие, потерявшие хозяев... как во всех городах на земле.

И это взволновало ее более всего остального.

Глава 13

На заре после короткого отдыха нужно было заняться последними приготовлениями.

Еще царилась ночь, а на кораблях кипела бурная деятельность. Иоланда постучала в дверь комнаты, в которой Анжелика завершала свой туалет. Перед ней на столике была масса баночек и флаконов. Сейчас придет Дельфина с платьями. Она и Анриетта помогут ей причесаться. Потом она оденется.

— Иоланда, как ты прелестна, моя дорогая! — сказала она молодой акадийке, которая действительно прекрасно выглядела в оранжевом платье с большим белым воротником. — Но как жаль, что ты продала свои коралловые бусы. Они бы оченьгодились сегодня.

— Это была глупость. Я знаю. Тем хуже для меня.

— Но что ты хочешь от меня?

Иоланда объяснила, что не может сладить с Онориной, которая заявила, что не наденет приготовленное для нее платье. Она хочет носить

костюм мальчика. И ни в коем случае не сделает реверанса перед губернатором.

— Приведи ее ко мне, — сказала Анжелика.

Она навела порядок среда баночек и флаконов на туалетном столике, облачилась в подбитый ватой и отороченный мехом бархатный камзол, поскольку, несмотря на пылающую жаровню, в каюте было довольно холодно... Все это делая, она обдумывала, что скажет Онорине, чтобы девочка послушалась, хотя заранее знала, что Онорина без труда опрокинет все ее аргументы.

Вошла Онорина с бесстрастным лицом. Она надела задом наперед брючки от мушкетерского костюма, который подарил ей Пейрак. Он знал, что такой подарок понравится ей больше всего.

— Дорогая моя девочка, — воскликнула Анжелика, — как ты можешь предпочитать эти грубые темно-серые брюкв такому красивому платью? Восхитительное платье!

Иоланда развернула платье, но Онорина отвела взгляд.

— Я так одеваюсь, потому что скоро будет война. Если они там начнут сражение, я хочу быть солдатом, — сказала Онорина.

— Но если они устроят праздник, нужно быть принцессой. Посмотри на меня. Я буду в платье.

— Но ты ведь Дьяволица, — невозмутимо возразила Онорина. — Они тебя ждут. — И добавила проникновенным тоном: — Ты должна быть красивой!

Онорина обычно запоминала обрывки разговоров, которые слышала вокруг. Анжелика смутилась. Благодарение богу! Онорины не было в Голдсборо в то проклятое лето. Амбруазина, ревнивая как кошка, без всяких колебаний могла бы погубить этого любимого ребенка. Задним числом Анжелика задрожала от

страха. Она взяла на руки свою девочку и, прижала ее к груди.

— Золотце мое! Боже мой! С тобой ничего не случилось, какое счастье!

— Значит, ты не возражаешь, чтобы я оделась мальчиком? — спросила Онорина.

— Да, я огорчена, не тем хуже для меня. Я не хочу, чтобы ты была несчастной. Только я думаю, что... Может быть, мсье Ломени-Шамбору будет досадно, что он не увидит тебя среди окружающих в такой торжественный день.

Аргумент подействовал. Онорина, имела слабость к мсье Ломени-Шамбору. Она заколебалась.

— А насчет реверанса... Ты можешь сделать его сама, если захочешь.

Анжелика угадала. Онорине действительно была неприятна мысль сделать реверанс губернатору в компании этого простофили Керубино. Она знала его — он мог сплеховать и испортить все дело. Она бросила гордый взгляд на своего товарища, который крался по комнате, как шkodливый котенок. Они хорошо играли вместе, но в серьезных обстоятельствах на Керубино нельзя надеяться. И потом, она была дочерью мсье де Пейрака, зачем же ей рядиться посмешищем.

Она выйдет вперед одна, в голубом платье, и мсье де Ломени будет очень рад увидеть ее такой красивой. И Иоланда начала одевать Онорину.

В глубине комнаты что-то изменилось. Свет свечей и ламп поблек. Повернувшись к окнам салона, Анжелика увидела мерцающий пурпурный цвет. — Сеньора! Пожар!

Анжелика бросилась к окнам и с шумом распахнула их. У нее перехватило дыхание как от ледяного воздуха, так и от чудесной картины, которая открылась ей. То, что она привяла за пожар, оказалось утренней зарей, светом восходящего солнца. Это солнце забрызгало

светом Квебек, окрасив его бледно-розовыми искрами. В утренней свежести вырисовывался хрустальный город.

Искусно сделанные колокольни церковей казались серебряными.

Мирные струйки дыма белели над крышами домов. Анжелика иногда мечтала о Квебеке, но на деле он оказался еще красивее, чем в мечтах.

— Онорина, иди сюда скорее, посмотри на город!

Она взяла дочь за руку, испытав при этом огромную радость. Обе они в молчании любовались городом. А город показывал им свое лицо, чистое и нежное.

В этот момент вошел Жоффрей де Пейрак. Его помощники внесли три набора драгоценностей: лазурный, пурпур-вый и золотой. Куасси-Ба в тюрбане держал на подушке шкатулку с украшениями: кольцо, браслетами, диадемами из жемчуга и золота.

Жоффрей де Пейрак сделал жест волшебника, творящего чудеса:

— Вот платья, а вот украшения. Да будет праздник!